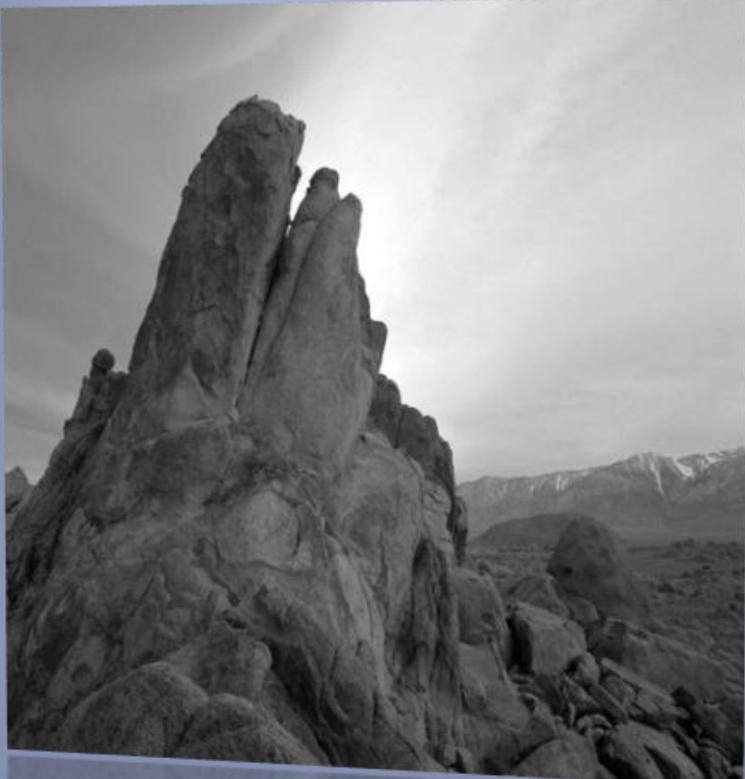


www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxana təqdim edir:



Али и Нино

Курбан Саид

РОМАН

Bu elektron nəşr WWW.KİTABXANA.NET - Milli Virtual Kitabxananın “Eurovision-2012” mahnı müsabiqəsinə gələn xarici qonaqlar, turistlət və soydaşlarımız üçün Azərbaycan kitablarını, eləcə də yazıçılarımızın əsərlərini müxtəlif dillərdə, rəqəmsal - e-kitab formatında hazırlanmaq..." Kulturoloji-innovativ Layihə çərçivəsində nəşrə hazırlanıb və yayılır.

Kulturoloji layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurum:

Azərbaycan Respublikası Prezidenti Yanında Qeyri-Hökumət Təşkilatlarına Dövlət Dəstəyi Şurası

Курбан Сайд

Али и Нино

РОМАН

Перевод М. Гусейнзаде

Elektron Kitab N 14

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın e-nəşri N 14 - 32 (2012)

Bakı – 2012

E-nəşrə hazırlayıçı və şəbəkə redaktoru:

Aydın Xan (Əbilov)

Klassik Azərbaycan bədii nəsrinin dəyərli nümunəsi rus dilində...

Курбан Сайд

Али и Нино

РОМАН

Перевод М. Гусейнзаде

Бесконечно благодарен Сабине Улухановой за неоценимую помощь в работе над переводом.

М. Гусейнзаде

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Север, юг и запад Европы окружены морями. Северный Ледовитый океан, Средиземное море и Атлантический океан составляют естественные границы этого континента. Восточная граница Европы проходит по территории Российской империи. Она спускается по Уральским горам, делит надвое Каспийское море и далее проходит через Закавказье. И тут наука еще не сказала своего окончательного слова. Некоторые ученые относят к Европе и южные склоны Кавказских гор, другие же считают, что эта территория не может считаться Европой, особенно если учесть культурное развитие населяющих ее народов. Дети мои! От вас самих будет зависеть, причислят ли наш город к прогрессивной Европе или же отсталой Азии.

И профессор, облаченный в шитый золотом мундир преподавателей русских гимназий, довольно улыбнулся.

У сорока учеников третьего класса Бакинской русской императорской гуманитарной гимназии перехватило дыхание перед бездной науки и грузом ответственности, павшей на наши плечи.

Какое-то время мы все молчали. Мы - это тридцать мусульман, четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский. Тут с последней парты поднял руку Мухаммед Гейдар.

- Простите, господин профессор, но мы хотели бы остаться в Азии.

Класс грохнул. Мухаммед Гейдар уже второй год отсиживал в третьем классе, и, пока Баку относился к Азии, существовала вероятность, что он не продвинется в учебе и на третий год, потому что согласно указу министерства в азиатских областях Российской империи учащиеся из числа местного населения могли учиться в одном и том же классе, сколько им заблагорассудится.

Профессор Санин озабоченно потер лоб.

- Вот как! Значит, вы, Мухаммед Гейдар, хотите остаться в Азии? Ну-ка, выйдите к доске. А можете ли вы обосновать свое желание?

Мухаммед Гейдар стоял пунцово-красный, не в силах произнести ни слова. Он разинул рот, морщил лоб и бессмысленно таращил туповатые глаза. Немусульманская часть класса наслаждалась ситуацией. Надо было спасать положение, и поэтому я поднял руку и заявил, что тоже хочу остаться в Азии.

- Али хан Ширваншир! И вы?! Ну ладно, выходите!

Профессор Санин, проклиная в душе злую судьбу, забросившую его на берега Каспия, нервно откашлялся и тихо, с надеждой, спросил:

- А вы можете обосновать свое желание?
- Да. Я очень хорошо чувствую себя в Азии.

- Так, так. А вы когда-нибудь были в истинно дикой азиатской стране, скажем, в Иране?

- Да, прошлым летом.

- Так! А видели ли вы там величайшие достижения европейской культуры, ну, хотя бы автомобиль?

- Да, и причем самый большой. На тридцать человек, а может, и больше. Они ездят не в самом городе, а курсируют между городами.

- Вы говорите об автобусах, их используют потому, что не хватает железных дорог. Это - признак отсталости. Садитесь, Ширваншир!

Теперь наступила очередь торжествовать мусульманской части класса. Я шел к своей парте, сопровождаемый одобрительными взглядами.

Профессор Санин растерянно молчал. В его задачу входило воспитать своих учеников настоящими европейцами.

- А кто из вас был, например, в Берлине? - спросил он вдруг.

Но этот день для профессора явно выдался неудачным: сектант Майков поднял руку и сообщил, что, еще совсем маленьким, был в Берлине, но сейчас он ничего, кроме духоты вокзала, жуткого грохота метро да еще заботливо приготовленного для него мамой бутерброда с ветчиной, не помнит.

Мы, тридцать мусульман, сочли себя оскорбленными до глубины души его сообщением. А Сейид Мустафа даже попросил разрешения выйти в коридор, потому что его затошило при одном лишь упоминании о свинине. Таким образом, раз и навсегда закончилась дискуссия о местоположении Баку.

Прозвенел звонок. Профессор Санин с огромным облегчением покинул класс, и мы, все сорок человек, гурьбой выбежали за ним. Это была большая перемена, и каждый мог выбирать на вкус любое из трех развлечений: выбежать во двор и затеять драку с учениками соседней реальной гимназии из-за того, что у них золотые пуговицы на мундирах и золотые кокарды, в то время как наши пуговицы и кокарды были серебряными; либо громко говорить друг с другом по-азербайджански, потому что русские этого языка не понимали, к тому же в гимназии во время занятий говорить на азербайджанском языке было запрещено; и, наконец, можно было пойти в расположенную напротив женскую гимназию святой царицы Тамары. Я выбрал третий вариант.

Лицейстки в голубых, цвета мечты, форменных платьях и белых фартуках степенно прогуливались по саду. Среди них была и моя двоюродная сестра Айше. Она гуляла под руку с самой красивой в мире девочкой Нино Кипиани. Увидев меня, Айше помахала рукой, Я подошел к ним и стал рассказывать о сражении, состоявшемся на уроке географии.

- Али хан, ты дурак, - сказала, наморщив носик, самая красивая в мире девочка. - Слава Богу, что мы в Европе. Будь мы в Азии, мне давно следовало бы надеть чадру, и ты бы никогда не увидел моего лица.

Я был разбит наголову. Спорное географическое положение Баку, действительно подарило мне благосклонность самых красивых в мире глаз.

Расстроенный, я решил не идти на остальные уроки и отправился бродить по улицам, разглядывая верблюдов, а потом долго стоял у моря, печально размышляя о Европе, Азии и прекрасных глазах Нино Кипиани.

Вдруг передо мной возник какой-то жуткого вида нищий. Я бросил ему монету. Он тут же схватил, мою руку, намереваясь поцеловать ее. Я испуганно отдернул руку. А потом, полный раскаяния за проявленное бессердечие, битых два часа искал исчезнувшего нищего, чтобы позволить ему поцеловать мне руку. Мне все казалось, что я обидел его отказом, и

угрызения совести не давали мне покоя. Впрочем, найти нищего мне так и не удалось.

С тех пор прошло пять лет.

Много всякого произошло за эти годы. В нашу гимназию пришел новый директор, который больше всего на свете любил схватить кого-нибудь из нас за ворот и несколько раз сильно тряхнуть. Бить гимназистов запрещалось.

В эти же пять лет преподаватель шариата подробно объяснил нам, сколь велика милость Аллаха, давшего нам возможность явиться на свет мусульманами. К нам в класс пришли ещё двое армян и один русский. Зато двое мусульман ушли из гимназии: один из них в шестнадцать лет женился, а второго во время летних каникул зарезали в кровавой поножовщине.

Я же, Али хан Ширваншир, трижды съездил в Дагестан, дважды - в Тифлис, однажды был в Кисловодске и раз гостил у одного из своих дядей в Иране.

И еще я как-то чуть было не остался на второй год из-за того, что не смог отличить герундиум от герундивума¹. Отец тогда пошел в мечеть, поговорил с муллой, который авторитетно объяснил ему, что латынь - это вообще сплошное недоразумение. Удовлетворенный подобным объяснением, отец надел все свои турецкие, русские и иранские ордена, явился к директору гимназии и подарил гимназии какой-то физический прибор. С тех пор я уже беспрепятственно переходил из класса в класс.

За эти годы стена гимназии украсилась новым объявлением, которое запрещало появляться в гимназии с заряженным пистолетом.

И, наконец, в эти пять лет в городе появилась телефонная сеть, открылись два новых кинотеатра, а Нино Кипиани по-прежнему оставалась самой красивой в мире девушкой.

Но скоро все должно было закончиться: до экзаменов оставалась всего неделя, я сидел в своей комнате и думал о том, как глупо учить латынь, живя на берегах Каспия.

Моя комната была самой лучшей во всем нашем двухэтажном доме. По стенам висели великолепные бухарские, исфаганские и кешанданские ковры. Поразительные по тонкости исполнения узоры на коврах изображали сады и озера, леса и реки такими, как их представляла мастерица. Человек, в этом деле несведущий, ничего особенного здесь не увидит, а для знатока - эта картина полна пленительного очарования.

Где-то далеко в степях женщины кочевых племен выискивают растения, из которых делают краску, секрет приготовления которой хранится столетиями и передается из поколения в поколение. На создание истинного произведения искусства мастерица должна потратить никак не меньше десяти лет. Так возникает ковер со сценами охоты или рыцарского поединка, шедевр, полный символов и намеков, понятных лишь посвященным, украшенный строкой Фирдоуси или мудрым изречением Саади.

Ковров было много, отчего комната казалась темной. Кроме ковров, в моей комнате были низкий диван, инкрустированный перламутром столик, множество мягких подушек и валяющиеся среди всего этого великолепия совершенно ненужные книги, учебники европейских наук - химии, латыни, физики, тригонометрии - глупостей, придуманных варварами, чтобы скрыть свое варварство.

Я захлопнул книгу и вышел из комнаты. Прошел по узкой веранде, поднялся на плоскую крышу и взглянул на мир, расстилающийся у моих ног: мощные крепостные стены Ичери шехер, развалины дворца с сохранившимися на камнях арабскими надписями, узкие уложки, по которым медленно шли верблюды. А вот возвышается круглая, массивная Девичья башня. У ее подножья суетятся проводники. Чуть поодаль, за Девичьей башней, распростерлось море свинцовое, непостижимое Каспийское море. Вдалеке вдоль берега тянулась степь - мрачные скалы, пески и колючки - прекраснейший в мире пейзаж, спокойный и непоколебимый.

Я неподвижно сидел на крыше. Какое мне дело до чужих городов, чужих крыш и чужих пейзажей? Я любил это ровное море, любил степь и лежащий у моих ног древний город. Суетливые, шумные люди, которые приезжали сюда в поисках нефти, обогащались,

но уезжали, потому что не любили этой степи.

Слуга принес чай. Я сидел на крыше, пил чай и думал о выпускных экзаменах. Экзамены я сдам, в этом не было никаких сомнений. Да и провались я на экзаменах - мир не рухнул бы. Просто в этом случае крестьяне в нашем поместье говорили бы, что я так люблю ученье, что не хочу расставаться с гимназией.

Впрочем, меня и в самом деле огорчало, что я заканчиваю гимназию. У нас были красивые, изящные мундиры с серебряными пуговицами, погонами и кокардой. В партикулярном платье я чувствовал себя не так свободно. Впрочем, мне и не придется долго носить его - всего лишь месяц, а потом я уеду в Москву учиться в Институте восточных языков имени Лазаревича. Я сам пришел к такому решению. И буду учиться гораздо лучше русских, потому что с детства знаю то, чему им предстоит еще долго учиться. И, кроме того, у студентов института имени Лазаревича были самые красивые мундиры: красные пиджаки с шитыми золотом воротниками, тонкий позолоченный кинжал и даже мягкие перчатки, которые им разрешалось носить в конце недели. Человек должен носить форму, иначе русские его уважать не будут, если же я не добьюсь уважения русских, Нино не выйдет за меня замуж. А я должен жениться на Нино, несмотря на то, что она христианка. Грузинки - самые красивые женщины в мире. Я даже знал, что стану делать, если она откажет мне. Возьму с собой несколько отчаянных ребят, переброшу Нино на спину быстроногого коня, пересеку иранскую границу и увезу Нино в Тегеран. Тогда ей придется согласиться, потому что другого выхода у нее не будет!

Да, отсюда, с крыши нашего бакинского дома, жизнь казалась легкой и прекрасной.

Наш слуга Керим тронул меня за плечо.

- Пора!

Я поднялся. Действительно пора. На горизонте за Наргеном уже показался корабль. Если верить телеграмме, которую принес христианин-телеграфист, на этом корабле должны были приплыть мой дядя, три его жены и слуги. Мне предстояло встретить их. Я торопливо сбежал по ступенькам, сел в подъехавший фаэтон и отправился в шумный порт.

Дядя был человеком знаменитым. Милостью Насреддин шаха он был удостоен почетного звания "Ассад-ад Довле" - Лев империи, и обращаться к нему можно было только так. У дяди, как я уже говорил, было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и большое поместье в Мазандаране.

В Баку он ехал из-за младшей жены, Зейнаб. Ей было восемнадцать, и дядя любил ее больше остальных. Но, увы, Зейнаб была бесплодна, а дядя хотел ребенка именно от нее. Он уже возил Зейнаб в Хамадан. Там, в пустыне стоит высеченный из красного камня магический Лев, который, по поверью, обладает целебным взглядом. Когда-то эту фигуру высекли по приказу древних царей, имена которых давно забыты. Много веков женщины приходят к этой статуе припадают губами к его могущественному члену и надеются на то, что это принесет им счастье материнства. Но даже лев не помог Зейнаб. Не помогли ей ни молитвы, ни заклинания кербалайских дервишей, ни колдовство мешхедских мудрецов, ни ворожба тегеранских старух.

И вот дядя привез Зейнаб в Баку, чтобы с помощью западных врачей добиться успеха там, где оказались бессильны мудрецы Востока. Бедный дядя! Он был вынужден везти с собой и двух других, уже старых и нежеланных жен. Этого требовал обычай: "ты можешь иметь одну, две, три или четыре жены, если только будешь относиться к ним одинаково".

"Однаково относиться" значило - предлагать всем одно и то же, например, поездку в Баку.

Согласно обычаям, я не имел права общаться с ними. Женщины располагаются в ендеруне - внутренних комнатах дома. Воспитанный человек о чужих женах не говорит, не расспрашивает и не передает им привета. Женщины живут в тени мужчин, даже если мужчины только в тени этих женщин чувствуют себя хорошо. Я считаю это верным и разумным правилом. У нас говорят: "У женщины ума, как у курицы перьев". Надо

приглядывать за теми, у кого не хватает ума, они могут причинить много несчастья и себе, и близким. Очень, на мой взгляд, разумно.

Небольшой пароходик причалил к причалу. Волосатые, широкоплечие матросы перекинули трап. Пассажиры заторопились на берег: русские, армяне, евреи - они так спешили ступить на землю, как будто боялись провести, на корабле лишнюю минуту. Дядя пока не было. Он вообще был противником всякой спешки. "Торопливость- привилегия Дьявола" - говорил он. Поэтому худая фигура Льва империи появилась на палубе лишь после того, как на берег сошел последний пассажир.

Дядя был одет в абу на шелковой подкладке, на голове - небольшая черная меховая шапочка, густая борода и ногти выкрашены хной в знак поклонения имаму Гусейну, который тысячу лет назад проливал кровь во имя истинной веры. Маленькие глаза дяди смотрели на мир устало. За ним суетливо следовали три фигуры, с ног до головы укутанные в чадру, - его жены. Далее шли евнухи - один с лицом ученого, второй - худой, напоминающий ящерицу. Третий был необычайно мал ростом, но весь его вид свидетельствовал, что он необыкновенно горд тем, что ему доверено оберегать честь Его Превосходительства.

Дядя медленно спустился по трапу. Я обнял его и почтительно поцеловал в левое плечо, хотя на улице этого можно было бы не делать. В сторону жен я даже не взглянул. Мы сели в фаэтон, жены и слуги разместились в следующем за нами крытом экипаже. Картина была столь внушительной, что я велел извозчику свернуть с дороги и везти нас по бульвару: пусть весь город знает, как богат мой дядя.

Я увидел Нино, она стояла на бульваре и с улыбкой смотрела на меня.

Дядя с достоинством поглаживал бороду.

- Ну, какие новости в городе? - спросил он.

Я хорошо знал свое дело. Рассказывая о новостях, следовало начинать с незначительных мелочей и лишь потом постепенно переходить к главному.

- Ничего особенного, - ответил я. - На прошлой неделе Дадаш бек убил Ахундзаде, который осмелился появиться в городе после того, как восемь лет назад похитил жену Дадаш бека. На следующий же день Дадаш бек убил его. Сейчас полиция разыскивает его, но не найдет, хотя весь город знает, что он скрывается в Мардакянах. Умные люди говорят, что Дадаш бек поступил правильно.

Дядя одобрительно кивнул.

- Какие еще новости?

- Да, русские нашли в Биби-Эйбате много нефти. Нобель привез в город громадную немецкую машину. Говорят, он собирается засыпать часть моря и искать там нефть.

Дядя очень удивился.

- О Аллах, о Аллах! - озабоченно проговорил он и поджал губы.

- Дома у нас все в порядке, и, с позволения Аллаха, я на следующей неделе заканчиваю учебу.

Так я болтал всю дорогу, а старик внимательно слушал меня. И уже около самого дома я опустил глаза и словно бы между прочим обронил:

- В город приехал знаменитый врач из России. Он, говорят, очень хороший врач. Посмотрит человеку в лицо и сразу может определить его прошлое, настоящее, а потом расскажет и будущее.

Ни единый мускул не дрогнул на скучающем лице дяди. Он лишь равнодушно поинтересовался фамилией врача, и я понял, что попал в самую точку.

Ибо это всё называют у нас "хорошим поведением и благородным воспитанием".

ГЛАВА ВТОРАЯ

Втроем, то есть отец, дядя и я, мы расположились на плоской крыше нашего дома, невысокий парапет которой укрывал нас от ветра. Стояла сильная жара. Крыша была устлана мягкими, яркими карабахскими коврами, на которых мы сидели, поджав по-турецки ноги.

Перед нами на скатерти были расставлены вкуснейшие восточные блюда медовые

лепешки, засахаренные фрукты, шашлык, плов с курицей и кишмишом.

Всякий раз, наблюдая, как едят мои отец и дядя, я восхищался аристократической утонченностью их движений. Держа левую руку неподвижно, они одними лишь пальцами отрывали кусок лаваша, захватывали им кусок мяса, заворачивали мясо в лаваш и отправляли в рот. Затем дядя медленным движением погружал три пальца в жирный, ароматный плов, сжимал рис в плотный комочек и отправлял его вслед за мясом, да так ловко, что ни одно зернышко при этом не падало.

Клянусь Аллахом, зря русские хваствают своим умением есть с помощью ножа и вилки. Этому любой дурак научится за месяц. Я и сам прекрасно управляюсь ножом и вилкой, и знаю, как следует держать себя за европейским столом. Но за свои восемнадцать лет мне так и не удалось научиться есть с такой элегантностью, как это делали дядя и отец. С помощью лишь трех пальцев они могли съесть любое из бесчисленных восточных блюд.

Нино нашу манеру есть называет варварской. В доме Кипиани всегда едят по-европейски, за столом. Мы же садились за стол только в том случае, если у нас в гостях были русские. Нино ужасалась, пытаясь представить себе, как я сижу на ковре и ем руками. При этом она забывала, что ее родной папочка в первый раз взял вилку в руки в двадцать лет.

Трапеза окончилась. Мы ополоснули руки, и дядя прочитал короткую молитву. Слуги убрали посуду с остатками еды, подали маленькие чашечки с крепким чаем. И, как полагается после сытного обеда, дядя завел разговор о том о сем. Отец говорил совсем мало, что же касается меня, то я вообще не имел права вступать в их беседу. Этого требовали правила приличий. Говорил только дядя, и преимущественно о временах великого Насреддин шаха, при дворе которого дядя играл, несомненно, большую, но еще не до конца понятную мне роль.

- Тридцать лет пользовался я благосклонностью шахиншаха. Трижды его величество брал меня с собой в зарубежные поездки, в которых я имел возможность изучить мир кяфиров. Мы бывали во дворцах императоров и королей, встречались с самыми знаменитыми христианами нашего времени. Удивительно живут они, и самое удивительное - это их отношение к женщинам. Европейские женщины, даже жены императоров и королей, ходят во дворцах почти голые, и никто не обращает на это никакого внимания. Либо христиане не настоящие мужчины, либо тут что-то другое. В то же время этих кяфиров может взволновать сущий пустяк. Как-то его величество был приглашен на обед к одному из королей. Рядом с ним села королева. На тарелке его величества лежал аппетитный кусок курицы. Шахиншах с присущей ему галантностью изящно взял тремя пальцами этот кусок и положил его на тарелку королевы. Та побледнела, перепугалась, чуть в обморок не упала.

Позже мы узнали, что многие придворные и принцы совершенно испорчены милосердием и добротой своего короля. А посмотрите, как низко ценят европейцы женщин! Мужчины демонстрируют на весь мир голые тела своих жен, а прилично обращаться с ними так и не научились. После обеда французский посол даже обнял королеву и под звуки какой-то ужасной музыки закружился с ней по залу. А король и его генералы спокойно смотрели на это, и никому не пришло в голову защитить честь своего государя... В Берлине мне, вообще, довелось попасть в необычайный театр. Он называется опера. На сцене отвратительно пела какая-то толстая женщина. Называлось это представление "Африканка". Его величеству очень не понравился голос певицы. Император Вильгельм заметил это и приказал тут же на сцене подвергнуть ее наказанию. И вот в последнем действии на сцене появилось много негров, они разожгли большой костер. Певицу связали по рукам и ногам, положили на костер и сожгли на медленном огне. Его величество был доволен. Потом, правда, один человек пытался доказать нам, что костер был не настоящим, но мы не поверили этому, потому что крики певицы очень напоминали крики неверной Хурриет-уль-Айи, которую незадолго перед тем сожгли в Тегеране по приказу его величества.

Дядя умолк, погруженный в воспоминания. Потом глубоко вздохнул.

- Одного я не могу понять в христианах, - продолжал он, - они располагают самым лучшим оружием, у них мощная армия, военные заводы, производящие все, что нужно для победы над врагом. Человек, который придумывает, как можно быстро и спокойно уничтожить побольше врагов, получает большую денежную премию, орден. Это правильно. Потому что война вещь нужная. Но, с другой стороны, европейцы строят больницы, а ученый, который находит средство против смерти, и врач, помогающий во время войны солдатам противника, пользуются всеобщим уважением и тоже награждаются орденами. Это всегда удивляло его величества: почему люди за совершенно противоположные дела получают одни и те же награды? В Вене он говорил на эту тему с императором, но и тот не смог дать этой странности удовлетворительного объяснения. Более того, европейцы презирают нас за то, что для нас враг - это враг, и мы беспощадно убиваем его. Они презирают нас за то, что нам дозволено содержать по четыре жены. Хотя многие из них содержат и больше. И все же они презирают нас за то, что мы живем, соблюдая требования Аллаха.

Дядя снова умолк.

В лучах заходящего солнца его тень напоминала силуэт старой, тощей птицы. Вдруг он поперхнулся и старчески закашлял.

- Мы делаем все что требует от нас Аллах, - сказал он, откашливвшись. А европейцы не выполняют требований своего Бога. Однако несмотря на это, Бог дает им все больше сил и мощи, у нас же он ее отнимает. Кто объяснит мне, почему так происходит?

Мы не в состоянии были объяснить этого. Старый и усталый дядя поднялся и медленной походкой удалился в свою комнату. Отец пошел за ним. Слуги убрали чашки, и я остался на крыше один. Спать мне не хотелось.

На город опускалась ночная мгла, сейчас он напоминал зверя, притаившегося и готового к прыжку. Передо мной лежали, по сути дела, не один, а два города, сросшиеся, как две половины ореховой скорлупы.

Скорлупой был внешний город, лежащий по другую сторону древней крепостной стены. Улицы в том городе были широкие, дома - высокие, а люди алчные и суетливые. Главным в жизни того города была нефть, добываемая в нашей степи. Именно она приносила основной доход. Во внешнем городе были театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские, красивые женщины с обнаженными плечами. Если там стреляли, то только из-за денег. Граница между Европой и Азией тоже проходила по внешнему городу. И самое главное там жила Нино.

А по эту сторону крепостных стен улицы были узкими и кривыми, как восточный кинжал. Если там, за крепостной стеной, в небо взошли вышки нефтяных промыслов Нобеля, то здесь - в пушистые облака возносились минареты мечетей. Здесь, у восточной стены Старого города возвышалась Девичья башня, которую очень давно велел воздвигнуть правитель Баку Мухаммед Юсиф хан в честь своей дочери, на которой он хотел жениться. Но свадьбе не суждено было состояться. Девушка бросилась с башни в тот момент, когда отец поднимался по лестнице в покой дочери. Камень, о который разбилась девушка, называется "камнем девственницы" и невесты перед свадьбой иногда приносят к нему цветы.

Много крови пролилось на улицах нашего города за прошедшие столетия.

Прямо напротив нашего дома стоят ворота князя Цицианишвили.

Это было много лет назад, когда Баку еще принадлежал Ирану и правитель Азербайджана должен был платить шаху дань. В Баку в те годы правил Гасанкули хан, а князь Цицианишвили был генералом царской армии и командовал войсками, осадившими Баку. Гасанкули хан заявил, что он готов сдать город, открыл ворота и впустил князя. Князь вошел в Баку в сопровождении всего нескольких офицеров. На городской площади как раз у этих ворот было устроено большое празднество, горели костры, жарились целые туши буйволов. Успокоенный и утомленный князь склонил голову на грудь Гасанкули хана. И тогда мой предок Ибрагим хан Ширваншир подал правителью большой кривой кинжал,

которым Гасанкули хан спокойно перерезал горло князю. Голову генерала положили в мешок, посыпали солью, и мой прадедушка отвез ее в Тегеран шахиншаху.

Чтобы отомстить за это убийство, царь послал в Баку большую армию. Гасанкули хан велел крепко запереть городские ворота, а сам спрятался во дворце, где все дни проводил в молитвах, прося Аллаха о спасении. Когда же царские войска приступили к штурму крепостных стен, Гасанкули хан подземным ходом пробрался к морю и бежал в Иран. Но прежде чем уйти, он написал на дверях подземного хода всего одну фразу: "Кто думает о завтрашнем дне, тому никогда не стать храбрым".

Теперь этот подземный ход завален.

Возвращаясь из гимназии, я часто прохожу мимо полуразрушенного дворца. Его судилище с массивными мавританскими колоннами сейчас пусто и безлюдно. Если кто-то хочет защитить свои права, он должен обратиться к русским судьям, в русские суды, которые находятся за пределами крепостных стен. Но мало кто обращается в русские суды. И не потому, что судьи там плохи или несправедливы. Совсем наоборот, они гораздо мягче и справедливей, чем этого хотелось бы, поэтому их милосердие и справедливость не понятны и не по нраву нашему народу. Русские судьи, например, воров сажают в тюрьму, а там их содержат в чистых камерах, кормят, дают чай и даже сахар. Это никому не приносит пользы, и в первую очередь тому, кого обокрали.

Народ, конечно, недоволен и сам защищает свои права. После обеда жалобщики приходят в мечеть, где сидят в круг старые, мудрые люди, которые решают все вопросы по законам Аллаха и шариата: "Око за око, зуб за зуб".

Прокользнут иногда по темным улицам люди в масках, сверкнет кинжал, и справедливость восстановлена.

Кровная месть переходит из одного дома в другой, и очень редко кто-нибудь обращается к русским судьям. От такого человека отворачиваются старики, а дети на улицах показывают ему язык.

Иногда по улице протащат мешок, из которого доносятся чьи-то сдавленные стоны. Мешок выбрасывают в море, и он с тихим всплеском уходит на дно. А на следующий день кто-то плачет, рвет на себе одежды, но воля Аллаха выполнена - уличенная в прелюбодеянии жена убита.

Наш город - это сплошные тайны, которые прячутся в его укромных уголках. Я люблю эти тайны, люблю эти укромные уголки, люблю гудящую тьму ночи, дневной шепот во дворе мечети. Люблю потому, что именно здесь Аллах позволил мне явиться на свет человеком, шиитом, последователем имама Джафара.

И коли уж Он столь милостив ко мне, так пусть же позволит мне и умереть на этой улице, в этом доме, где я родился.

Пусть Он позволит это мне и грузинской христианке, которая ест с помощью ножа и вилки, носит тонкие, прозрачные чулки, той, в чьих глазах всегда светится улыбка, - Нино!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первый день выпускных экзаменов в гимназии. Блестят золотом воротнички, сияет серебро пряжек и пуговиц. Серая ткань тщательно выглаженных брюк хранит еще тепло утюга. Сняв фуражки, мы молча стоим в актовом зале на торжественном молебне, прося помочи у русского Бога, хотя из сорока человек - православных всего двое.

Священник в праздничном золоченом облачении с большим золотым крестом в руке начинает молебен. По залу распространяется запах ладана. Учителя и двое православных опускаются на колени.

Мы почти не слушаем того, что нараспев произносит священник. Сколько раз с тревогой или равнодушием слышали мы за последние восемь лет эти слова.

- Да благословит Господь всемилостивейшего, всемогущего, христианнейшего монарха нашего и царя Николая Александровича, всех, странствующих по морю или на суше, всех страждущих и мучающихся, всех, геройски павших на полях битвы за Бога, царя и отчество,

всех православных христиан...

Я от скуки разглядываю стену. Там под двуглавым орлом в большой золотой раме висит нарисованный в полный рост портрет "всемилостивейшего и всемогущего монарха". Портрет напоминает византийские иконы. Лицо царя чуть вытянуто, волосы светлые, ясный и холодный взгляд устремлен вперед. На груди бесчисленные ордена. Сколько раз за восемь лет я пытался сосчитать количество орденов, но всякий раз сбивался со счета.

Поначалу рядом с этим портретом висел и портрет императрицы, но потом его убрали. Мусульманам, особенно из сельских мест, не нравилось, что императрица изображена на портрете с обнаженными руками и шеей. Поэтому они не пускали своих детей в гимназию. Дирекции пришлось портрет снять.

Настроение у нас приподнятое. Слишком уж волнующим было событие. В этот торжественный день я решил вести себя не так, как всегда. Прежде всего, я дал себе слово быть как можно воспитанней. Впрочем, осуществить с утра это благое намерение оказалось сложнее, чем я предполагал - все домашние еще спали. Зато по дороге в гимназию я раздавал милостыню всем нищим, которые попадались мне на пути. Просто так, для надежности. Причем я так волновался, что одному вместо пяти копеек дал целый рубль. Нищий бросился благодарить меня.

- Не меня благодари, - важно отвечал я, - а Аллаха, который благословил меня на такую щедрость.

Теперь уже срезаться на экзамене было невозможно.

Молебен закончился. Мелкими шажками мы приблизились к экзаменационному столу. Члены комиссии напоминали чудовищ, вывезенных Ноем на его знаменитом ковчеге: бородатые лица, мутные глаза, парадные золотые мундиры. От торжественности обстановки становилось чуть тревожно, хотя особой причины для волнения не было: русские преподаватели очень редко срезали мусульман на экзаменах. А все потому, что у нас множество друзей - отчаянных парней, вооруженных ножами и револьверами. Преподаватели это знали и боялись своих учеников не меньше, чем ученики боялись их. Для многих назначение в Баку было воистину божьей карой: слишком обычным для Баку делом было нападение под покровом ночи на преподавателей. В итоге нападавшие оставались неизвестны, а избитый преподаватель получал назначение на новое место. Поэтому преподаватели закрывали глаза на то, что ученик Али хан Ширваншир бессовестно списывал задания по математике у своего соседа Метальникова. Только однажды, в самый разгар процесса списывания преподаватель подошел ко мне и отчаянно прошептал: "Ну, не так же откровенно, Ширваншир, ведь мы не одни".

Письменный экзамен, по математике мы сдали без приключений, а потом довольные этим беззаботно спустились по Николаевской, словно уже не были гимназистами.

Назавтра предстоял письменный экзамен по русскому языку. И вот директор торжественно вскрывает запечатанный пакет, полученный из Тифлиса, и громко произносит:

- Женские образы, отражающие идеал русской женщины, в произведениях Тургенева.

Тема простая, можно писать все, что угодно. Надо только хвалить русских женщин, и все будет в порядке.

Гораздо труднее был письменный экзамен по физике. Но здесь недостаток знаний успешно компенсировался испытанным искусством списывания. Так я проскочил и физику.

После этого экзаменационная комиссия дала нам день отдыха.

Теперь пришла очередь устных экзаменов. Здесь уже списыванием делу помочь было нельзя. На простые вопросы следовало давать как можно более заумные ответы.

Первым шел экзамен по закону Божьему. Наш мулла, который во время предыдущих экзаменов держался на заднем плане, на этот раз занимал главное место за столом. Он был в легкой накидке, подпоясанный зеленым поясом, который свидетельствовал о приверженности муллы к учению Пророка. С учениками мулла был добр. Я лишь выпалил: "Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммед Его Пророк, а Али наместник Аллаха", и мне была

выставлена самая высшая оценка, потому что это были главные слова, отличавшие шиитов от заблудших суннитов. Этим словам нас научил мулла, и еще он говорил, что хотя сунниты и сбились с пути истинного, однако Аллах и их не оставил своей милостью. Наш мулла был человеком мягким.

К сожалению, этого нельзя было сказать о преподавателе истории. Настроение у меня испортилось, как только я взял билет и прочитал вопрос: "Гянджинская победа Мадатова". Речь шла о сражении под Гяндзой, когда после жестокого обстрела русских было разгромлено войско Ибрагим хана Ширваншира, того самого, который помог Гасанкули хану прикончить Цицианишвили.

- Ширваншир, - мягко проговорил преподаватель, видя мое замешательство, - вы можете воспользоваться своим правом и поменять билет.

Я с сомнением посмотрел на билеты, лежащие, как лотерейные, в глубокой чаше. Каждый ученик имел право один раз поменять билет, но в этом случае на отличную оценку рассчитывать уже не приходилось. Стоит ли испытывать судьбу? По крайней мере, как погиб мой прадед, я знал хорошо, а в чаше лежали еще вопросы о всяких Фридрихах, Вильгельмах, Фридрихах-Вильгельмах, о гражданской войне в Североамериканских Штатах. Там уже выкрутиться было бы сложнее!

Я отрицательно покачал головой:

- Нет, благодарю, я буду отвечать на свой билет. - И, стараясь сдерживать обуревавшие меня чувства, я стал рассказывать о том, как иранский шахзаде Аббас Мирза во главе сорокатысячной армии выступил из Тебриза, чтобы изгнать русских из Азербайджана. У Гянджи его встретил пятитысячный отряд, которым командовал царский генерал, армянин Мадатов. Огнем своей артиллерии Мадатов расстрелял иранское войско и обратил его в бегство. Аббас Мирза спасся тем, что свалился с коня в канаву и пролежал там до конца этого побоища. Ибрагим хан Ширваншир с отрядом попытался переправиться на другой берег реки, но попал в плен и был расстрелян.

- Эта победа, - заявил я в заключение, - была одержана не столько благодаря храбости русских солдат, сколько за счет технического превосходства в вооружении отряда Мадатова. В результате победы русских был заключен Туркменчайский мирный договор, согласно которому иранцы должны были выплатить огромную контрибуцию. После ее уплаты пять областей Ирана были полностью разорены.

Я сознавал, что подобное заявление лишало меня надежды на отличную отметку. Чтобы получить "пятерку", я должен был сказать, что "русские проявили чудеса беспримерного героизма, победив и обратив в бегство превосходящие силы противника. В результате победы был заключен Туркменчайский мирный договор, приобщивший иранцев к культуре и рынку Запада".

Но когда речь идет о достоинстве моих предков, мне все равно, получу я "хорошо" или "отлично". Экзамен по истории был последним.

Директор произнес торжественную речь. С гордостью и приличествующей случаю серьезностью он объявил, что мы теперь вполне зрелые члены общества.

Только он окончил свою речь, как мы, подобно вырвавшимся на волю арестантам, бросились вниз по лестнице. Солнце слепило нам глаза. На углу стоял полицейский, который восемь лет любезно охранял нашу безопасность. Он подошел поздравить, и каждый из нас дал ему по пятьдесят копеек, а потом мы ринулись на городские улицы, оглашая их разбойниччьими криками.

Дома меня встречали с торжественностью не меньшей, чем Александра Македонского после его победы над персами. Слуги смотрели с почтением. Отец меня расцеловал и пообещал исполнить три моих желания. Дядя заявил, что такой образованный человек, вне всякого сомнения, должен быть представлен тегеранскому двору, где ему предстоит сделать блестящую карьеру.

Когда улеглись первые волнения, я незаметно пробрался к телефону. Вот уже две

недели я не разговаривал с Нино. Решая жизненно важные проблемы, мужчина должен держаться подальше от женского общества - таково мудрое правило отцов.

Я снял трубку и покрутил ручку аппарата.

- Дайте, пожалуйста, 33-81.

- Али, ты сдал экзамены? - раздался голос Нино.

- Да.

- Поздравляю, Али!

- Когда и где, Нино?

- В пять, у бассейна в Губернаторском саду.

Дальше говорить было невозможно. Родня, слуги, евнухи - все обратились в слух. А за спиной Нино, наверное, стояла ее уважаемая матушка.

Я поднялся в комнату отца. Он сидел на диване и пил чай. Рядом сидел дядя. Вдоль стены, устремив на меня взгляды, стояли слуги.

Экзамен на аттестат зрелости еще не кончился. Сыну, стоящему на пороге жизни, отец должен был раскрыть всю ее мудрость.

- Сынок, - начал отец, - накануне твоего вступления в жизнь я хочу еще раз напомнить об обязанностях мусульманина. Мы живем в стране, где не почитают пророка Аллаха. Дабы не погибнуть, мы должны беречь наши древние традиции и уклад жизни. Сын мой, чаще молись. Не пей. Не целуй чужих женщин. Всегда помогай бедным и слабым. Будь всегда готов сразиться и умереть во имя истинной веры. Если ты погибнешь на поле битвы, это причинит мне, старику, боль. Если же ты останешься жив, но потеряешь честь, твой отец будет опозорен. Не давай врагу пощады, сынок, мы не христиане. Не думай о завтрашнем дне, осторожность делает нас трусами. И последнее: никогда не забывай основ шиизма - учения имама Джифара, апостола пророка Мухаммеда.

Дядя и слуги внимали отцу с таким благоговением, будто в словах его заключалось божественное откровение.

Отец встал, взял меня за руку и хрипло добавил:

- Умоляю, не занимайся политикой! - голос его вдруг дрогнул. - Делай что хочешь, но не вмешивайся в политику!

Это я пообещал ему с чистым сердцем. От политики я был слишком далек, ведь, насколько я понимал, Нино - это проблема не политическая.

Отец еще раз обнял меня, и это означало, что теперь я уже совсем зрелый человек.

Ровно в половине пятого я в гимназическом мундире медленно вышел через крепостные ворота и степенно зашагал к набережной. У губернаторского дома я повернул направо к саду, разбитому на песчаной бакинской почве.

Обретенная свобода пьянила меня. Вот мимо меня проехал на фаэтоне городской глава, и я первый раз за восемь лет мог не становиться по стойке "смирно" и отдавать по-военному честь. Я сорвал с фуражки серебряную кокарду с аббревиатурой бакинской гимназии и с удовольствием зашвырнул ее как можно дальше. Все, теперь я лицо гражданское! Для большего ощущения свободы мне даже захотелось закурить, но я отказался от этой мысли нелюбовь к табаку оказалась сильней пьянящего дурмана свободы.

Губернаторский сад очень большой. Дорожки там залиты асфальтом, по краям дорожек печально клонят свои ветви ивы. Под ними вкопаны скамейки. На трех пальмах свили себе гнезда фламинго.

Справа сереет крепостная стена, а центр украшают белые мраморные колонны городского клуба. Чуть ниже клуба был большой и глубокий бассейн с выложенными камнем краями. Когда-то городская управа собиралась пустить в этот бассейн воду, завести лебедей. Однако этому благому намерению не суждено было сбыться. Во-первых, вода оказалась очень дорогой, а во-вторых, во всей империи не нашлось ни одного лебедя. Поэтому бассейн остался пуст и смотрел в небо глазницей мертвого дива.

Я уселся на одну из скамеек. Над плоскими крышами серых домов сверкало солнце.

Все длиннее становились тени деревьев. Мимо прошла, шлепая домашними туфлями, какая-то женщина, укутанная с головы до ног в чадру с голубой полоской. Из-под чадры высывался ее длинный с горбинкой нос, напоминающий клюв хищной птицы. Нос медленно повернулся в мою сторону. Я поспешил отвел взгляд.

Как хорошо, что Нино не носит чадры, и у нее нет такого большого и кривого носа! Нет, нет, я никогда не буду прятать мою Нино под чадрой. Впрочем, кто может знать?

В мягких лучах заходящего солнца перед моим мысленным взором возник облик прелестной Нино. Нино Кипиани - какое замечательное грузинское имя! Нино, чьи почтенные родители влюблены в Европу! Но зачем мне все это? У Нино белая кожа и большие, постоянно искрящиеся смехом глаза с нежными, длинными ресницами. Только у грузинок могут быть такие прекрасные, такие веселые глаза. Только у грузинок, и ни у кого больше! Ни у европеек, ни у азиаток! Нежный профиль Нино напоминал мне профиль девы Марии.

Отчего-то мне стало грустно от этого сравнения. Запад придумал множество сравнений для мужчин; а вот женщин там сравнивают лишь с символом чужого и непонятного мира - девой Мариеей!

Я опустил голову и закрыл глаза - меня ослеплял ярко-желтый песок, усыпавший дорожки Губернаторского сада.

И вдруг совсем рядом раздался звонкий и веселый смех:

- Святой Георгий! Вы только взгляните на этого Ромео! Он уснул, дожидаясь своей Джульетты!

Передо мной стояла Нино в голубой форме учениц лицея святой Тамары. Нино была худощава. Более того, на восточный вкус, можно было сказать, что она слишком уж худа. Но именно эта худоба пробуждала во мне нежные чувства к ней. Сейчас Нино было семнадцать, и я знал ее с того самого дня, когда она впервые прошла по Николаевской в свой лицей.

Нино села рядом со мной.

- Так, значит, ты сдал последний экзамен? - спросила она, сверкнув взглядом из-под прекрасных ресниц. - Я немного волновалась за тебя.

Я положил руку ей на плечо.

- Пришлось немного понервничать, но Аллах, как видишь, приходит на помощь своим смиренным рабам.

- Через год ты и меня будешь наставлять на путь истинный, - засмеялась Нино. - Если бы можно было, чтоб во время экзаменов ты сидел под моей партой и подсказывал по математике.

Мы говорим об этом вот уже несколько лет, с того самого дня, когда двенадцатилетняя Нино пришла заплаканная на большой перемене и повела меня к себе в класс, где я весь урок просидел у нее под партой, решая задачи на контрольной по математике. С тех пор я был в глазах Нино героем.

- А как твой дядя и его гарем? - спросила Нино.

Я сделал серьезное лицо. Но перед беззаботным любопытством Нино отступали все нравственные требования Востока. Я коснулся ее мягких черных волос.

- Гарем моего дяди собирается вернуться на родину. Странно, но, кажется, западная медицина помогла жене дяди. Хотя пока особых признаков не видно. Но дядя очень надеется.

- Все это отвратительно, - проговорила Нино, по-детски наморщив лоб. Мои родители категорически против этого. Гарем - это позор, - она говорила тоном зубрилы, отвечающей урок.

- Нино, будь уверена, у меня гарема не будет, - прошептал я, касаясь губами ее ушка.

- Но уж под чадрой ты свою жену точно будешь прятать!

- Если того потребует обстановка. От чадры много пользы. Она прячет женщину от солнечных лучей, от пыли, от чужих взглядов.

- Ты всегда будешь азиатом! - покраснев, воскликнула Нино. - Чем тебе мешают чужие взгляды? Что с того, что женщина хочет понравиться и другим?

- Женщина должна стараться нравиться только своему мужу, а не чужим. Открытое лицо, голые плечи, полуобнаженная грудь, прозрачные чулки на изящных ножках - все это обещает кое-что, и это обещание женщина должна исполнить. Потому что мужчина, который уже столько разглядел в женщине, хочет увидеть и остальное. Вот для того, чтобы у мужчин не возникало такого желания, и существует чадра.

Нино с удивлением смотрела на меня.

- Как ты думаешь, в Европе семнадцатилетняя девушка и девятнадцатилетний юноша тоже говорят о таких вещах?

- Нет.

- Тогда и мы не будем, - быстро сказала Нино и поджала губки.

Я погладил ее волосы. Она чуть запрокинула голову. Последний луч заходящего солнца сверкнул в ее глазах. Я склонился над ее лицом... Ее губы безвольно и нежно раскрылись. Я припал к ним долгим и бесстыдным поцелуем. У Нино перехватило дыхание. Глаза закрылись. Но почти сразу же она резко оттолкнула меня и отодвинулась. Мы сидели молча, уставившись в темнеющее пространство. Потом, немного смущенные, встали и под руку вышли из сада. Нино заговорила уже у самого выхода:

- Во всяком случае, и мне следовало бы надеть чадру. Или же исполнить свое обещание.

Она смущенно засмеялась. Теперь все было в порядке. Я проводил ее до самого дома.

- Я обязательно приду на ваш выпускной вечер, - сказала она на прощание.

Я взял ее за руку.

- А летом что ты будешь делать?

- Летом? Мы поедем в Карабах, в Шушу. Но не выдумывай, пожалуйста. Это вовсе не значит, что и ты должен приезжать в Шушу.

- Ну что ж, встретимся летом в Шуше.

- Какой ты зануда. Даже не знаю, что я нашла в тебе?

Дверь за Нино захлопнулась. Я отправился домой. Евнух дяди с лицом, напоминающим высохшую кожу ящерицы, обнажая десна, сказал:

- Грузинки очень красивы, хан. Но не стоит часто целовать их в саду, где гуляет так много народа.

Я ушипнул его за дряблую щеку. Евнуху позволено все. Потому что он не мужчина и не женщина. Он среднего пола.

Я пошел прямо к отцу.

- Ты обещал исполнить три моих желания. Вот первое. Этим летом я хотел бы один поехать в Карабах.

Отец пристально посмотрел на меня, а потом рассмеялся и кивнул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зейнал ага был простым крестьянином из пригорода Баку - Бинагады. Он владел там пыльным, просоленным клочком земли и жил тем, что давал его участок. Во время землетрясения на его участке образовалась трещина, из которой ударила нефтяной фонтан. С того дня Зейнал аге уже не было нужды день и ночь трудиться в поте лица. Деньги сами рекой текли в его карманы, тратил он их щедро и безоглядно, но, несмотря на это, богатство его день ото дня все росло и становилось для него в тягость, начинало мучить и угнетать. Он знал, что рано или поздно наступит время, когда придется расплачиваться за это счастье. С обреченностью приговоренного к смерти ждал Зейнал ага этого наказания. Он стал заниматься благотворительностью, строил мечети, больницы, тюрьмы. Потом совершил паломничество в Мекку, после чего построил еще один приют для сирот.

Но судьбу не обмануть, и если суждено быть несчастью, то никакими благодеяниями его не отвести.

В один прекрасный день, когда Зейнал ага было уже семьдесят лет, а его жене - восемнадцать, случилось так, что она запятала его честь. Как полагается в таких случаях, Зейнал ага жестоко и беспощадно отомстил за свою поруганную честь, но после этого сильно сдал и превратился в обыкновенного усталого старика. Семья его развалилась: один сын ушел от него, другой - навсегда опозорив отца, покончил с собой.

И теперь седой и сгорбленный, несчастный старик жил в своем огромном бакинском особняке из сорока комнат.

Единственный оставшийся с ним сын Ильяс бек был нашим одноклассником, поэтому для нашего выпускного вечера Зейнал ага предоставил большой зал в своем особняке, потолок которого был выложен матовым горным хрусталем.

Ровно в восемь вечера я поднимался по широким мраморным ступеням особняка. Ильяс бек стоял у лестницы и принимал гостей. Он, как и я, был в нарядной черкеске, с узким кинжалом на поясе. Он, как и я, не снял свою овечью папаху, так как это была привилегия, доставшаяся нам с древних времен.

Я поднес правую руку к папахе.

- Здравствуй, Ильяс бек!

По старинному обычаю мы протянули друг другу обе руки, и его правая рука пожала мою правую руку, а левая - левую.

- Сегодня лепрозорий закроется, - шепнул он.

Я в знак согласия кивнул головой.

Лепрозорий был выдумкой и секретом нашего класса. Русские учителя, даже многие годы жившие в нашем городе, ничего о Баку не знали. Поэтому мы обманули их, рассказав, что на окраине Баку есть дом для больных проказой. Если кто-то из нас хотел сбежать с уроков, он предупреждал дежурного в классе. Тот шел к нашему классному наставнику и, стуча зубами от страха, сообщал, что из лепрозория сбежал больной. Полиция разыскивает его. Есть подозрения, что сбежавший прячется в том самом квартале, где живет этот ученик. Классный наставник бледнел и разрешал ученику не являться на занятия, пока не будет пойман прокаженный. Подобные каникулы могли продолжаться неделю, а иногда и больше. Все зависело от обстоятельств. Никому из преподавателей не приходило в голову сходить в санитарное управление и поинтересоваться, действительно ли есть такой лепрозорий. Итак, сегодня должно было состояться его торжественное закрытие.

Я вошел в переполненный зал. На почетном месте с выражением особой торжественности и праздничности на лице сидел директор гимназии, действительный статский советник Василий Григорьевич Храпко. Директора почтительно окружали преподаватели.

Я подошел к директору и поклонился ему. Благодаря редкой способности к языкам, я считался в классе оратором и депутатом от учеников-мусульман. Стоило любому из моих одноклассников произнести хоть одну фразу на русском, сразу становилось ясно, что он не русский. Я же говорил даже на нескольких русских диалектах.

Директор был петербуржцем. Поэтому с ним следовало говорить с петербургским выговором, то есть с пришепетыванием произнося согласные и глотая гласные. Это звучало хоть и не очень красиво, зато необыкновенно аристократично. Не замечая, что над ним насмехаются, директор радовался "прогрессу русификации на окраине".

- Добрый вечер, господин директор, - скромно произнес я.

- Добрый вечер, Ширваншир, вы пришли в себя после экзаменационных волнений?

- Да, господин директор. Но я стал свидетелем отвратительной сцены.

- А что произошло?

- Я имею в виду историю с лепрозорием.

- Что же случилось с лепрозорием?

- Как, господин директор не знает?! Вчера больные совершили побег и всей толпой ринулись в город. Против них направили две воинские части. Беглецы захватили две

деревни. Солдаты окружили эти деревни и перестреляли всех - и больных, и здоровых. А дома сожгли. Разве это не ужасно? Лепрозория больше не существует. Часть больных еще жива. Обезображеные, они сейчас лежат у городских ворот, их поливают нефтью и сжигают.

У директора от ужаса глаза на лоб полезли. На лице его отразилось только одно желание - немедленно мчаться к министру просвещения и умолять о переводе в более цивилизованное место.

- Ужасная страна, ужасные люди, - печально пробормотал он. - Но именно здесь, дети мои, человек понимает, насколько важны железная дисциплина и оперативность государственных органов.

Мы столпились вокруг директора и с почтением внимали его рассуждениям о пользе порядка. Лепрозория отныне не существовало. Следующие поколения гимназистов должны будут изобрести что-нибудь новенькое.

Вдруг мне пришла в голову дерзкая мысль.

- А известно ли господину директору, - неожиданно спросил я, - что вот уже два года в нашей гимназии учится сын Мухаммеда Гейдара?

- Что-о? - Казалось, глаза директора вот-вот выскочат из орбит.

Мухаммед Гейдар был позором нашей гимназии. В каждом классе он просиживал, по меньшей мере, три года. В шестнадцать лет он женился, но страсть к знаниям не оставила его. Как только его сыну исполнилось девять лет, мальчик поступил в гимназию. Счастливый отец сначала хотел сохранить это в тайне. Но как-то на большой перемене к нему подошел пухленький мальчик.

- Папа, - невинным тоном произнесло это прелестное дитя, - если ты не дашь мне пять копеек на шоколад, я скажу маме, что ты списал задание по математике.

Мухаммед Гейдар смущенно покраснел, поспешно уволок мальчика, а нам пообещал при первом же удобном случае рассказать директору о своем отцовстве.

- Так вы хотите сказать, что сын учащегося шестого класса Мухаммеда Гейдара учится уже во втором классе нашей гимназии? - недоверчиво переспросил директор.

- Да, господин директор, это именно так, и он просит вас простить его. Но ему очень хочется, чтоб его сын был таким же образованным человеком, как и он сам. Разве это не трогательно, что с каждым годом в нем все более усиливается жажда овладеть западными науками?

Директор побагровел от возмущения. Он безмолвно стоял, раздумывая - не противоречит ли правилам обучения в гимназии тот факт, что в ней одновременно учатся и отец, и сын. Впрочем, никакого конкретного решения он принять не смог, так что отец и сын могли и в дальнейшем осаждать этот бастион западной науки.

Отворилась маленькая боковая дверца, и какой-то мальчик лет десяти ввел в зал четверых черноволосых слепых мужчин. Это были приехавшие из Ирана музыканты. Они расселись на ковре в углу зала, извлекли из футляров редчайшие инструменты, работы старинных иранских мастеров. В зале воцарилась тишина. Тарист коснулся струн, и полилась печальная музыка.

Один из музыкантов поднес ладонь к уху - классический жест восточных певцов - и громко запел:

Твой стан как персидская сабля

Твои губы - пылающий рубин.

Был бы я турецким султаном, взял бы я тебя в жены.

Я вплетал бы жемчужины в твои косы

Целовал бы пятки твои

Свое сердце преподнес бы я тебе в золотой чаше.

Потом он умолк, но песню подхватил другой. С болью в голосе он пел:

И ты, красавица моя, как мышь, крадешься

Каждую ночь в соседний дом.

Рыдал тар, навзрыд плакала кеманча, и уже третий певец страстно подхватил:

Он шакал, он - неверный...

О несчастье! О позор!

Он умолк, и после короткого проигрыша тара запел четвертый:

Три дня точил я кинжал,

На четвертый зарезал я своего врага.

Я разрезал его на маленькие кусочки.

Я перебросил тебя, любимая, через седло,

Я повязал свое лицо платком войны

И поскакал с тобою в горы.

Недалеко от меня, у одной из тяжелых портьер стояли директор и преподаватель географии.

- Какая кошмарная музыка, - тихо проговорил директор. - Это напоминает рев осла. Интересно, есть ли какой-нибудь смысл в этом пении?

- Здесь не должно быть смысла, как нет и мелодии, - отвечал преподаватель.

Я уже хотел на цыпочках отойти от них, но тут почувствовал, как осторожно шевельнулась тяжелая портьера. Я осторожно оглянулся и увидел седого старика с необычно светлыми глазами, который, спрятавшись, слушал музыку. Глаза старика странно блестели. Он плакал.

Это был отец Ильяс бека, Его Превосходительство Зейнал ага. Его большие жилистые руки дрожали. Подумать только! Это руки, которые едва ли в состоянии были написать имя своего хозяина, теперь распоряжаются семьюдесятью миллионами рублей.

Я отвернулся. Зейнал ага был простым крестьянином, но понимал в искусстве пения больше, чем учителя, выпустившие нас в свет.

Песня закончилась. Теперь музыканты играли кавказскую танцевальную мелодию. Я прошелся по залу. Ребята разбились на группы и пили вино. Даже мусульмане. Я пить не стал.

Подруги и сестры моих одноклассников стояли по углам и весело болтали. Среди них было много светловолосых, голубоглазых, напудренных русских девушек. Они разговаривали с русскими, иногда с армянами или грузинами, но стоило заговорить с ними мусульманину, как девушки тут же насмешливо фыркали, что-то односложно отвечали и отходили.

Кто-то сел за пианино. Зазвучал вальс. Директор пригласил на танец дочь губернатора.

Слава Аллаху!

- Добрый вечер, Ильяс бек, - слышу я со стороны лестницы. - Я немного опоздала. Но совершенно не виновата.

Я бросился к лестнице и увидел Нино, одетую не в вечернее платье, но и не в бальную форму учениц лицея святой Тамары. Талия ее была так туго стянута, что, казалось, ее можно обхватить ладонью. На плечах Нино была наброшена короткая бархатная пелеринка с золотыми пуговицами. Длинная бархатная юбка закрывала стройные ножки. Виднелись лишь носки ее сафьяновых туфелек. Голову Нино украшала маленькая шляпка, лоб стягивали два ряда тяжелых золотых монет. Нино была похожа сейчас на византийского ангела в древнем праздничном наряде грузинских цариц!

- Не сердись, Али хан, - смеялся ангел. - Пока завяжешь все тесемки этой юбки, целый час пройдет. Это юбка моей бабушки. Я только ради тебя с таким трудом натянула ее на себя.

- Первый танец мой! - воскликнул Ильяс бек.

Нино вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул. Танцевать я не любил, к тому же танцевал плохо. А Ильяс беку я вполне мог доверить Нино. Он знал, как следует вести себя.

- "Молитву Шамиля"! - крикнул Ильяс бек музыкантам, и те тут же без перехода

заиграли танец.

Ильяс выпрыгнул на середину зала, выхватил из ножен кинжал. Ноги его мелькали в ритме зажигательного кавказского танца. В руке сверкал клинок кинжала. Нино плавно подплыла к нему. Ножки у нее были маленькие, как у куколки.

Начался танец Шамиля. Нино - невеста, которой предстояло быть похищенной... Зажав в зубах кинжал и раскинув в стороны руки, Ильяс хищной птицей кружил вокруг девушки. Нино легко ускользала от него. В грациозных движениях ее рук ощущались страх, безнадежность, жертвенность. Левая рука сжимала платок. Трепет пробегал по ее телу. Неподвижными оставались лишь цепочки, свисающие с ее шляпки. Так и должно было быть, это было самым трудным в танце. Только грузинка могла с такой скоростью кружить по залу, и чтобы при этом цепочки не шелохнулись. Ильяс соколом преследовал стремительно ускользающую добычу. Не останавливалась ни на миг, не давая ей пощады, он несся кругами за своей жертвой. Движения его рук становились все более властными, и, напротив, все слабей руки Нино, отбивали его атаки. И вот она замерла, трепеща всем телом, как загнанная охотником лань. Все выше, все более торжествующими становились прыжки Ильяса. Глаза Нино молили о пощаде, руки трепетали. Громче звучала музыка. Потом левая рука Нино разжалась, платок упал наземь, и в тот же миг кинжал Ильяса пригвоздил платок к полу.

Танец закончился...

Я позабыл упомянуть об одной вещи: перед танцем мы с Ильяс беком обменялись кинжалами. Так что это мой клинок пронзил платок Нино. Излишняя предосторожность никогда не повредит. Не зря ведь в старину мудрые люди говорили: "Прежде чем поручить верблюда покровительству Аллаха, покрепче привяжи его к забору".

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Когда наши славные предки явились в этот край, чтобы добыть себе великую славу и навести ужас на другие народы, они, увидев издали горные вершины, закричали: "Взгляни на снег!.. Вон там... снег лежит!" Потом же, приблизившись к горам и найдя здесь девственные леса, они воскликнули: "Великий сад!"². Вот с тех пор эту землю и называют Карабах. Карабахцы называют ее Сунюк, а еще раньше ее называли Агвар. Так что, хан, тебе следует знать, что наш край очень древний и славный.

Старый Мустафа, у которого я в Шуше снимал комнату, умолк. Его лицо и весь облик выражали гордость. Он отпил глоток фруктовой водки, отломил кусочек необыкновенно вкусного сыра, будто сплетенного из бесчисленного числа нитей и напоминающего девичью косу.

- В наших краях живут Тьма и духи Тьмы. Они охраняют несметные сокровища. Это каждому ребенку известно. Но есть в горах священные камни, меж которых текут священные реки. У нас есть все. Ты сходи в город, пройдись, погуляй, погляди, работает ли хоть один человек? Хотя бы один! Поищи, увидишь ли ты хотя бы одного грустного человека? Хотя бы одного! Найдешь ли хоть одного трезвого? Хоть одного! Иди, ага, смотри, удивляйся, восхищайся!

Старый Мустафа еще долго мог бы так же непринужденно болтать. Что меня действительно приводило в восторг, так это необыкновенная хвастливость карабахцев. Чего только они ни придумывали о своей земле, каких только небылиц ни плели! Не далее как вчера один толстый армянин пытался убедить меня в том, что шушинской церкви Марашиб никак не меньше пяти тысяч лет.

- Не ври, - сказал я ему. - Христианству еще нет и двух тысяч лет. Разве могла быть построена церковь до рождения самого Христа?

Толстяк очень обиделся.

- Ты, конечно, человек образованный, тут и спорить нечего. Но послушай, что говорят об этом наши старики. - И толстяк торжественно произнес: - У других народов христианству две тысячи лет, но в Карабах Христос Спаситель явился за три тысячи лет до этого. Вот так-то.

Еще по дороге в Шушу, когда я проезжал по каменному мосту, кучер рассказывал мне:

- Этот мост по пути в Иран построил Александр Македонский в честь беспримерной храбрости своих воинов.

На основании моста были выбиты цифры "1897". Я указал на них кучеру.

-Эх, ага, - не растерялся тот, - это сделали русские, специально, чтобы принизить нашу славу.

Странным городом была Шуша. Основанная на высоте полутора тысяч метров, она стала своего рода мостом между Кавказом, Ираном и Турцией. В этом городе, со всех сторон окруженному живописными горами, лесами, реками, издавна жили мусульмане и христиане. Люди строили себе в горах и долинах маленькие домики из необожженного кирпича и торжественно именовали их дворцами. Дворцы эти принадлежали мусульманским бекам и агаларам и армянским помещикам - меликам и нахарарам. Хозяева дворцов могли часами сидеть на веранде, курить кальян и рассказывать о том, как неоднократно Россию спасали царские генералы, бывшие родом из Карабаха, и вообще неизвестно, что стало бы с империей, если б не карабахцы.

Мы, то есть я и мой гочу3, по извилистым дорогам за семь часов добрались от маленькой железнодорожной станции до Шуши. Гочу обычно становились вооруженные слуги, чувствующие в себе тягу к разбою.

Эти вооруженные с головы до ног люди чаще всего неразговорчивы, может быть, потому, что их мысли полностью поглощены воспоминаниями о тех далеких днях, когда они были разбойниками и проявляли чудеса героизма.

Отец нанял мне в сопровождающего гочу, то ли чтоб меня уберечь в пути от чужих, то ли чужих - от меня. Этого я никак не мог понять.

Мой гочу оказался человеком крайне любезным. К тому же его с семьей Ширванширов связывало какое-то дальнее родство. Поэтому как на родственника на него вполне можно было положиться. Только на Востоке можно встретить такое.

Я жил в Шуше уже пять дней и в ожидании приезда Нино целыми днями слушал рассказы шушинцев о том, что все люди, когда-либо прославившиеся богатством, военными подвигами или какими-то иными добродетелями, конечно же, были родом из Шуши.

А еще я часто бродил по городскому парку, разглядывал минареты мечетей. Шуша очень благочестивый город: для шестидесяти тысяч населения здесь было построено десять мечетей и семнадцать церквей. К тому же вокруг города было бесконечное количество пиров - мест поклонения, среди которых, несомненно, первое место занимали два дерева святого Сары бека. Туда хвастливые карабахцы повели меня в первый же день приезда.

Могила святого находилась в часе езды от города. Ежегодно, в определенный день, все горожане собираются здесь поклониться могиле святого. Люди рассаживаются под священными деревьями, трапезничают. Отличающиеся особым благочестием не идут, а ползут к могиле на коленях. Дело это трудное, поэтому причисляется к особым заслугам. Деревья, растущие на могиле святого, трогать руками запрещено. Того, кто коснется хотя бы листика на тех деревьях, немедленно разобьет паралич. Вот каким могуществом обладает Сары бек!

Однако никто до сих пор не смог толком объяснить мне, какое же чудо явил этот святой. Вместо этого мне во всех деталях начинали рассказывать об одном случае, произшедшем с ним. Как-то Сары бека преследовали враги. Конь его мчался по гребню горы, которая и по сей день возвышается недалеко от Шуши. Когда преследователи совсем уже настигали святого, Сары бек резко натянул поводья, и его конь одним могучим прыжком перелетел через горы, скалы, пролетел надо всем городом.

Правоверные и сейчас могут видеть отпечатки следов копыт этого замечательного коня.

Я выразил сомнение в возможности, подобного прыжка. Мои собеседники были оскорблены до глубины души.

- Но, ага, это ведь был карабахский конь! - возразили мне.

И тут же рассказали очередную легенду о карабахских конях. Все в этом крае прекрасно, но лучшее в Карабахе - кони. Иранский шах Ага Мухаммед, уверяли меня, готов был отдать за карабахского коня весь свой гарем. (Интересно, известно ли моим друзьям, что Ага Мухаммед был импотентом?). Это воистину, священные кони. Для того чтобы вывести эту лучшую в мире породу, мудрецы сотни лет ломали головы, пока, наконец, не появился карабахский гнедой.

Рассказы эти разбудили мое любопытство, и я попросил показать мне одного из этих великолепных коней. Проще пробраться в гарем султана, огорченно ответили мне, чем в стойла, где стоят карабахские гнедые. Во всем Карабахе их сохранилось всего двенадцать голов. Попытавшегося увидеть их накажут, как конокрада. Даже владелец коня садится на него лишь в случае войны.

Мне явно не везло. Судя по всему, приходилось удовлетвориться одними лишь рассказами об этой замечательной породе.

Итак, я жил в Шуше, слушал болтовню старого Мустафы и ждал Нино. Я уже был пресыщен легендами об этой земле.

- Эх, хан, - сказал мне как-то Мустафа, - твои предки были воинами, а ты - человек образованный, в гимназии учился. Поэтому должен понимать толк в искусстве. Персы гордятся Саади, Хафизом, Фирдоуси, русские - Пушкиным. Где-то на Западе, я слышал, жил поэт Гете, который написал стихи о дьяволе.

- Ты думаешь, они все были родом из Карабаха? - поинтересовался я.

- Нет,уважаемый гость, я не это хочу сказать. Просто я думаю, что наши поэты гораздо лучше! Они такие талантливые, что даже не записывают свои стихи на бумагу, а просто читают их наизусть.

- Ты имеешь в виду ашугов?

- Да, - отвечал стариk, и в его голосе послышались почтительные нотки, - я говорю об ашугах. Они живут в окрестных селах, и завтра у них будет состязание. Не хочешь ли ты присутствовать на этом замечательном зрелище?

Я согласился, и на следующий день извилистыми горными, тропинками мы поднялись в село Дашкенд, которое считается центром ашугского искусства на Кавказе. Ашуги есть почти в каждом карабахском селе. Зимой они пишут стихи, а весной появляются перед публикой и поют свои песни во дворцах и лачугах. Но есть три деревни, где живут только ашуги, и с давних времен в знак преклонения перед поэзией феодалы освободили эти села от податей. В число подобных сел входил и Дашкенд.

С первого взгляда можно было понять, что жители этого села - не простые крестьяне. Мужчины здесь отпускали длинные волосы и щеголяли в шелковых рубашках. Друг на друга они поглядывали с подозрением. Женщины ухаживали за мужчинами и носили их музыкальные инструменты. Их глаза были печальны.

В село съехалось много богатых мусульман и армян со всего Карабаха. Они жаждали насладиться искусством ашугов.

Зрители собирались на главной площади Дашкенда. В центре образованного ими круга стояли два ашуга. Вид у них был до того решительный, что казалось, будто они готовятся вступить друг с другом в смертельную схватку. Каждый испепелял соперника ненавидящим взглядом. Ветер трепал их длинные волосы.

- От тебя пахнет навозом, - крикнул один, - и морда, как у свиньи! Таланта у тебя меньше, чем волос на животе девственницы. Ты за гроши сочиняешь сам о себе гнусные песенки.

- А ты вырядился, как шут, - не оставался в долгу другой, - и пишишь, как оскопленный евнух! Ты не можешь продать свой талант, потому что его у тебя просто нет. Пробавляешься объедками с моего стола, усыпанного жемчужинами.

Они ругались долго. На первый взгляд, эта перебранка могла показаться скучной, но

она была частью состязания, и слушатели аплодисментами встречали каждую удачную реплику. Потом в круг вышел старик с благообразным лицом святого и длинными волосами. Громким голосом он объявил темы для импровизаций: одну лирическую - "Луна над Араксом" и вторую эпическую "Смерть Ага Мухаммед шаха"

Ашуги подняли головы к небу и запели. Они пели о жестоком правителе Ага Мухаммеде, лишенном мужской силы. Шах отправился в Тифлис, чтобы искупаться в тамошних серных водах и излечиться от своего позора. Но серные ванны ему не помогли, и разгневанный правитель сравнял Тифлис с землей, зверски истребил всех тифлисцев - и мужчин, и женщин. Обратно он возвращался через Карабах. Ночью, когда он спал в своем шатре, кто-то заколол его кинжалом. Так и умер этот великий шах, не познав радостей жизни. Во время военных походов ему доводилось голодать, жить на сухом хлебе с айраном. Он покорил бесчисленное множество стран, а умер в степи, как бездомный нищий. Такую участь уготовила судьба правителю Ага Мухаммед шаху.

Итак, ашуги пели, щедро одаривая слушателей классическими двустишиями и рифмами. Один из них подробно описал муки шаха-импотента в стране самых красивых женщин, другой же в деталях живописал казнь прекрасных грузинок.

Слушатели восторженно наградили певцов громкими аплодисментами. По лицам ашугов струился пот. И вдруг один из них нежным голосом пропел:

- На кого похожа луна над Араксом?

Второй, сердитый, подхватил:

- На лицо твоей любимой.

Первый продолжил:

- Нежен свет той луны.

На что его соперник сердито возразил:

- Нет, луна похожа на щит героя,

павшего жертвой в бою.

Так мучили они друг друга, стремясь вырвать первенство. Потом каждый спел по песне. Они воспевали красоту Луны, воды Аракса, струящиеся, как девичьи косы, влюбленных, которые по ночам приходят на берег и глядят на луну, отражающуюся в реке...

Победителем был объявлен сердитый ашуг. Он с ухмылкой принял в награду саз своего соперника.

Я подошел к победителю. Он угрюмо глядел по сторонам, собирая деньги.

- Ты рад своей победе? - спросил я.

Он с отвращением сплюнул и отвечал:

- Это нельзя считать победой, ага. Вот раньше были победы! Лет сто тому назад победитель мог отрубить голову побежденному. Тогда очень уважали искусство. А мы разнежились, ослабели. Сейчас никто не отдаст жизнь за строчку стиха.

- Ты теперь лучший поэт в округе.

- Нет, - ответил он, и в глазах его появилась печаль. - Нет, повторил он, - я всего лишь ремесленник. Я - ненастоящий ашуг.

- А что значит быть настоящим ашугом?

- В месяце Рамазан⁴ есть странная, таинственная ночь, она называется ночью Кадыра. В эту ночь природа на час засыпает. Замирают воды в реках, злые духи не стерегут сокровищ. Можно услышать, как растут травы, перешептываются деревья. Русалки выходят из рек, а люди, зачатые в ту ночь, становятся мудрецами и поэтами. В ночь Кадыра ашуг должен призвать покровителя поэтов пророка Ильяса⁵. Пророк появляется в нужное время, дает ашугу отпить из своей чаши и говорит ему: "С этого дня ты настоящий ашуг и на все в мире будешь смотреть моими глазами". Поэтому, который получил это благословение, подвластно все, перед ним склоняют головы животные и люди, ветры и моря, потому что есть в его поэзии сила и мощь Высшей Воли.

Ашуг сел на землю, закрыл лицо руками и разрыдался.

- Но никто не знает, какая из ночей - ночь Кадыра и в который час этой ночи нужно уснуть. Потому и не появляются настоящие ашуги.

И он ушел. Одинокий, угрюмый, молчаливый. Одинокий степной волк, живущий в зеленом раю Карабаха.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В узком каменном ложе звенел родник Пехачпур. Деревья вокруг него, похожие на усталых святых, тянули головы к небу. Шуша пряталась за невысоким холмом. Южнее тянулись армянские пастбища, чем-то напоминающие библейские. А на востоке, в пыльных степях терялись карабахские поля Азербайджана. Оттуда ветер доносил обжигающее, как огонь Заратустры, дыхание природы.

Но деревья у нас над головами были тихи и неподвижны, словно только недавно их оставили ангелы древних времен. Дым наших костров, казалось, подчеркивал таинственную святость этой картины.

Вокруг костра расстелены пестрые ковры, на которых мы расположились, скатерть уставлена бутылками вина, фруктами, овощами и сыром. На мангалах жарились шашлыки.

Зазандари, странствующие музыканты, устроились чуть поодаль, у родника. Даже названия их инструментов уже звучали, как музыка: дайре, чияури, тар, диплипито. Они напевали что-то нежное, любовное. Эту песню заказали грузины, которым хотелось усилить очарование окружающего нас волшебного пейзажа. Будь здесь наш преподаватель латыни, он бы это стремление горожан слиться с сельской природой назвал "дионасийским настроением". Веселую компанию на ночную прогулку в лес недалеко от Шуши пригласила семья Кипиани, наконец-то переехавшая сюда из Баку.

Прямо напротив меня сидел отец Нино, который в этом ночном застолье исполнял роль тамады со всем мастерством, возможным в настоящих условиях.

У него были густые черные усы, сверкающие глаза и румяное лицо. Сейчас он пил, высоко подняв бокал с вином. Я тоже отпил глоток. В другое время я не стал бы этого делать, но отказаться пить, когда этого требует тамада, значит проявить неучтивость.

Слуги принесли воду из родника. Всего лишь глоток ее, и ты можешь есть сколько угодно и никогда не насытишься, потому что вода родника Пехачпур одно из бесчисленных чудес Карабаха. Мы пили родниковую воду, и горы еды на скатерти постепенно таяли.

В дрожащем отблеске костра я видел профиль матери Нино. Она сидела рядом с мужем, и глаза ее сияли смехом. Женщина с такими глазами могла появиться на свет только в Мингрелии, в долинах Риони, где когда-то встретились прекрасная колдунья Медея и аргонавт Ясон.

- Выпьем за здоровье почтенного Диани! - воскликнул тамада, поднимая бокал.

Диани, старик с детскими глазами, благодарно склонил голову. Этим тостом начался третий круг. Бокалы опустели. Волшебная вода родника Пехачпур не давала пьянеть. Все были трезвы, грузины за столом любят повеселиться от всего сердца. Но при этом их мозг остается чистым и незамутненным, как воды родника Пехачпур.

Не одни мы в эту ночь устроили застолье в лесу. Повсюду между деревьев виднелись огоньки множества костров, потому что каждую неделю шушинцы собирались у родников. Их застолья продолжались до самого утра. Здесь, под деревьями, напоминающими идолов священного леса, веселились и христиане, и мусульмане.

Я взглянул на сидящую рядом Нино. Она тут же отверла взгляд и продолжила беседу с седым Диани. Таковы были требования обычая: уважение - старшим, любовь - молодым...

- Вы должны как-нибудь непременно приехать в мой дворец в Зугдиди. Он стоит на берегу Риони. Когда-то мидийские рабы овечьим руном собирали здесь золото. Приезжайте и вы, Али хан, увидите древние тропические леса Мингрелии, которых еще не коснулся топор.

- С удовольствием, почтенный Диани, но приеду не ради лесов, а ради вас.

- Вы имеете что-нибудь против лесов? Для меня лес - это воплощение совершенной

жизни.

В наш разговор вмешалась Нино.

- Али хан боится лесов, как дети - джиннов.

-- Ну, положим, не до такой степени. Но насколько вам дороги леса, так же мне дорога степь. - Диани заморгал своими наивными глазами. - Меня, Ваша светлость, - продолжил я, - пугает мир лесов, я теряюсь в нем. Этот мир полон для меня загадок и ужасов, джиннов и чертей. Здесь мало что видно, дороги непроходимы и темны. Солнечные лучи теряют свой жар в гущах деревьев. Все сумеречно и нереально. Меня угнетает лесная тень, а шелест листвьев и ветвей наводит на меня грусть. Я люблю простые вещи - ветер, песок, камни. Степь проста, как удар мечом. Лес же - это запутанный гордиев узел. Я теряюсь в лесу, Ваша светлость.

Диани задумчиво посмотрел на меня.

- У вас душа степняка, - сказал он. - Я думаю, для определения людей достаточно разбить их на два вида: лесовиков и степняков. На Востоке можно без вина опьянеть в степи. Людей пьянят жаркий ветер и горячий песок. Мир степи прост и без проблем. Лес же полон вопросов. Степь не задает вопросов и ничего не обещает. Но жар души идет из леса. Человек степи, такой, как я его понимаю, способен лишь на одно чувство и знает лишь одну истину. Эти две вещи наполняют его душу. А лесной человек многогранен. Из степи происходят фанатики, а лес рождает людей творческих. В этом основная разница между Востоком и Западом.

- Вот почему мы, армяне и грузины, живем в лесах, - вмешался в разговор толстяк Мелик Нахаарян, представитель одного из известнейших армянских родов.

Этот человек с выпученными глазами, над которыми нависали густые брови, обожал выпивку и философские разговоры. Он поднял тост за мое здоровье и громко произнес:

- Али хан! Орлы рождаются в горах, а тигры - в чащах. Что же рождается в степи?

- Львы и воины, - ответил я, заслужив восторженные аплодисменты Нино.

Подали шашлыки. Вновь наполнились и опустели бокалы. По всему лесу разносился шум грузинского застолья. Диани что-то живо обсуждал с Нахааряном. Воспользовавшись этим, Нино устремила на меня радостный и вопросительный взгляд.

Я кивнул. Было уже темно. В отсвете костров люди походили на чертей или разбойников. На нас никто не обращал внимания,

Я поднялся и медленно направился к роднику. Наклонился, зачерпнул ладонью воды, выпил. До чего же она была вкусной! Я долго стоял, любуясь отражающимися в воде звездами.

Позади послышались шаги. Хрустнула под маленькой ножкой сухая ветка... Я протянул руку, и Нино тут же ухватилась за нее. Мы медленным шагом скрылись в глубине леса. Деревья смотрели на нас хмуро и неодобрительно. Удаляться от костра считалось у них неприличным. Нино села на небольшой полянке и потянула меня за руку к себе. В веселом и счастливом Карабахе царствовали довольно строгие и суровые законы. Старый Мустафа с ужасом рассказывал мне, что восемнадцать лет назад в одной семье была нарушена верность, и с тех пор там фруктовые деревья не плодоносили.

Мы с Нино сидели, глядя друг на друга. В лунном свете ее лицо было бледно и загадочно.

- Княжна, - прошептал я.

Нино искоса посмотрела на меня.

Вот уже двадцать четыре часа, как она носила титул княжны, это было итого двадцатичетырехлетней тяжбы ее отца, доказывавшего и доказавшего, наконец, свое право на титул князя, о чем свидетельствовала полученная сегодня утром телеграмма из Петербурга. Старик обрадовался как ребенок, нашедший потерянную маму, и на радостях пригласил всех нас на эту ночную прогулку.

- Княжна, - повторил я и взял ее лицо в ладони.

Она не сопротивлялась. Может быть, выпила чуть больше, чем следовало, кахетинского или ее пьянили лес и лунный свет. Я поцеловал ее. Ладони Нино были мягкими и теплыми. Тело ее тоже не оказывало никакого сопротивления.

Мы лежали на мягком мху, и Нино смотрела мне в глаза. Я осторожно коснулся сосков ее девичьих грудей. Неведомые ощущения, рождавшиеся в груди Нино, передавались и мне. Все ее существо было охвачено сейчас лишь одним чувством, и чувство это было могучим, подобно силе земного притяжения. Радость телесного наслаждения полностью захватила ее. Глаза Нино были закрыты, лицо стало тоньше и серьезней. Я расстегнул на ней платье. Тело ее в лунном свете казалось выточенным из сердолика и отдавало матовым сиянием. Я слышал, как бьется ее сердце. Охваченная страстью, она бормотала что-то жаркое и неразборчивое. Я спрятал лицо меж ее маленьких грудей и почувствовал, как теряю голову от аромата ее тела, чуть солоноватого вкуса ее кожи. Колени Нино дрожали, по лицу текли слезы. Я целовал ее глаза, щеки, осушая поцелуями слезы.

Она села, не произнеся ни слова. Сейчас лишь загадочные и необъяснимые чувства, бушевавшие в ее груди, могли пробудить ее. Моей Нино было все еще семнадцать лет, и она посещала лицей святой царицы Тамары.

- Мне кажется, я тебя люблю, Али хан, - проговорила она потом. - Люблю даже сейчас, когда стала княжной.

- Кажется, ты недолго будешь княжной, - отвечал я.

Нино не поняла меня.

- Что ты хочешь этим сказать? - растерянно спросила она, - Ты думаешь, царь лишит нас этого титула?

- Ты лишишься титула, как только выйдешь замуж. Но титул хана тоже неплох.

Нино сцепила руки на затылке, запрокинула голову и засмеялась.

- Хан, а может быть, жена хана? Такого титула на свете не существует. И, вообще у тебя странная манера предлагать руку и сердце, если ты имел в виду именно это...

- Именно это я и имел в виду.

Пальчики Нино коснулись моих щек и исчезли в волосах.

- А если я приму твое предложение, ты будешь хранить этот шушинский лес, как одно из лучших воспоминаний и заключишь мир с деревьями? Да?

- Мне кажется, да...

- А в свадебное путешествие мы поедем к твоему дяде в Тегеран, и там я, под специальным конвоем, навещу гарем шахиншаха и должна буду пить с уймой толстых женщин чай и вести светскую беседу?

- Ну и что?

- А потом я смогу гулять только по степи, потому что там не будет мужчины, который увидит меня.

- Нет, Нино, я не заставлю тебя гулять по степи, потому что она тебе не понравится.

Нино приблизила ко мне лицо и ткнулась носиком в мой лоб.

- Может быть, я и вправду выйду за тебя замуж, Али хан. Но подумал ли ты, какие преграды нам тогда предстоит преодолеть, кроме степи и леса?

- Ты о чем?

- Во-первых, мои родители умрут от горя, если я выйду замуж за мусульманина. Потом твой отец потребует, чтобы я приняла ислам. А если я сделаю это, то батюшка сошлет меня в Сибирь за то, что я отреклась от христианства, а заодно и тебя за то, что принудил меня к этому.

Я рассмеялся.

- Нам придется жить на льдине посреди Северного Ледовитого океана, и огромные белые медведи растерзают нас на кусочки. Нет, Нино, все будет не так плохо. Ты не должна будешь принимать ислам, твои родители не умрут от горя, в свадебное путешествие мы поедем в Париж или Берлин, чтобы ты могла увидеть деревья Буонского леса и зверей в

знаменитом берлинском зоопарке. Что ты на это скажешь?

Нино удивленно посмотрела на меня.

- Ты очень любишь меня, поэтому я не говорю "нет", но и говорить "да" еще рано. Ведь я не убегаю от тебя! Вот окончу лицей, тогда и поговорим с родителями. Но ты не должен похищать меня. Умоляю, только не делай этого. Я знаю, как это у вас делается: хватаете девушку, перебрасываете её через седло, увозите в горы, а в итоге начинается кровная война с семьей Кипиани.

Вдруг Нино превратилась в веселую и шаловливую девушку. Казалось, смеется все ее тело: лицо, руки, ноги, вся кожа. Прислоняясь к стволу дерева, она смотрела на меня снизу вверх. Я стоял против нее. Здесь, под деревом, она походила на дивного зверька, случайно забежавшего в лес и испугавшегося охотника.

- Пойдем, - сказала она.

Мы пошли к костру. Вдруг она замерла, подняла голову и взглянула на луну.

- А наши дети, к какой религии они будут относиться? - тревожно спросила она.

- Обязательно к самой лучшей и самой чистой, - неопределенно ответил я.

Она недоверчиво посмотрела на меня, помолчала, а потом жалобно спросила:

- Кстати, я не очень стара для тебя? Скоро мне исполнится семнадцать лет. Твоей будущей жене сейчас должно быть двенадцать.

Нет, она не слишком стара для меня, успокоил я ее, может быть, слишком умна. Никто, кстати, не говорит, что слишком большой ум - это всегда достоинство.

Может быть, на Востоке мы все рано созреваем, стареем и мудреем? А может быть, все мы одинаково глупы и простодушны? Этого я не знал.

Эти деревья, Нино, свет костров в отдалении - все смущало, тревожило меня. Я чувствовал себя совершенно запутавшимся. Может быть, и я перепил кахетинского и, как степной разбойник, забылся в тихом саду любви?

Но в действительности Нино вовсе не была похожа на жертву степного разбойника. Она спокойно и решительно смотрела в будущее.

Когда мы снова оказались у родника Пехачпур, уж и следа не осталось от слез, смеха, нежного возбуждения.

Никто нашего исчезновения не заметил. Я сел у костра и вдруг почувствовал, как горят у меня губы. Я поспешил наполнить бокал водой из Пехачпурса и выпил. Когда яставил бокал, встретился глазами с Меликом Нахараляном. Взгляд этот был дружелюбен, заботлив и чуть покровительствен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я лежал на веранде маленького домика, который снимал в Шуше, и предавался любовным мечтаниям.

Моя любовь была не такой, как у других. Она была особенной с самого начала. Нино я встретил не у ручья, не у водопада, а на Николаевской, по дороге в лицей. И уже по одному этому моя любовь должна совершенно отличаться от всех историй, которые мне доводилось слышать от отца, дедушки, дядей.

На Востоке любовь начинается либо у тихо шелестящих сельских ручьев, либо же где-нибудь у шумных городских фонтанов. Вечерами девушки с кувшинами на плечах отправляются к ручью. А неподалеку собираются парни, которые ведут неспешные беседы о битвах, разбойниках и совершенно не обращают внимания на проходящих мимо девушек. Девушки медленно наполняют свои кувшины и так же медленно возвращаются. Полные по самое горлышко кувшины нести тяжело. Девушки боятся поскользнуться, платки сползают у них с лица, и красавицы застенчиво опускают глаза. Но бывает, что одна из них случайно поднимает глаза, и ее взгляд встречается с взглядом кого-нибудь из парней. Если у ручья несколько раз встречаются взглядами молодые люди, все уже знают - это начало любовной истории.

Остальное происходит уже само собой. Влюбленный парень бродит по окрестностям

города и поет печальные песни. Его родня обсуждает с родителями девушки вопросы приданого и другие не менее важные проблемы, а мудрецы пытаются подсчитать, сколько новых бойцов произведут на свет эти молодожены. Вот как просто все происходит, все заранее рассчитано и решено.

А что же я? Где затерялся мой ручей? Где платок на лице Нино? Странно. Разглядеть лицо женщины под платком невозможно, но это не мешает узнать о ее привычках, мыслях, желаниях. Платок скрывает глаза женщины, ее нос, рот, но не душу. Душа восточной женщины не столь уж загадочна. Она многим отличается от женщин, не скрывающих лица под чадрой. Потому что можно увидеть глаза, нос, губы западных женщин, но постичь, что скрывается за всем этим, не сможет даже величайший мудрец, думающий, что он все знает на свете...

Я люблю Нино, но иногда она приводит меня в замешательство, изумляет, повергает в сомнения. Ей доставляет удовольствие, когда на улице на нее заглядывают посторонние мужчины. В то время как восточную женщину это рассердило бы. Она целует меня. Я ласкаю ее груди, ноги. А ведь мы с ней даже не помолвлены! Когда она читает книги про любовь, глаза ее становятся мечтательными. А спросишь, о чем она задумалась, - покачает удивленно головой и скажет: "Сама не знаю". Когда Нино рядом со мной - у меня нет вообще никаких мыслей, желаний. Мне кажется, у нее такой характер оттого, что она часто ездила в Россию. Отец всегда возил ее с собой в Петербург. А всем известно, что русские женщины - самые сумасшедшие женщины на свете. Их глаза полны страсти, они часто обманывают мужей и изменяют им с другими. И, несмотря на это, у них очень редко бывает больше двух детей. Так карает их Аллах!

Но я все равно люблю Нино. Люблю ее глаза, голос, смех, люблю, как она разговаривает, даже мысли ее люблю. Мы с ней поженимся, и она, несмотря на веселый, резвый, мечтательный нрав, будет, как и все грузинские женщины, хорошей женой. Дай-то Аллах!

Я повернулся на другой бок. Эти мысли ничего, кроме удовольствия, мне не приносили. Что могло быть приятней, чем лежать, закрыв глаза, и думать о будущем, то есть о Нино? А наше будущее - это женитьба; оно начнется со дня нашей свадьбы, с того дня, когда Нино станет моей женой.

Это, наверное, будет очень суматошный день. Я не смогу даже увидеть Нино. Говорят, нет ничего хуже, чем когда в день свадьбы жених и невеста появляются вместе. Мои друзья, вооруженные, на конях, заберут Нино из ее дома. Лицо ее будет закрыто плотным платком. Только в этот день, в день свадьбы, ей придется выполнить восточный обряд. Мулла будет задавать вопросы, а мои товарищи, стоя по углам комнаты - шептать заклинания против бессилия. Этого тоже требует обычай. Потому что у каждого человека есть враги, и в день свадьбы они до половины вынимают кинжалы из ножен, обращают лица к Западу и шепчут:

- Анисани, баницани, мамаварн, каниани - он не может этого, он не может этого, он не может этого.

Но, слава Аллаху, у меня есть хорошие друзья, и Ильяс бек знает все спасительные заклинанья наизусть.

Сразу после бракосочетания мы должны тут же расстаться. Нино пойдет к своим подругам, а я - к друзьям. Каждый из нас проведет последний день юности порознь.

А потом? Да, что потом?

Я на мгновение открываю глаза, вижу веранду, деревья в саду и опять закрываю глаза, чтобы снова все обдумать. День свадьбы - очень важный день в жизни, может быть, даже самый важный, но в то же время это самый тяжелый день.

В день свадьбы нелегко будет попасть и в спальню невесты. Вдоль длинного коридора у каждой двери стоят люди в масках, и они пропускают тебя только после того, как заплатишь им. А друзья уходят, подбросив в спальню петуха или кота, или подстроив еще какую-нибудь каверзу. Я должен буду внимательно осмотреть все. Бывает даже, что в

постели прячется старуха и требует выкупа за то, чтобы освободить брачное ложе...

И вот, наконец, я остаюсь один. Открывается дверь, и входит Нино. Теперь начинается самая сложная часть свадебной церемонии. Нино смеется и с надеждой смотрит на меня. Ее тело стянуто сафьяновым корсетом. Он завязан впереди сложно переплетающимися узелками. Развязать их - дело очень сложное, но в том-то и состоит смысл корсета. Я должен сам развязать все узелки. Нино не имеет права помогать мне в этом. Или поможет? Узлы и в самом деле очень сложные, но перерезать их ножом - значит опозориться и признать свое бессилие. Мужчина должен доказать, что он сам себе господин. Ведь на следующий день друзья придут и захотят взглянуть на развязанные узелки. Горе несчастному, который не сможет предъявить их: о нем будет говорить весь город.

В свадебную ночь дом напоминает муравейник. Повсюду стоят друзья, знакомые друзей и друзья знакомых. Они везде: в коридорах, на крыше, даже на улице. Они ждут и, если ждать приходится долго, теряют терпение.

Тогда они начинают стучать в дверь, мяукать, лаять, но как только раздается долгожданный выстрел из пистолета - все мгновенно меняется. Все тут же на радостях начинают палить в воздух, выходят на улицу и становятся в караул, чтобы выпустить нас с Нино, лишь когда им самим захочется этого.

Да, это будет воистину прекрасная свадьба. Свадьба с соблюдением всех старинных обрядов.

Я, кажется, незаметно заснул на мягкой тахте. Потому что когда я открыл глаза, то увидел, что гочу мой сидит на земле и острием ножа чистит ногти. Как же я не заметил его прихода?

Я лениво зевнул и спросил:

- Ну, что новенького, братец?

- Ничего особенного не произошло, ага, - ответил он своим противным голосом. - По соседству подрались женщины да какой-то осел от испуга плюхнулся в реку, так до сих пор там и сидит...

Гочу умолк, спрятал свой кинжал в ножны.

- Государь император объявил войну нескольким европейским королям, равнодушно добавил он после недолгого молчания.

- Что? Какую войну?

Я вскочил и удивленно уставился на него.

- Самую обыкновенную войну.

-- Да что ты болтаешь? Кому он объявил войну?

- Разным европейским королям. Я забыл их имена. Их там было много. А Мустафа записал их имена.

- Скорей позови его сюда!

Удивленный моим столь живым интересом, гочу тряхнул головой и вышел. Через некоторое время он вернулся с хозяином дома.

Гордый обширностью и глубиной своих познаний, Мустафа довольно усмехался. Да, конечно, царь объявил войну, об этом знает весь город. Только я один сплю здесь и не в курсе происходящего. Почему царь объявил войну? Этого никто точно сказать не мог. Во всяком случае, подобное решение царя свидетельствует о необычайной мудрости нашего монарха.

- Но кому он объявил войну? - теряя терпение, крикнул я.

Мустафа сунул руку в карман, достал оттуда мятый лист бумаги, откашлялся и торжественно, хотя и с большим трудом, начал читать:

- Императору Германии, императору Австро-Венгрии, королю баварскому, королю прусскому, правителю Саксонии, королю Венгрии и еще ряду мелких графств и княжеств.

- Я ведь говорил тебе, ага, что невозможно всех упомянуть, - виноватым тоном проговорил гочу.

Мустафа спрятал листок в карман.

- Вместе с тем Его величество султан Великой Османской империи и халиф Мехмет Рашид, а также Его величество шахиншах Ирана Султан Ахмед шах объявили, что они в этой войне участвовать не намерены. Таким образом, кяфиры воюют друг с другом, а нас это совсем не касается. Мулла в мечети Мухаммеда Али полагает, что победят немцы.

Колокольный звон разнесся по всему городу, прервал Мустафу. Я выбежал на улицу.

Знойное августовское небо неподвижно висело над городом. Легкие облачка издали глядели на землю безучастными свидетелями. Звон колоколов долетел до окружающих город гор и эхом возвращался обратно. На улицах было многолюдно. Перепуганные и взволнованные лица были обращены вверх к куполам и минаретам. Пыль столбом стояла в сухом воздухе. Люди нервничали. Немой угрозой нависали над нами стены мечетей и церквей. Наконец перезвон колоколов смолк. На минарете мечети у нашего дома появился толстый мулла в ярком одеянии. Он рупором поднес ко рту ладони и торжественно, но в то же время печально прокричал:

- Идите на намаз, идите на намаз, лучше молиться, чем спать!

Гочу оседдал коня, я вскочил в седло и, не обращая внимания на испуганные взгляды людей, пустился по улицам, выехал за город по узкой извилистой дороге, во весь опор промчался мимо домов карабахских аристократов.

- Али хан, ты уже рвешься в бой? - кричали мне вслед эти простые крестьяне, считающиеся здесь аристократами.

Я взглянул на лежавшую внизу долину, туда, где посреди сада стоял небольшой домик с плоской крышей. Заглядевшись на этот домик, я позабыл, обо всех правилах верховой езды и на полном скаку пустил коня вниз под гору. Дом становился все ближе и постепенно заслонял собой и горы, и небо, и город, и царя, и вообще весь мир.

Я направил коня прямо в сад. Из дома вышел какой-то слуга, неподвижно застыл у дверей и устремил на меня невидящий взгляд.

- Князь с семьей три часа назад покинул город, - проговорил он.

Рука моя невольно дернулась к кинжалу. Слуга отпрянул в сторону.

- Княжна Нино оставила господину Али хану Ширванширу письмо. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и протянул мне письмо. Я соскочил с коня и сел на ступеньки. Я нетерпеливо разорвал мягкий, белый и надушенный конверт. Письмо было написано крупным детским почерком:

"Дорогой Али хан! Неожиданно началась война, и мы должны вернуться в Баку. Я не успела сообщить тебе об этом. Не сердись на меня. Я плачу и люблю тебя. Жду тебя и очень скучаю. В дороге я буду думать только о тебе. Папа думает, что война закончится быстро, и мы победим. Из-за всей этой суматохи я совсем потеряла голову. Прошу тебя, съезди в Шушу и купи мне ковер. Я не успела сама его купить. Пусть на ковре будет яркий рисунок конской головы. Целую тебя. В Баку, кажется, будет еще очень жарко. Твоя Нино".

Я сложил письмо. По сути дела вокруг все было, как должно быть. Кроме меня. Мне, Али хану Ширванширу, следовало бы явиться к городскому голове, поздравить его с началом войны или же, по крайней мере, заказать в одной из мечетей молитву во славу русского оружия. Я же вместо этого, как сумасшедший прыгаю, в седло и мчусь в долину.

Я сидел на ступеньках, уставившись в пространство. Конечно, я вел себя глупо. Когда в стране объявлена война, человек не должен первым делом сломя голову мчаться к своей любимой или сидеть и читать надушенные письма. Но война шла не в нашей стране, а там, в России, и какое нам с Нино было до этого дела. Все-таки в душе моей просыпалась какая-то злость. Я злился и на старого Кипиани, который так поспешно вернулся домой в Баку, и на войну, и на лицей святой царицы Тамары, где девушек не учат, как им следует вести себя, а, прежде всего, на Нино, которая, ничего не сообщив мне, уехала, в то время как я, позабыв о своих обязанностях, о долге и звании, мчался, чтобы увидеть ее.

Я несколько раз перечитал письмо. Потом вдруг выхватил кинжал. Движение руки,

мгновенный блеск клинка, и кинжал с глухим стуком вонзился в ствол дерева.

Слуга подошел к дереву, выдернул кинжал из ствола, с видом знатока осмотрел его со всех сторон, одобрительно кивнул и, возвращая мне, со страхом сказал:

- Это настоящая кубачинская сталь, и руке вашей силы не занимать.

Я вскочил на коня и, не спеша, направился в город. Вдали блестели под солнцем купола Шуши. Вся моя злоба прошла, она ушла в ствол дерева. Нино поступила верно. Эта девушка уважает своих родителей, и из нее получится хорошая жена. Мне было стыдно, я ехал, низко, опустив голову и глотая дорожную пыль. Багровое солнце клонилось к западу.

Неожиданное конское ржание заставило меня вздрогнуть и поднять голову. На мгновение я позабыл и Нино, и вообще весь мир. Я увидел маленькую лошадку с узкой небольшой головой, гордым взглядом, худым телом и тонкими, как у балерины, ногами. В седле сидел пожилой человек с вислыми усами и большим, с горбинкой носом. Это был помещик, живущий по соседству, князь Медиков. Застыв на месте, я, не веря своим глазам, любовался его конем. Мгновенно мне вспомнились рассказы о коне святого Сары бека, которых я наслушался, пока жил в Шуше.

"Это гнедой конь. Во всем Карабахе таких коней двенадцать голов. За ними строже, чем за женщинами в гареме султана".

И вот теперь этот легендарный конь стоял передо мной.

- Куда вы направляетесь, князь?

- На войну, сынок.

- Какой у вас прекрасный конь, князь!

- Да, я вижу, ты восхищен. Лишь у нескольких человек есть такие гнедые.

В глазах князя блестели слезы гордости и волнения.

- Его сердце весит всего три килограмма. Если намочить его круп, он блестит, как золотое кольцо. Этот конь еще не видел дневного света. Сегодня, когда его вывели на воздух, лучи солнца осветили его глаза, и они блестели, как забивший из-под земли родник. Так блестят глаза человека, добывающего огонь. Этот конь потомок коня Сары бека. Я его еще никому не показывал. Князь Меликов сел на этого коня, лишь когда царь призвал его на войну.

Он величественно попрощался и продолжал путь. Тихо позывала его сабля. В стране, действительно, началась война.

Домой я добрался уже затемно. Сообщение о войне взбудоражило город. Аристократы напились, бродили пьяные по улицам и стреляли в воздух.

- Прольется кровь, - кричали они, - кровь будет литься рекой, мы прославим тебя, Карабах!

Дома меня ждала телеграмма. "Немедленно возвращайся домой. Отец".

- Собирайся, - сказал я гочу, - завтра едем домой.

Я вышел на улицу, наблюдая за происходящим в городе. Что-то тревожило меня, но что, я не мог понять. Я поднял голову и долго смотрел в небо, пытаясь угадать будущее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- Скажи, Али хан, а кто наши союзники? - спросил меня гочу.

Мы спускались вниз по извилистым улицам Шуши. Гочу, простой деревенский парень, был неутомим, он выискивал самые неожиданные вопросы на политические темы и задавал их мне.

В нашей стране люди средних классов чаще говорят о религии, политике или торговле. Война же охватывала все эти три сферы. О ней можно было говорить сколько угодно, когда угодно и где угодно - в пути, дома, в чайхане - везде. Это была тема, на которую никогда нельзя было наговориться.

- Наши союзники, гочу, это японский император, индийский король, английский король, сербский царь, король Бельгии и президент Французской Республики.

Гочу недовольно поджал губы.

- Но ведь французский президент - человек гражданский, как же он сможет выйти на поле битвы и командовать сражением?

- Не знаю. Может быть, он пошлет на войну кого-нибудь из своих генералов.

- Человек должен сам участвовать в войне, а не поручать это другому. Иначе это ненастоящая война.

Он внимательно взгляделся в спину нашего возчика и тоном знатока сказал:

- Правда, царь - человек невысокий и худой, а король Гийом - напротив, широкоплечий и сильный. Он победит царя в первом же бою.

Этот простодушный человек верил, что на войне цари верхом на конях встречаются лицом к лицу и именно так начинается сражение. Переубедить его было невозможно.

- После того, как Гийом победит царя, должен выйти царевич. А царевич еще маленький и больной. У Гийома же, напротив, шестеро здоровых и сильных сыновей.

Я пытался как-то уменьшить его пессимизм.

- Но Гийом может биться только правой рукой, потому что его левая рука парализована.

- Да ну, это не имеет никакого значения. Левая рука ему нужна только для того, чтобы держать поводья коня. А для сражения левая рука не нужна.

Он немного помолчал, задумчиво морща лоб, а потом вдруг спросил:

- А правду говорят, что императору Францу-Иосифу сто лет?

- Я точно не знаю. Но он очень старый.

- Ужасно, - промолвил Гочу, - такой старый человек должен будет сесть в седло, обнажить меч.

- Ему не придется делать этого.

- Как это не придется? Придется. Между ним и сербским королем кровная месть. Сейчас они кровные враги, и император Франц-Иосиф должен отомстить за убийство эрцгерцога. Будь это один из наших крестьян, может быть, дело и кончилось бы денежным расчетом. Отдал бы сто коров и дом - на том и поладили бы. Но ни один царь не должен прощать пролитой крови, иначе все так и будут прощать, и кровная месть совсем исчезнет. А если не будет кровной мести, страна погибнет.

Гочу был прав. Что бы ни говорили европейцы, но кровная месть служит для поддержания порядка в стране и сохранения полезных традиций. Конечно, старые и мудрые люди советуют за пролитую кровь брать в качестве возмещения денежную компенсацию. Но полностью отменять основу кровной мести нельзя. Ведь чем тогда закончится первое же кровопролитие?

Человечество разделено на семьи, между которыми существует определенное равновесие, поддерживаемое волей Аллаха и силой духа мужчин. Если же это равновесие насилиственно нарушается, то семья, которая пошла против воли Аллаха, должна принести в жертву одного из своих членов. Таким образом, нарушенное равновесие будет восстановлено. Конечно, исполнить кровную месть не такое уж легкое дело. Бывает, что пуля мстителя летит мимо или людей гибнет, больше, чем следовало бы. Тогда кровная вражда продолжается. Но основа кровной мести верна и чиста.

Гочу отлично понимал, что я хочу сказать, и согласно кивал головой: да, столетний император, который садится на коня, чтобы совершить кровную месть, умный и справедливый человек.

- Но скажи, Али хан, если император и сербский король хотят свести друг с другом счеты, при чем же здесь другие короли?

Вопрос был очень трудным. Признаюсь, я тоже не мог найти на него ответа...

- Вот, смотри, - начал я, - наш царь и сербский король веруют в одного и того же бога, поэтому наш царь и помогает ему. А король Гийом и другие воюющие с нами государи, по-моему, родственники Франца-Иосифа. Английский король - родня царю. Вот так все и переплетено, как в цепочке.

Но мой ответ не удовлетворил гочу. Потому что японский император верует в совершенно другого бога, чем наш царь, а тот загадочный гражданин человек, который правил во Франции, не мог быть родственником ни одному из государей. К тому же, по мнению гочу, во Франции вообще ни в какого бога не верили. Поэтому она и называется республикой.

Все эти вопросы были для меня темным лесом. Я старался давать на них уклончивые, неопределенные ответы, и, наконец, сам перешел в наступление, спросив, намеревается ли мой храбрый гочу идти на войну?

Он мечтательно посмотрел на свое оружие.

- Да, - ответил, - конечно, я пойду воевать.

- А ты знаешь, что можешь не идти на войну? Ведь мы, мусульмане, освобождены от воинской повинности.

- Ну и что, я все равно хочу идти на войну. - И вдруг этот простодушный гочу стал очень разговорчивым. - Война - прекрасная штука, сказал он, - я могу обойти весь мир, услышать, как воет ветер на Западе и увидеть слезы на глазах врагов. Если я пойду на войну, мне дадут коня и винтовку, и я буду скакать с друзьями по завоеванным нами селам. А вернувшись с войны, привезу много денег, и все будут восхищаться моей удалью. Если же я погибну, то погибну, как мужчина, на поле битвы. Люди будут говорить обо мне только хорошее, а мой сын или отец станут пользоваться почетом. Да, война - прекрасная вещь. Каждый мужчина хоть раз в жизни должен побывать на войне.

Он говорил без передышки и с большим воодушевлением, представляя, как будет разить врагов, какие привезет трофеи. Глаза его сверкали, смуглое лицо напоминало героев "Шахнамэ".

Я завидовал ему. Этот простой человек точно знал, как ему следует поступать. Я же... слишком долго проучился в императорской гимназии. Вместе с учением я впитал и свойственные русскому характеру нерешительность и склонность к мечтаниям.

Вокзал был переполнен: женщины, старики, дети, крестьяне из Грузии, кочевники из Закатал.

Куда они едут? Что толкает их к путешествию? Мне кажется, они и сами не знали этого. Одни часами сидели, не двигаясь с места, другие штурмовали нужные им поезда.

У входа в зал ожидания горько плакал старик в драном тулупе. Он был родом из Ленкорани, и ему казалось, что дом его разрушен, а дети - погибли.

- Но Иран не воюет с нами, - сказал я, чтобы утешить его. Старик безнадежно посмотрел на меня.

- Нет, сынок, - ответил он, качая головой, - слишком долго иранский меч ржал в ножнах. Теперь они обнажили его. К нам хлынут беженцы, войска шаха разрушат наши дома, потому что мы живем в империи кяфиров. За это иранский лев превратит нашу страну в пепелище. Юношей наших угонят в неволю, девушек - превратят в игрушки для забав.

И старик заплакал еще горше.

Тут появился гочу и, расталкивая людей, стал прокладывать мне дорогу к нашему поезду. Тупоносый локомотив был похож на злого дракона из детских сказок. Эти уродливые черные машины вдоль и поперек исполосовали гладь нашей степи.

Мы заперлись в купе. Правда, для этого пришлось немного приплатить проводнику, но зато нам никто не мешал, и мы могли ехать спокойно.

Гочу свободно уселся, поджав по-турецки ноги. На бархатной обивке дивана было вышито "ЗЖД" - "Закавказская железная дорога".

Наконец поезд тронулся. За окном плыла степь, погруженная в желтую солнечную тишину. Лишь изредка ее гладь нарушали лысые вершины невысоких холмов.

Я опустил окно вагона и высунул голову. Откуда-то издалека с невидимых морей дул поверх холмов прохладный ветер. Скалы пылали жаром. Ветер тихо, по-змеиному, шевелил низкие кусты. Вдалеке по пескам шел караван. Верблюды испуганно оглядывались на наш

поезд. Их было около сотни, может быть, даже больше. У каждого на шее висел колокольчик. Они мерно позывали в ритм движению, и так же ритмично покачивали головами верблюды. В музыке этой симфонии кочевья караван сливался в единое тело... Стоит неверно ступить одному из верблюдов, тут же нарушается гармония, звона. Услышав, что колокольчик звучит не так, верблюд начинает нервничать и успокаивается, лишь когда гармония звона восстанавливается.

Серое однообразие мягких песков наводило на мысли о вечности. Почему поезд увозит меня отсюда? Я принадлежу этим пескам, верблюдам, людям, ведущим караваны по этим пескам! Отчего же я не поднял руку, не потянул рычаг стоп-крана? Назад! Обратно! Я не хочу ехать в ту сторону? Я хочу вернуться! Этот однообразный звон колокольчиков каравана вечности доносит до меня отзвуки иных миров.

Что мне до мира, лежащего по ту сторону горной цепи? Какое мне дело до тамошних войн, городов, царей, людей, их забот и радостей, их грязи и чистоты? В нас иная чистота и иная грязь, иной ритм и иной облик. Поезд может увозить меня на Запад, но мыслями и душой я принадлежу Востоку.

Я долго смотрел назад, туда, где остался медленно, невозмутимо идущий своей дорогой караван, слушал глубокую тишину, и покой воцарялся в моей душе. На мою родину не посягал враг. Никто не захватывал Закавказья.

Гочу хочет ехать на войну. Он имеет на это право. Он будет сражаться за царя. Мой гочу охвачен жаждой приключений. Как и все правоверные мусульмане, он хочет видеть, как будут литься кровь и слезы его врагов.

Я тоже всем своим существом рвусь на войну. Мне хочется вдохнуть воздух жаркой схватки, увидеть дымы костров над огромным полем битвы. Какое прекрасное слово - война! В нем мужество и мощь.

Но пока мое место здесь. Я должен готовиться к тому дню, когда враг вступит на нашу землю, в наш город. Пусть сейчас на войну едут те, кто гонится за славой, но в стране должно остаться достаточное количество мужчин, чтобы разгромить врага. В душе моей живет непонятная тревога. Неважно, кто победит в этой войне, я предчувствую приближение страшной катастрофы, и она будет ужасней сотен захватнических походов царя. Существует невидимая сила, которая хочет вырвать из рук погонщика узду каравана и увести верблюдов на другие пастища, повернуть их на другой путь. Но этими путями может идти Запад. Это не мой путь. Вот почему я остаюсь в своем доме, на своей земле. Лишь когда эта невидимая сила поднимется против моего мира, я обнажу свой меч.

Принятое решение всегда приносит успокоение.

Я отошел от окна и сел на место. В Баку, наверное, будут болтать, что я остаюсь дома из-за черных глаз прекрасной Нино. Пусть говорят. Может быть, в этом и есть доля истины. Ведь в этих черных глазах заключена для меня родная земля, зов родины, которую чужеземцы пытаются увести на чуждый ей путь.

Я остаюсь. Остаюсь, чтоб защитить мою родину от рук того невидимого чужеземца.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Баку расслабленно и лениво дремал под жаркими лучами августовского солнца. Все тем же было его древнее, изборожденное морщинами лицо. Многие русские исчезли из города. Они отправились на поля сражений воевать за царя и отчество. Полицейские ходили по домам, выискивая немцев и австрийцев. Цены на нефть подскочили, чему бакинцы были очень рады. Военные сводки могли читать только постоянные посетители чайханы. Война шла где-то далеко, на другой планете. Незнакомо и чуждо звучали названия захваченных или оставленных городов. На первых страницах газет красовались лица улыбающихся и уверенных в победе генералов.

Я не поехал в Москву поступать в институт. Не хотел оставлять родину во время войны. В конце концов, образование никуда не денется. Многие с презрением поглядывали на меня за отказ идти на войну. Однако когда я с нашей крыши смотрел на пестрые купола

старого города, то понимал, что никакой призыв царя не в силах будет оторвать меня от родной земли, родных крепостных стен.

Отец изумленно и встревожено спрашивал:

- Ты в самом деле не хочешь идти на войну? Ты, Али хан Ширваншир?

- Да, отец, не хочу.

- Многие наши предки погибли на полях сражений. Это естественная смерть для мужчин нашего рода.

- Знаю, отец. Я тоже сложу голову на поле битвы, но не сейчас и не так далеко.

- Славная смерть лучше бесславной жизни.

- Я не живу бесславно. Но в этой войне я ни перед кем не ответствен и никому не должен.

Отец с недоверием смотрел на меня. Неужели его сын трус? В сотый раз он пересказывал мне историю нашей семьи.

- Еще во времена Надир шаха за иранскую империю сражались пять Ширванширов. Четверо из них погибли в сражениях во время индийского похода, и только один вернулся из Дели с богатыми трофеями. Он купил себе поместья, построил дворцы и жил еще долго после смерти этого жестокого шаха. Но в войне против Шахрур Гусейн хана этот мой предок перешел на сторону коварного шахзаде Ага Мухаммед Гаджара. Он со своими восьмью сыновьями участвовал в походах Ага Мухаммеда на Занд, Хорасан, Грузию. Из его сыновей остались в живых только трое, и после восшествия Ага Мухаммеда на престол сыновья служили в его свите. Когда Ага Мухаммед был убит, шатры Ширванширов стояли в шушинском лагере. Преемник Ага Мухаммеда - Фатали, человек мягкий и добрый, подарил Ширванширам поместья в Ширване, Мазандаране, Гиляне и Азербайджане. Но за это девять Ширванширов сложили головы на полях сражений. Три брата стали наместниками шахиншаха в Ширване. Потом пришли русские. Ибрагим хан Ширваншир обороныл Баку, и его героическая смерть под Гянджой прибавила славы роду Ширванширов. После заключения Туркменчайского мирного договора владения, знамена и поля сражений Ширванширов разделились на две части. Те из Ширванширов, кто остался в Иране во время правления Мухаммед шаха, а позже при Насреддин шахе, сражались против туркменов и афганцев, где и сложили головы. Оказавшиеся же в России Ширванширы принимали участие в Крымской войне, сражались против турков, были на русско-японской войне. Они геройски погибали, а у нас взамен их жизней есть имения, ордена, и сыновья наши сдают экзамены, хоть и не могут отличить гериндиума от гериндивума.

- Наша страна опять воюет, - сказал в заключение отец, - а ты, Али хан Ширваншир, тренишься за милосердными законами нашего государя. Что смысла в словах, если ты не впитал в кровь свою традиции нашей семьи! О героизме наших предков ты должен был узнавать не из мертвых, пыльных, пожелтевших книг, ты должен был ощутить его в своей крови.

Отец огорченно умолк. Он не понимал меня и потому презирал. Действительно ли его сын трусил? Идет война, а его сын не рвется в бой, не жаждет увидеть слезы врагов. Плох его сын, испорчен!

Я сидел на ковре, облокотившись на мягкую подушку.

- Ты обещал исполнить три моих желания, - шутливо сказал я, - первым было поехать летом в Карабах. Теперь же слушай второе: дай мне обнажить меч, когда я сам сочту нужным сделать это. Это никогда не поздно будет сделать. Мирные дни закончились, и надолго. Мой меч еще потребуется нашей родине.

- Хорошо, - сказал отец и больше никогда не говорил со мной о войне. Лишь иногда он издали внимательно смотрел на меня. Кто знает, может быть, его сын не так уж и испорчен?

Я пошел в мечеть Тезе пир и поговорил с муллой. Он тотчас понял меня и, облачившись в торжественные одежды, явился к нам домой. Он долго беседовал с отцом наедине. Мулла утверждал, что согласно Корану эта война не имеет для мусульман никакого

значения, и для большей убедительности приводил высказывания пророков. С тех пор в нашем доме воцарились мир и покой.

Но это было только в нашем доме. Жажда сражений охватила большую часть молодежи, ни у кого не хватало рассудительности оставаться в стороне.

Я иногда заходил к своим друзьям. Вот и сегодня от ворот Цицианишвили я свернул направо, на улицу Ашума, вышел на улицу Святой Ольги, перешел на другую сторону и постучался к старому Зейнал аге.

Ильяс бек сидел за столом и читал какое-то военное наставление. Рядом с ним, весь сморшившись от напряжения и с выражением ужаса на лице, сидел самый глупый ученик в нашей гимназии - Мухаммед Гейдар, которого война лишила остатков разума. Он поспешил бросить гимназию и теперь, как и Ильяс бек, жил лишь одной мечтой увидеть на своих плечах офицерские погоны. Оба теперь готовились к экзаменам на офицерский чин.

- Задачей армии и флота является защита царя и отечества от внешних и внутренних врагов, - уныло бормотал Мухаммед Гейдар.

Увидев книгу в руках этого несчастного, я решил подвергнуть его экзамену.

- Уважаемый Мухаммед Гейдар, скажите, пожалуйста, кто такие внешние враги?

Он поморщил лоб, подумал и выпалил:

- Это немцы и австрийцы.

- Ошибся, дорогой, - засмеялся я и прочитал ему из его книги: "Внешний враг - это военные подразделения, которые перешли наши границы с целью развязать войну".

Потом я обернулся к Ильяс беку.

- Что есть выстрел?

- Выстрел - это выбрасывание пули из ствола с помощью пороховых газов, - как автомат выпалил он.

Эта игра в вопросы и ответы продолжалась довольно долго. Просто поразительно - как сложно уничтожить противника по всем правилам науки и насколько поверхностно относятся к этому вопросу у нас на родине. А потом возбужденные Мухаммед Гейдар и Ильяс бек стали рассказывать о предстоящих военных операциях. Причем основную роль здесь играли прекрасные незнакомки, которых друзья целыми и невредимыми находили в руинах захваченных городов. После часа мечтаний они пришли к выводу, что каждый солдат должен носить в своем ранце карту. После этого они обратили ко мне свои благосклонные взгляды.

- Когда я стану офицером, - проговорил Мухаммед Гейдар, - ты должен будешь уступать мне дорогу на улице и оказывать всяческое уважение.

- К тому времени, когда ты станешь офицером, Россия давно проиграет войну, и немцы займут Москву.

Это мое кощунственное заявление отнюдь не возмутило будущих героев. Потому что их, как и меня, совершенно не волновало, кто будет победителем в этой войне. Между нами и фронтом лежала одна шестая часть суши. Немцы не смогут захватить такую огромную территорию. Даже если это им и удастся, то какая им разница - вместо одного христианского, государя нами будет управлять другой. Все дело только в этом. Да, для Ильяс бека война была всего лишь приключением. А для Мухаммеда Гейдара возможностью славно закончить свое образование и посвятить себя достойному мужчины занятию.

Конечно, из каждого из них вышел бы отличный офицер. Потому что храбрости и героизма нашему народу не занимать. Но для чего? Во имя чего? Ни Ильяс бек, ни Мухаммед Гейдар не задавались этим вопросом. А все мои предупреждения были бесполезны: в них обоих проснулась восточная кровожадность. И успокоить ее уже было невозможно. Поэтому они с недоверием относились как к моим словам, так и ко мне самому. Почувствовав это, я ушел.

Узкими улочками я спустился к бульвару. Свинцово-зеленые волны лизали гранитные берега. В порту стояло военное судно. Я сел на скамейку и долго наблюдал за тем, как

небольшое парусное суденышко борется с сильным морским ветром. Владельцем этого суденышка был бакинец. На таком судне я легко и спокойно мог бы дойти до Ирана, до древней и мирной Астары - морских ворот огромного и зеленого государства шаха, обители любви древних поэтов, напоминающей мне о героизме Рустам Залаб, об ароматных розовых садах тегеранских дворцов. Иран - прекрасная и живописная страна.

Я несколько раз прошелся из конца в конец бульвара. Я никогда не приходил к Нино, чтоб увидеться с ней. Это противоречило бы правилам хорошего тона. Но, может быть, учитывая нынешнюю войну, старый Кипиани закроет глаза на некоторую вольность моего поведения? После долгих раздумий я набрал полную грудь воздуха и поднялся по ступенькам большого четырехэтажного дома. На втором этаже на дверях сияла латунная табличка "Князь Кипиани". Прислуга в белом переднике открыла дверь и присела в реверансе. Я отдал ей свою папаху, несмотря на то, что по обычаям Востока гость не должен снимать папаху. Но я был знаком и с европейскими обычаями.

Князь с семьей сидели в зале и пили чай. Это был круглый зал, уставленный обитой красным бархатом мебелью. По углам в кадках стояли пальмы. Меня удивили стены, на которых не было ни ковров, ни масляной краски. Они были просто-напросто заклеены разрисованной бумагой. Княжеская семья пила английский чай из больших красивых чашек. На столе лежали сухари и бисквиты. Я поцеловал руку княгине. Рука пахла сухарями, бисквитом и духами. Князь пожал мне руку, а Нино, потупив глаза, протянула мне три пальчика.

Я сел. Мне тоже подали чай.

- Значит, Али хан, вы твердо решили не идти на военную службу? любезно осведомился князь.

- Да, князь, пока я не намерен делать этого.

Княгиня поставила чашку на стол.

- На вашем месте я вступила бы в один из комитетов помощи.

- Дело в том, что у меня совсем нет свободного времени. Боюсь, что смогу принести родине слишком мало пользы.

- Чем вы заняты? - удивился князь.

- Управлением нашего имения, князь.

Я попал в самую точку. Эту фразу я вычитал в каком-то английском романе. Когда какой-нибудь благородный лорд бездельничал, считалось, что он занят управлением своего имения. После этих слов я заслужил благосклонность старшего поколения семьи Кипиани, и Нино получила разрешение пойти вечером со мной в оперу. Я еще раз поцеловал ручку княгини, договорился зайти за Нино в половине восьмого и откланялся.

Нино пошла проводить меня до двери, и, когда прислуга подала мне папаху, моя любимая покраснела, опустила голову и чарующе нежно оказала на ломаном азербайджанском языке:

- Я очень рада, что ты остаешься в городе. Честное слово, очень рада. Но скажи мне, Али хан, ты, в самом деле, боишься войны? Ведь мужчины так любят воевать! Если тебя ранят, я буду любить даже твои раны.

Настал мой черед краснеть. Я крепко сжал ее руку и спокойно сказал:

- Я ничего не боюсь, Нино. Придет время, и ты будешь лечить и мои раны. А до тех пор можешь считать, меня трусом.

Нино посмотрела на меня с недоумением. Я пошел домой, раскопал какой-то старый учебник химии, и разорвал его на мелкие кусочки.

Затем я выпил настоящий иранский чай и заказал ложу в опере.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Резкий и яркий свет множества электрических ламп слепит глаза. С позолоченных гипсовых статуй в ложах спадает красный бархат. Лысины в зале сверкают, как звезды на ночном небосклоне. Спины и плечи женщин обнажены. Темный провал оркестровой ямы

отделяет сцену от зала. Шепот, шелест программок, хлопанье женских вееров - все сливается в единый гул: через несколько минут в бакинском городском оперном театре должна начаться опера "Евгений Онегин".

Нино сидит рядом со мной. Как только в зале гаснут люстры, я обнимаю ее за плечи. Нино чуть отклоняет голову, и кажется, что она целиком поглощена музыкой. Налюбовавшись ее нежным профилем, я перевожу взгляд на сидящих в первых рядах. В третьем ряду, где-то между левым глазом и кончиком носа Нино в ритм музыке покачивается голова толстого человека с выпученными, как у барабана, глазами и лбом философа. Это шушинский аристократ Мелик Нахаарян.

- Смотри, там Нахаарян, - шепчу я Нино.

- На сцену смотри, варвар, а не по сторонам, - шепотом отвечает она, но, тем не менее, косит глазами в сторону Нахааряна.

Тот оборачивается и дружески кивает.

В антракте мы встретились в буфете, куда я пошел купить Нино пару шоколадок. Нахаарян увязался за мной и зашел к нам в ложу.

- Сколько вам лет, Нахаарян? - спросил я его.

- Тридцать, - ответил он.

- Тридцать?! - удивленно воскликнула Нино. - Значит, скоро мы не увидим вас в городе.

- Но почему, княжна?

- Потому что всех мужчин вашего возраста призывают в армию.

Нахаарян захохотал. Его толстый живот при этом забавно подпрыгивал, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

- Очень жаль, княжна, но я не смогу пойти на войну. Врачи обнаружили у меня неизлечимое воспаление придаточных пазух, поэтому я вынужден остаться дома.

Название болезни звучало странно и напоминало какую-то желудочную.

Нино удивленно выпустила глаза.

- А эта болезнь опасная? - с состраданием спросила она.

- Все зависит от самого человека. С помощью хорошего врача не каждая болезнь может стать опасной.

Нино была удивлена и рассержена.

Мелик Нахаарян происходил из одной из самых уважаемых семей Карабаха. Его отец был генералом. Сам же Мелик был здоровым, как медведь, холостяком.

Когда он покидал ложу, я пригласил его на ужин после оперы, и он принял приглашение.

Поднялся занавес. Головка Нино опустилась мне на плечо. А когда зазвучал знаменитый вальс Чайковского, она подняла на меня глаза и прошептала:

- По сравнению с Нахааряном ты чуть ли не герой. По крайней мере, у тебя нет воспаления придаточных пазух.

- У армян просто больше фантазии, чем у мусульман - попытался я вступиться за Нахааряна.

Ленский громко пел под дулом онегинского пистолета, и до самой его смерти, неизбежность которой были предсказаны либретто и музыкой, головка Нино лежала на моем плече.

Это была большая победа, и ее следовало отметить.

Нахаарян ждал нас у выхода театра. На фоне фаэтона Ширванширов его автомобиль выглядел очень по-европейски.

Мы ехали по темным ночных улицам города, мимо гимназии, и лицея, которые ночью производили не столь унылое впечатление. Автомобиль остановился у каменных ступенек городского клуба.

Нино было не совсем безопасно появляться здесь, так как она еще училась в лицее. Но,

с другой стороны, в обществе господ Ширваншира и Нахааряна княжна Кипиани могла и нарушить правила лицея святой Тамары.

Мы прошли на ярко освещенную террасу, выходящую в темноту Губернаторского сада. Отсюда были видны звезды, мягко светящееся море и маяки Наргена.

Зазвенели бокалы. Нино и Нахаарян пили шампанское. Они пили вдвоем, потому что ничто в мире, даже прекрасные глаза Нино, не могли бы заставить меня прикоснуться к спиртному на глазах всего города. Поэтому я, как обычно, пил апельсиновый сок. Наконец оркестр из шести музыкантов решил порадовать нас антрактом. Воспользовавшись этим, Нахаарян очень серьезно и задумчиво сказал:

- Вот сидим мы здесь, вместе, представители трех самых больших народов Кавказа, - грузинка, мусульманин и армянин. Все мы трое рождены под одним небом, живем на одной земле. Между нами есть разница, но мы едины, как Троица. Мы одновременно являемся и европейцами, и азиатами, вобрали в себя и Запад, и Восток. И обоим отдаем мы свое богатство.

- Мне всегда казалось, - заговорила Нино, - что кавказцев всегда отличала воинственность. А вот сейчас я сижу рядом с двумя кавказцами, которые совершенно не хотят воевать.

Нахаарян взглянул на нее.

- Княжна, - мягко сказал он, - мы оба хотим воевать, но не друг против друга. Мы отделены от русских высокой стеной Кавказских гор. Если русские победят, наша земля перейдет в их полное владение. Мы будем лишены наших святынь, языка, национальных особенностей. И вместо того, чтобы выполнять роль моста между Европой и Азией, станем просто подобием тех и других. Нет уж, кто воюет за царя, воюет против Кавказа.

- Иранцы и турки грабят нашу страну, шах разорил восток, а султан запад, - проговорила Нино, иказалось, ее устами говорят мудрецы из лицея святой царицы Тамары. - Сколько девушек взяли они наложницами в гаремы! Русские не по собственной воле пришли сюда. Их позвали мы. Грузинский царь Георгий XII добровольно сдался русскому царю. Разве вы не слышали знаменитых слов: "Мы берем на себя оборону грузинского царства не для того, чтобы увеличить нашу и без того огромную империю".

Конечно, мы знали эти слова. Восемь лет подряд нам вдабливали эти слова из манифеста Александра I, изданного более ста лет назад. "Мы берем на себя оборону грузинского царства...". Эти слова выбиты в бронзе в центре Тифлиса.

Нино не так уж не права. В те времена гаремы Востока были полны кавказскими женщинами, а улицы кавказских городов - убитыми христианами. Я мог бы сказать Нино в ответ: "Я - мусульманин, вы - христиане. Аллах отдал вас в наши руки", но счел за благо промолчать. Мне было любопытно, что ответит ей Нахаарян.

- Дело в том, княжна, - сказал он, - что человек, обладающий способностью мыслить политически, должен иметь мужество даже для того, чтобы совершить несправедливый или необъективный поступок. Я согласен с вами, что мир на нашу землю пришел вместе с русскими. Но сейчас мы, народы Кавказа, и без помощи русских можем сохранить этот мир. Теперь же русские утверждают, что они защищают нас друг от друга. Поэтому сюда направлены русские воинские части, русские чиновники и русский губернатор. Но посудите сами, княжна, должны ли вы опасаться меня? Или нужно ли спасать меня от Али хана? Разве мы не сидели вместе на пестрых коврах у шушинских родников за дружеской беседой? Да и Иран, сейчас уже не так опасен, чтобы кавказские народы боялись его. Наш враг на севере и он уверяет нас, что мы маленькие дети, которых нужно охранять друг от друга. А мы давно вышли из детского возраста.

- Так вы поэтому не идете на войну? - вставила тут Нино.

Выпитое шампанское сделало Нахааряна разговорчивым.

- Не только поэтому, - ответил он. - Я к тому же еще и лентяй и сибарит, люблю спокойную жизнь. Во-первых, я обижен на русских за то, что они конфисковали имущество

армянской церкви. Во-вторых, лучше сидеть здесь, на террасе клуба, чем гнить в окопах. Моя семья пользуется достаточным уважением. А я - человек, любящий комфорт.

- Я думаю немного иначе, - сказал я, - я не любитель комфорта, а войну люблю. Но конкретно эта война мне не нравится.

Нахаарян отпил вина и взглянул на меня.

- Вы еще молоды, мой друг.

Он говорил много, но все его слова звучали умно. К тому времени, когда мы собирались уходить, Нино, кажется, уже поверила в правоту Нахааряна. Он повез нас домой на своей машине и по дороге не переставал разглагольствовать.

- Этот замечательный город - ворота в Европу. Если бы Россия не была такой отсталой, мы давно стали бы европейской страной.

Тут я вспомнил наши веселые дни в гимназии и засмеялся. Ведь наш преподаватель географии тоже хотел, чтобы наш город стал европейским.

Был прекрасный вечер. Мы прощались. Нахаарян отвернулся и глядел на море, я поцеловал глаза и руки Нино. Потом Нахаарян подвез меня к воротам Цицианишвили... Дальше на автомобиле не проедешь. Там, за крепостными стенами, начиналась Азия.

- Вы собираетесь пожениться с Нино? - спросил Нахаарян, прощаясь.

- Если Бог даст.

- Друг мой, вам придется преодолеть слишком много трудностей. Если понадобится помочь, я всегда к вашим услугам. Я хочу, чтобы вы стали первой семьей, которая свяжет наши народы узами родства. Мы должны объединиться, быть одним целым.

Я с признательностью пожал ему руку. Значит, в самом деле, и среди армян есть достойные люди. Это открытие ошеломило меня.

Домой я вернулся усталый. Слуга сидел на полу, поджав ноги, и что-то читал. Я взглянул на книгу. По страницам вилась изящная вязь арабских букв Корана. Слуга встал и поклонился. Я взял у него Священную книгу и начал читать: "О, вы, кто верует! Знайте, вино, азартные игры и рисунки отвратительны и суть, порождения сатаны. Держитесь подальше от них и, быть может, вы обретете счастье. Это сатана хочет отвратить вас от веры и поклонения Аллаху".

Какой-то сладковатый аромат шел со страниц книги. Тихо шелестела тонкая цветная матовая бумага. Серьезны и поучительны были слова Аллаха, переплетенные в мягкую кожу. Я вернул книгу слуге. У себя в комнате я вытянулся на широком, мягким диване и закрыл глаза, как делал всегда, когда мне надо было, как следует подумать и все разложить по местам. Шампанское, Онегин на балу, прозрачные бараньи глаза Нахааряна, нежные губы Нино, орды врагов, которые, перейдя горы, ринулись на нас, чтобы захватить наш город все это закружилось перед моими глазами.

С улицы доносилась какая-то монотонная песня. Это был влюбленный Ашум. Он был очень стар, и никто уже не знал, кого он так страстно любил. Люди прозвали его Меджнуном. По ночам он бродил по улицам города, потом садился на каком-нибудь углу и до самого утра плакал и пел о своей любви, о своей боли.

Однообразие его песен навевало сон. Я отвернулся к стене и крепко уснул.

Жизнь пока была прекрасной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У палки два конца, и оба одинаковые. Перевернешь ее, а ничего не изменится.

Так же и со мной, я все тот же, что месяц или год назад. Идет все та же война, все те же генералы одерживают победы или терпят поражения. Только вот люди, которые еще совсем недавно называли меня трусом, теперь при встрече стыдливо опускают глаза. Друзья и знакомые вдруг оценили по достоинству мой необыкновенный ум, и даже отец смотрит на меня с гордостью. А ведь ничего не изменилось.

Сегодня по городу поползли слухи, что султан Великой Османской империи Его величество Мехмет Рашид решил объявить войну христианскому миру. Его победоносная

армия успешно наступает с востока, чтобы освободить мусульман от гнета России и Англии. Объявлена священная война - джихад, и над дворцом халифа развевается зеленое знамя Пророка.

Именно эта новость и сделала меня героем. Пораженные моей проницательностью, друзья признали, что я был прав, когда отказался идти на войну - ведь ни один мусульманин никогда не сражался против султана. А турки придут в Баку, и наш народ воссоединится с турецким, возникнет единое сообщество братьев по вере.

Восторги друзей я принимал молча. Умный человек должен быть безразличен к похвалам и браны. Друзья же раскладывали перед собой карты города и принимались обсуждать ситуацию, оживленно споря - с какой стороны турки войдут в Баку. Их разногласия разрешил я, сказав, что, откуда бы турки ни подошли, в город они войдут только через Арменикенд. Это вызвало новый взрыв восторга у моих друзей,

Потребовалась всего лишь одна ночь для того, чтобы в людях произошли коренные изменения. Ни один мусульманин уже не хватался за оружие и, не рвался сражаться за Россию. Зейнал ага выложил кучу денег, чтобы оставить в бакинском гарнизоне Ильяс бека, внезапно утратившего боевой пыл. Бедняга Ильяс бек! Он сдал экзамены на офицерский чин незадолго до вступления Турции в войну. В этом не было ничего удивительного. Поразительным было, каким непостижимым образом умудрился сдать экзамен и Мухаммед Гейдар?

Теперь оба лейтенанта проводили все дни в казарме и завидовали мне, не присягавшему на верность царю. У этих бедолаг обратного пути не было. Но ведь никто не заставлял их принимать присягу. Они сделали это совершенно добровольно, и, измени они ей теперь, я первый не подал бы им руки.

В последнее время я стал очень хмурый, задумчивый. Что-то мучило меня, а конкретного решения найти я не мог. Иногда по ночам уходил из дома и быстрыми шагами направлялся к небольшой мечети, рядом с которой в стареньком домике жил мой одноклассник Сеид Мустафа. Его отец был имамом этой мечети, а дедушка - известным в священном городе Мешхеде ученым. Сам Сеид Мустафа был человеком глубоко религиозным и постоянно носил зеленый пояс. Пять раз в день он совершал намаз, а в день ашура¹ до крови бичевал себя цепями. Нино считала его фанатиком и ненавидела. Я же любил в Сеиде Мустафе чистоту и четкость взглядов, позволяющие ему отличать добро от зла, истину от лжи.

В этот вечер Сеид Мустафа встретил меня с грустной улыбкой мудреца.

- Ты слышал, Али хан, богач Ягуб оглы купил двенадцать ящиков шампанского, чтобы распить их с турецким офицером, который первым войдет в Баку. Подумать только! Шампанское! Вино в честь правоверных воинов-мусульман!

Я пожал плечами.

- А почему ты удивляешься, Сеид? Люди совсем потеряли голову!

- Если Аллах на кого-то разгневается, - сердито ответил Сеид, - то сведет его с пути истинного. - Он вскочил и взволнованно расхаживал по комнате. Губы его дрожали. - Вчера восемь человек бежали из города, чтобы вступить в армию султана. Восемь человек! Есть у них голова на плечах, я тебя спрашиваю, Али хан?

- Думаю, в голове у них пусто, как в животе голодного осла, осторожно ответил я, не до конца понимая, что же так возмутило моего друга.

А Сеид все более распалялся.

- Подумать только! Шииты воюют на стороне суннитского халифа! А разве не Езид пролил кровь внука Пророка? Разве не Муавийя казнил имама Али? И кто же истинный наследник Пророка? Халиф или незримый Имам Вечности, в чьих жилах течет кровь Пророка? Вот уже сколько столетий шииты в трауре. У нас с этими отступниками чаще вспыхивали войны, чем с христианами. Здесь - шииты, там - сунниты, и между нами нет ничего общего! Давно ли султан Селим уничтожил сорок тысяч шиитов? И что же теперь?

Шииты идут сражаться под знаменами халифа, истребившего наследников Пророка? Неужели все забыто? И гибель сторонников истинной веры, и тайное убийство имамов? В этом шиитском городе люди с восторгом ждут прихода суннитов и уничтожения нашей религии. Ведь чего хочет Турция?! Энвер подошел уже к Урмии. Иран будет расченен, религия погибнет. О, святой Али, явись со своим огненным мечом! Явись, о святой Али, и покарай этих отступников! О святой Али!..

Сеид Мустафа был охвачен религиозным экстазом. Он неистово бил себя в грудь, по щекам его текли слезы. Я был потрясен. Где же истина? Верно, турки - сунниты, однако, несмотря на это, я всем сердцем ждал вступления в город войск Энвера. Так что же? Напрасно, значит, была пролита кровь наших шехидов - безвинно погибших мучеников?

- Сеид, - проговорил я, - но ведь турки - наши братья? У нас один язык, в наших жилах течет одна и та же туранская кровь. Может быть, поэтому достойней погибнуть под знаменами халифа?

Сеид Мустафа вытер слезы.

- В моих жилах течет кровь пророка Магомета, - спокойно и с достоинством ответил он. - Ты говоришь, туранская кровь? Мне кажется, ты забыл, чему нас учили в гимназии. Кто живет сейчас на Алтае? Кем заселены просторы Сибири? Такими же тюрками, как и мы. Они говорят на нашем языке, в их жилах течет та же кровь. Но Аллах не дал им истинной веры, они до сих пор поклоняются своим идолам: богине воды - Су-Тенгри, богине неба Теб-Тенгри. А если в один прекрасный день якуты или алтайцы наберутся сил и пойдут на нас войной, мы, шииты, должны будем радоваться победам этих идолопоклонников только потому, что они одной с нами крови?

- Что же нам остается, Сеид! Иранский меч заржал. А если мы пойдем против турков, получится, что мы помогаем царю. Неужели во имя Магомета мы должны защищать царский крест от полумесяца халифа? Что нам делать, Сеид?

- Что делать? Я и сам не знаю этого, Али хан.

Я смущённо умолк.

Чадила керосиновая лампа, слабо освещая пёстрые узоры маленького коврика для намаза. Вытканные на нем яркие цветы делали коврик, похожим на небольшую лужайку, которую можно свернуть и взять с собой в путешествие.

Легко Сеиду осуждать грехи людей. Мирская жизнь была для него лишь временной необходимостью. Пройдет лет двадцать, он станет муллой в мечети имама Рзы, войдет в число мешхедских мудрецов, незримо, но ощутимо влияющих на судьбу Ирана. Уже сейчас он смотрел на мир глазами человека, понимающего, что он постарел, и смирившегося с этим. Но пусть даже он снова сделает Иран великим и могучим, это не помешало бы ему оставаться по-прежнему непримиримым в вопросах веры, быть твердо убежденным в том, что лучше погибнуть, чем погрязнуть в греховности мирских наслаждений. Вот почему Сеид молчал, не зная, что ответить. За это я и любил его - одинокого стражу истинной веры.

- Наша судьба в руках Аллаха, Сеид, - сказал я. - Пусть он сам ведет нас по пути истины. Но я пришел сегодня, чтобы поговорить о другом.

Медленно перебирая янтарные четки, Сеид глядел на свои покрашенные хной ногти. Потом закрыл глаза, отчего его рябое лицо стало еще шире, и проговорил:

- Знаю, Али хан, ты хочешь жениться.

Я удивленно вскочил на ноги. В мои намерения входило обсудить с ним возможность создания военно-политической организации молодых шиитов, а он заговорил со мной, как мулла, уже готовый женить меня.

- Да откуда ты знаешь, что я собираюсь жениться? И какое это может иметь отношение к тебе?

- Желание я прочитал в твоих глазах, и хоть небольшое, но все-таки имею к этому отношение, потому что я - твой друг. Ты хочешь жениться на христианке Нино, которая меня терпеть не может, верно?

- Верно, Мустафа. И что же ты на это скажешь?

Мустафа поднял на меня серьезные умные, глаза.

- Я говорю: "Да". Мужчина должен жениться, и очень хорошо, когда он женится на женщине, которую любит. Неважно - нравится он женщине или нет. Умный мужчина не станет добиваться благосклонности женщины. Женщина - это поле, а мужчина - сеятель. Разве должно поле любить крестьянина? Нет. Достаточно и того, что крестьянин любит землю. Женись. Но помни, что женщина всего лишь поле, и не больше того.

- По-твоему выходит, что у женщины нет ни разума, ни души? - спросил я.

- И ты еще спрашиваешь об этом? - проговорил он, с сожалением глядя на меня. - Конечно. В них нет ни ума, ни души. Да и зачем они женщине? Ей достаточно быть плодовитой и рожать много детей. Не забывай, Али хан, по шариату свидетельство одного мужчины перевешивает свидетельство трех женщин.

Я ждал, что Сеид будет возражать против моей женитьбы на христианке Нино, которая к тому же не любит его, и поэтому немного нервничал. Его слова успокоили меня. Это был ответ воистину откровенного и умного человека

- Значит, тебя не волнует, что она христианка? - с облегчением спросил я. - Может быть, ей следует принять ислам?

- А зачем? - удивился он. - Существо, лишенное души и разума, не может иметь и веры. Женщина в загробной жизни не попадает ни в рай, ни в ад. Она после смерти исчезает, растворяется. Но сыновья, которых она родит, должны стать шиитами.

Я кивнул в знак согласия.

Сеид Мустафа подошел к книжной полке, взял запылившуюся книгу. "История династии сельджуков" - успел прочитать я прежде, чем он распахнул ее.

- Вот, на двести седьмой странице. "В 637 году хиджры в своем дворце Гебадий скончался султан Аладдин Кейгубад. После него на трон взошел Гиясаддин Кейхосров. Этот падишах женился на некоей грузинке, и любовь его к ней была столь велика, что повелел он на монетах чеканить свой профиль вместе с изображением этой христианки. Однажды мудрецы и святые люди явились к султану и сказали: "Султан не должен нарушать шариата. Это грех". "Аллах поставил меня повелевать вами, - с гневом ответил султан. - А ваше дело - подчиняться мне...". Мудрецы ушли в глубокой печали. Однако Аллах открыл глаза султану на всю греховность его поступков, и султан вновь призвал к себе мудрецов. "Я не хочу нарушать священных законов, - сказал он, - потому что Аллах возложил исполнение их на меня. А посему повелеваю отныне чеканить на монетах изображение льва, сжимающего в передней лапе меч, - это буду я. А солнце, сияющее над моей головой, - моя любимая жена". С тех пор на гербе Ирана лев и солнце. А знатоки утверждают, что нет в мире женщин красивее грузинок".

Сеид Мустафа захлопнул книгу.

- Видишь, - сказал он, с улыбкой посмотрев на меня, - ты повторяешь то, что сделал некогда Кейхосров. Ни один закон не запрещает этого. Грузинки - одно из благ, завещанных Пророком правоверным. Пророк сказал в Коране: "Иди и возьми ее".

Его жесткое лицо вдруг смягчилось. Маленькие умные глазки засияли. Сеид Мустафа был счастлив тем, что благодаря Священной книге смог разрешить маленькую проблему двадцатого века. Весь его облик говорил: пусть знают неверные, где записана истина!

Я обнял его, поцеловал и с легким сердцем отправился домой. На пустынных ночных улицах шаги мои звучали уверенно и твердо. Теперь я нашел поддержку в Священной книге, у старого султана и всезнающего Мустафы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Степь - ворота в таинственный и непостижимый мир. Мой конь мчится, оставляя за собой облако пыли. Подо мной мягкое, словно набитое пухом, казацкое седло. Терские казаки спят, подложив эти седла под голову, и даже стоят на них. Все свое, имущество - каравай хлеба, бутылку вина, украденные в кабардинских селах золотые монеты - казаки

возят в мешках, притороченных к седлу. Но мой мешок пуст.

Степной ветер свистит в ушах. Конь уносит меня в вечность этих серых песков. Мягкая кабардинская епанча защищает меня от ветра. Воины и разбойники придумали епанчу специально для походов и грабежей. Ее в один миг можно превратить и в палатку, в нее можно и завернуть награбленное добро. А как легко с ее помощью похищать девушек - закутанные в епанчу, они сидят тихо, как птички в клетке.

Я скаку к воротам Боз Гурд, стоящим недалеко от Баку, прямо в степи еще с незапамятных времен. Это две скалы, возвышающиеся посреди бескрайнего океана песка. Древние предания рассказывают, что праматерь тюркских народов Боз Гурд провела османцев через этот каменный проход к зеленым анатолийским лугам.

У этих скал в полнолуние собираются шакалы и степные волки и, задрав к небу морды, воют, как собаки, чующие покойника. Быть может, в Луне они видят покойника. Поразительно в собаках это чутье на смерть. Они начинают выть, когда человек еще жив, словно предчувствуют, что смертный час его близок. А ведь собаки одной породы с волками, которых Энвер паша привел на Кавказ. Как и мы, подданные Российской империи...

Я несся по бескрайней степи. Рядом, не отставая от меня, скакал отец. Он сидел в седле, низко склонившись к самой гриве коня, и походил на мифических кентавров.

- Сафар хан! - хрюплю крикнул я. - Сафар хан, мне надо поговорить с тобой.

По имени я называл отца только в исключительных случаях.

- Говори на скаку, сынок. Когда всадник сливается с конем, и говорить легче.

Не издевается ли отец надо мной? Я стал немилосердно хлестать коня плеткой. Отец удивленно поднял брови, легким движением послал своего коня вперед. Мы снова оказались рядом.

- Слушаю, сынок, что ты хотел сказать?

В его голосе мне послышалась насмешка.

- Я хочу жениться, Сафар хан.

Наступило долгое молчание. Только ветер бил в лицо и свистел в ушах.

- Я построю тебе дом на берегу моря, - ответил, наконец, Сафар хан. Я приглядел одно замечательное местечко. А летом будешь жить в Мардакяне. Первенца назовем Ибрагимом, в честь прадеда. Если захочешь, подарю тебе и автомобиль. Впрочем, это бесполезная игрушка. У нас нет для него дорог. Лучше построим конюшню.

Он замолчал. Мы уже миновали ворота Боз Гурд и скакали теперь к морю, в направлении поселка Баилов.

- Мне поискать тебе невесту или ты уже присмотрел себе кого-нибудь? голос отца звучал словно издали. - Нынешние молодые люди сами находят себе невест.

- Я хочу жениться на Нино Кипиани.

Ни единый мускул не дрогнул на лице отца. Его правая рука по-прежнему сжимала поводья.

- На Нино Кипиани, - повторил он. - У Нино Кипиани узкие бедра. Хотя, по-моему, у всех грузинок узкие бедра, но, несмотря на это, они рожают здоровых детей.

- Отец! - возмущенно воскликнул я.

Отец с улыбкой посмотрел на меня.

- Ты еще очень молод, Али хан. Для девушек хорошая фигура важнее знания языков, - сказал он и с абсолютным равнодушием спросил: - Когда ты хочешь жениться?

- Осенью, когда Нино окончит лицей.

- Отлично! Значит, ребенок родится в будущем году, в мае. Май счастливый месяц.

- Но, отец!

Казалось, отец издевается надо мной. Ведь я женюсь на Нино не из-за стройности ее талии или знания языков. Я женюсь, потому что люблю ее.

Отец снова улыбнулся. Потом натянул поводья и сказал:

- Степь пустынна. Давай где-нибудь остановимся и перекусим. Я проголодался. Вот

прямо здесь и отдохнем немного.

Мы соскочили с коней. Отец достал из мешка хлеб и сыр. Отломив половину хлеба, он протянул его мне, но я не был голоден. Полулежа на песке, отец неторопливо ел, задумчиво глядя вдаль. Вдруг лицо его стало серьезным.

- Ты очень правильно делаешь, что женишься. Я женился трижды, но мои жены мерли, как осенние мухи. И вот теперь, как ты знаешь, я холост. Но если женишься ты, может быть, женюсь и я. Твоя Нино - христианка. Не позволяй ей приносить в твой дом чужую веру. Пусть ходит по воскресеньям в церковь, но священников чтобы в доме не было. Женщины - сосуд очень хрупкий, это надо помнить. Не бей ее, когда она будет беременна. Но не забывай, что хозяин в доме - ты, а она должна быть лишь твоей тенью. Ты знаешь - мусульманам разрешается держать четырех жен одновременно. Но будет лучше, если ты удовлетворишься одной. Конечно, если Нино окажется бесплодной, тогда - другое дело. Не изменяй жене. Она имеет право на каждую каплю твоего семени. Прелюбодей проклят во веки веков. Будь с ней терпелив. Женщины, как дети, только хитрее и злее. Это очень важно помнить. Делай ей много подарков, но если она что-нибудь посоветует, обязательно поступи наоборот.

- Но, отец, я же люблю ее!

- Вообще-то муж не должен любить свою жену, - проговорил отец, качая головой. - Мужчина должен любить родину, любить войну. Некоторые любят красивые ковры, редкое оружие. Конечно, бывают случаи, когда мужчина любит женщину. Ты и сам знаешь о любви Меджнуну к Лейли, читал газели Хафиза. Он ведь всю жизнь писал о любви. Впрочем, знающие люди говорят, что Хафиз не спал ни с одной женщиной. А Меджнун был самым обычным сумасшедшим. Поверь мне: мужчина должен оберегать женщину, а не любить ее. Таково повеление Аллаха.

Отец умолк. Я тоже молчал. Может быть, он прав. Не любовь должна быть для мужчины главным. Отцу лучше знать об этом.

Он неожиданно прервал молчание и засмеялся.

- Ладно, завтра я пойду к князю Кипиани и обсужу с ним этот вопрос. Или мир настолько изменился, что теперь молодые люди сами ходят свататься?

- Я сам поговорю с Кипиани, - поспешил сказать я.

Мы снова сели на коней и поскакали к Баилову. Скоро показался уродливый темный лес нефтяных вышек. Биби-Эйбат - район Баку, где находятся нефтяные промыслы. Его воздух пропитан смрадом нефти. У фонтанирующих скважин стояли рабочие с черными от нефти руками. Она стекала с их пальцев и капала на землю. Со стороны баиловской тюрьмы раздались выстрелы.

- Кого-то расстреляли? - крикнул я.

Но нет, в этот день в баиловской тюрьме никого не расстреливали. Выстрелы доносились из казарм бакинского гарнизона. Там солдат обучали военному делу.

- Хочешь навестить друзей? - спросил отец.

Я утвердительно кивнул, и мы направили коней к учебному плацу казарм. Ильяс бек и Мухаммед Гейдар проводили занятия в своих ротах. По их лицам ручьем струился пот.

- Напра-во! Нале-во!

Мухаммед Гейдар выглядел ужасно серьезным. Ильяс бек же напоминал покорную чужой воле марионетку. Они подошли к нам, поздоровались.

- Ну как, нравится вам военная служба? - спросил я. Ильяс бек промолчал.

- Как бы там ни было, - это получше гимназии, - хмуро сказал Мухаммед Гейдар.

- У нас сейчас новый полковой командир, - сообщил Ильяс бек. Шушинец, князь Меликов.

- Меликов? Не тот ли это Меликов, владелец знаменитого гнедого?

- Он самый. Легенды об этом коне ходят по всему гарнизону.

Мы помолчали. На плацу лежал толстый слой песка. Ильяс бек тоскливо посмотрел в

сторону ворот. В его глазах была зависть.

- Ты, кажется, завидуешь Али хану? - сказал отец, положив руки ему на плечи. - Не завидуй. Он, кажется, намерен расстаться со своей свободой.

Ильяс бек рассмеялся:

- И верно, ведь ты собираешься жениться на Нино, не так ли?

- Самое время, - оживился Мухаммед Гейдар, - довольно бездельничать. Теперь ты узнаешь, почем фунт лиха. - В голосе его слышалось злорадство, но слова звучали слишком наивно.

Что могли знать о жизни Мухаммед Гейдар и его жена, не высывающая носа из-под чадры?

Я попрощался с ними, и мы с отцом вернулись домой. Азиатские дома бывают прохладны. По ночам ты словно окунашься в свежесть родниковой воды. А днем кажется, что попал в холодную баню. Я лежал на диване, когда зазвонил телефон.

- Умираю от жары и математики, Али хан, - услышал я голос Нино. Приди же, помоги мне.

А через десять минут Нино уже протягивала мне свои тонкие ручки. Нежные пальчики были в чернилах. Я расцеловал каждое чернильное пятнышко.

- Нино, я говорил с отцом. Он согласен.

Нино трепетала и смеялась, застенчиво поглядывая в сторону комнаты. Лицо ее разрумянилось. Она вплотную приблизилась ко мне и прошептала:

- Я боюсь, Али хан, очень боюсь!

- Чего ты боишься? Неужели экзаменов?

- Нет, - сказала она и отвернулась, устремив взгляд на море, а потом в притворном ужасе схватилась за голову:

- Ах, Али хан из города Икс в город Игрек едет поезд со скоростью пятьдесят километров в час...

Словно гора свалилась с плеч, и я, счастливый, уткнулся в ее тетради.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Густой туман с моря окутал город, и оттого свет фонарей на перекрестках зыбок и еле различим.

Я нервно расхаживаю вдоль берега. Сквозь пелену тумана почти не видно прохожих. Равнодушными или испуганными силуэтами они возникают передо мной и вновь растворяются в плотной серости.

Я споткнулся о широкую доску, валявшуюся на дороге, и упал на какого-то амбала. Он что-то жевал, судя по всему, анашу и, уставившись бессмысленным взглядом в пространство, пребывал в настоящий момент в глубоком забытье. С досадой треснув его по спине кулаком, я пошел дальше.

В окнах домов мерцал свет. Я закрыл глаза и опять споткнулся о брошенную на дороге бутылку. Передо мной тут же возникло испуганное звоном стекла лицо какого-то иранца.

Из тумана выплыл чей-то толстый живот, и я услышал приветливый голос:

- Добрый вечер, Али хан.

Я поднял голову и увидел улыбающегося Нахааряна. "Проклятье!" подумал я и хотел уже бежать, но Нахаарян крепко держал меня за руку.

- Вам не по себе, друг мой. Побудьте лучше со мной.

Его голос источал умиротворение и благожелательность. Вдруг страшная усталость навалилась на меня. Я покрылся холодным потом, и, казалось, вот-вот лишился сил.

- Пойдемте-ка в ресторан Филипосянца, - предложил Нахаарян.

Я согласился. Мне было уже все равно, что происходит со мной.

Мы пошли по Барятинской к большому ресторану. Нахаарян продолжал держать меня за руку.

Расположившись в мягким кресле, он сочувственно сказал:

- Это горячность, Али хан, обычная кавказская горячность. Результат этой проклятой жары. Или чего-то другого? Может, есть другая причина, заставляющая вас бежать без оглядки?

Мягкие кресла ресторана, стены, обитые красным шелком, - все навевало уют и покой. Я глотнул горячего чая и принялся рассказывать, как позвонил сегодня старому Кипиани, как Нино тайком выскользнула из дома, как я целовал руку княгине, пожимал руку князю, как рассказывал старику о доходах нашей семьи, как потом на чистом русском языке, которому позавидовал бы даже царь, попросил руки княжны Нино.

- А потом? Говорите, дорогой, - в голосе Нахааряна звучал искренний интерес.

- Потом? Ну, слушайте. - И, подражая грузинскому акценту князя, я повторил сказанное им: - Уважаемый Али хан! Сын мой! Поверьте, я не мечтал бы о лучшем муже для своей дочери. Любая женщина почла бы за счастье стать женой такого человека, как вы! Но ведь Нино еще слишком молода. Что может знать о любви эта девочка? Она еще учится. Не перенимат же нам обычаи индусов отдавать дочерей замуж еще детьми! При этом не следует забывать и о разнице в вероисповедании, воспитании, происхождении, общественном положении. Я говорю это для вашего же добра. Думаю, и ваш батюшка согласился бы со мной. Но оставим даже все это. Разве не видите, какие страшные времена настутили? Кто знает, чем все это кончится! Я тоже желаю Нино счастья. Знаю, она уверена, что любит вас. Я не хочу мешать ее счастью. Поэтому хочу предложить: давайте дождемся конца войны. Вы оба станете старше и, если все еще будете любить друг друга, тогда опять вернемся к нашему разговору.

- И что же вы теперь собираетесь делать, хан? - спросил Нахаарян.

- Похищу Нино и увезу ее в Иран. Я не потерплю такого позора. Подумать только: отказать потомку рода Ширванширов! Да о чем он думает, этот Кипиани! Нахаарян, я считаю себя оскорблением. Род Ширванширов древнее Кипиани. Во времена Ага Мухаммед Гаджара мы покорили всю Грузию. В те времена любой Кипиани с радостью отдал бы свою дочь за Ширваншира. Он мне говорит о разнице в вероисповедании! Что он хочет этим сказать? Что ислам хуже христианства? А моя честь? Да надо мной родной отец смеяться станет. "Посмотрите, - скажет, - христианин отказался отдать ему дочь в жены!". Мы, мусульмане, старые волки. Еще сто лет тому назад...

Злоба душила меня, мешала говорить. Я умолк. И без того я наговорил слишком много.

Нахаарян ведь тоже христианин, и мои слова могли оскорбить его. К счастью, этого не случилось.

- Я понимаю причину вашего гнева, Али хан. Но ведь он не отказал вам. Смешно, конечно, ждать конца войны. Кипиани просто не хочет понять, что его дочь уже выросла. Я ничего не имею против похищения Нино. Это старый испытанный способ, полностью соответствующий нашим обычаям. Но это не единственный путь. Кто-то должен объяснить князю культурное, политическое значение брака. После этого он, наверное, даст свое согласие.

- Кто же сделает это?

- Как это кто? Я! - воскликнул Нахаарян, ударяя себя в грудь.

- Будьте спокойны, Али хан, доверьте это дело мне.

Я удивленно посмотрел на него. Интересно, что на уме у этого армянина? Может быть, накануне входа в город турок хочет завязать более тесные связи с мусульманами? Мне до этого не было никакого дела. Во всяком случае, он предлагает мне союз. И я крепко пожал ему руку.

- Я обо всем извещу вас. Вы ничего не предпринимайте и, главное, не похищайте пока девушку. Прибегнем к этому в самом крайнем случае.

Вдруг мне почему-то показалось, что я могу положиться на этого толстяка. Я поднялся, обнял его на прощание и вышел из ресторана. Не успел я выйти на улицу, как кто-то окликнул меня. Я оглянулся и увидел старого друга отца, Сулеймана ага, который, как

оказалось, тоже сидел в ресторане.

- Подумать только! - воскликнул он, опустив тяжелую руку мне на плечо. - Потомок рода Ширванширов обнимается с армянином!

Я испуганно замер, но Сулеймана ага уже не было, он исчез, растворился в уличном тумане. Хорошо, что я не сказал отцу, зачем ходил сегодня к Кипиани. Скажу, что еще не говорил с князем о женитьбе. .

"Глупо так ненавидеть армян", - думал я, входя в дом.

Все последующие дни я не отходил от телефона. Даже не ожидал, что моя жизнь будет настолько связана с этой черной коробкой... Из дома я никуда не выходил, а на вопросы отца, почему я не иду говорить с родителями Нино о женитьбе, отвечал что-то невнятное. Время от времени я вздрагивал от телефонного звонка и выслушивал доклады Нино, больше напоминающие отчеты с полей сражения:

- Али, это ты? Слушай, Нахаарян сидит с мамой и беседует о стихах моего прадедушки Илико Чавчавадзе.

Чуть позже она снова звонила:

- Али, слышишь? Нахаарян утверждает, что иранская культура оказала огромное влияние на Руставели и царицу Тамару.

Очередной звонок.

- Али хан! Нахаарян пьет с папой чай. Только что он сказал, что тайна этого города в непостижимом родстве рас и народов.

Еще через полчаса:

- Какая умница этот Нахаарян!

Я засмеялся и повесил трубку. Так текли дни за днями. Нахаарян проводил все время в доме Кипиани: ел, пил, болтал. Он даже гулял с Кипиани, давая последнему то невыполнимые, а то и дельные советы. Я по телефону получал информацию обо всех хитростях армянина.

- Нахаарян рассказывает, что родилась новая Луна. Он говорит, что власть золота над человеком - это результат поклонения Луне народов древнего Кавказа и Ирана. Али хан, я уже не могу слышать этот бред. Приходи в сад.

Мы встретились на нашем месте у крепостной стены. Нино торопливо передала мне самые последние сообщения. Мать умоляет ее не связывать свою жизнь с диким мусульманином, а отец полушутя уверяет Нино, что я обязательно заточу ее в гарем. На что моя маленькая Нино, смеясь, но совершенно серьезно предупредила родителей:

- А вы не боитесь? Что вы будете делать, если он похитит меня?

Я погладил ее по головке. Мою Нино я знал хорошо - она всегда добивалась задуманного.

- Война эта может продолжаться еще десять лет. Ужасно, что родители заставляют нас так долго ждать.

- Ты, действительно, так любишь меня, Нино?

- Мы не сможем прожить друг без друга, - проговорила она, и губки ее задрожали. - Мои родители все осложняют. Но по-ихнему не выйдет, я не отступлюсь от своего. Люблю ли я тебя? Да, я вправду люблю тебя. Но ни в коем случае не похищай меня!

Она умолкла, ведь не может человек говорить и целоваться одновременно. Потом она упорхнула домой, и снова посыпались ее рапорты по телефону:

- Нахаарян говорит, что получил письмо от двоюродного брата из Тифлиса. Говорит, что царский наместник на Кавказе приветствует смешанные браки. Наместник считает это одним из путей сближения Востока с западной культурой. Ты понимаешь, к чему он клонит?

Ничего я не понимал. Я лениво сидел дома и молчал. Пришла моя двоюродная сестра Айше и рассказала, что за последние три дня Нино по пяти предметам получила "неудовлетворительно". Айше, естественно, во всем обвинила меня. Оказывается, вместо заботы о нашем будущем я должен тревожиться об учебе Нино. Потом мы сели с Айше за

нарды, я проиграл, и довольная Айше обещала помочь Нино в учебе.

Снова телефонный звонок.

- Это ты? Они вот уже сколько времени говорят о политике и экономике. Нахаралян говорит, что завидует мусульманам, которым удалось вложить свое состояние в иранские имения. Кто знает, что будет с этой Россией? Может, все полетит в тартарары. А в Иране землю могут покупать только мусульмане. Говорит, точно знает, что половина Гилана принадлежит Ширванширам. Учитывая назревающий в России переворот, иметь земли за границей - значит, обеспечить свое будущее. Это произвело на родителей большое впечатление. Мама теперь говорит, что и среди мусульман встречаются люди с внутренней культурой.

Два дня спустя после этого разговора армянский шахматист выиграл свою партию. Зазвонил телефон, и Нино, то смеясь, то плача, сообщила:

- Отец с матерью благословляют нас. Аминь!

- Пусть твой отец сам позвонит мне. Он оскорбил меня.

Именно так все и произошло. Голос князя звучал елейно, мягко. Когда с тобой говорят таким образом, трудно отвечать грубо.

- Вы не могли бы прийти к нам Али хан.

Я помчался к ним. Княгиня расплакалась и поцеловала меня. Князь был одет торжественно, и настроение у него было отличное. Он тоже говорил о браке, семейной жизни, но слова его отличались от тех, что говорил мне отец.

- Брак, - говорил князь, - основан на взаимном доверии и заботе супругов друг о друге. Муж и жена должны всегда советоваться друг с другом и быть опорой друг другу. Должны помнить, что оба - люди свободные и совершенно равноправные.

В свою очередь я заверил князя, что никогда не буду заставлять Нино носить чадру и не заведу гарема.

Тут вошла Нино, и я коснулся ее лба невинным поцелуем. Нино втянула голову в плечи и напоминала беспомощную птичку.

- Но пока никто не должен знать об этом, - сказал князь. - Пусть Нино сначала окончит лицей, а уж потом огласим вашу помолвку. Дочь моя, обратился он к Нино, - учись хорошо. Если ты срежешься на экзаменах, придется ждать еще год.

- Будь покойен, папа, - ответила Нино, вздернув свои точеные, словно вычерченные карандашом брови, - я успешно выдержу оба испытания - и в лицее, и в семейной жизни. И в том, и в другом мне поможет Али хан.

У подъезда Нино меня ждал в машине Нахаралян. Его слегка навыкате глаза выжидающе смотрели на меня.

- Нахаралян, - обратился я к нему, - я твой должник. Что подарить тебе? Хочешь деревню в Дагестане? Или иранский орден? Может быть, тебя устроит апельсиновый сад в Энзели?

- Ничего, - воскликнул он, хлопнув меня по плечу. - Мне ничего не надо. Я счастлив, что смог повернуть колесо судьбы на верную стезю. Этого мне достаточно.

Я с благодарностью взглянул на него. Мы выехали за город и направились в сторону Биби-Эйбатской бухты. Грязные, черные машины вгрызались в землю, высасывая ее соки. Наблюдая эту картину, я подумал, что семейство Нобелей завершает свое дело по изменению нашего пейзажа с той же страстью, с какой Нахаралян старался ради меня. Значительная часть моря уже была засыпана землей и слилась с сушей. Теперь эта территория не принадлежала морю. Она навсегда была отторгнута у него, но и землей не стала.

На противоположном конце участка кто-то открыл чайхану. Мы сели там и заказали чай. Это был лучший в мире чай, крепкий, как алкоголь. Опьяненный его ароматом, Нахаралян рассказывал об истреблении армян в Малой Азии и ожидающемся вторжении турок в Карабах.

- Не бойтесь, - сказал я, - если турки войдут в Баку, я спрячу вас у себя дома.

- Я ничего не боюсь, - ответил Нахаарян.

Далеко в море над Наргеном зажглись звезды. На землю опускалась вечерняя тишина!

- Море и берег, как мужа и жену, объединяет борьба противоположностей.

Это сказал я или Нахаарян? Я ничего не помнил. Нахаарян привез меня домой.

- Князь Кипиани благодарит семью Ширванширов за оказанную честь. Нино - моя невеста. Сходи завтра к ним и реши остальные вопросы.

Я был усталым и счастливым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Летели недели, месяцы. Много событий произошло в мире, в нашей стране и у нас дома. Ночи стали длиннее, листья с деревьев Губернаторского сада осыпались и шуршали под ногами. С мутного неба лил мутный дождь. Выпал первый снежок, отдавший город во власть зимы.

А потом ночи опять стали короче.

Из степи в город мерным шагом стали приходить караваны верблюдов. Их желтая шерсть была усыпана песком, а глаза по-прежнему устремлены в даль вечности. Они тащили пушки, были обвшаны винтовками и ящиками с продовольствием. Все это были трофеи, захваченные в жестоком сражении. По улицам в ободранном сером обмундировании шли колонны пленных турков. Их вели в порт, откуда пароходом переправляли на Нарген, где пленные умирали от дизентерии, голода и тоски по родине. Некоторым удавалось бежать, они гибли в солончаковых пустынях Ирана или свинцовых волнах Каспия.

Война, которая, казалось шла очень далеко, совершенно неожиданно добралась и до нас. С севера прибывали эшелоны с солдатами, с запада поезда с ранеными. Царь сместил своего дядю с поста главнокомандующего и принял командование армией на себя.

Дядя царя был теперь наместником на Кавказе. Черной, грозной тенью он навис над нашей родиной. Великий князь Николай Николаевич! Его длинная худая рука тянулась к самой Анатолии. Он вымешал свою ярость и зло на племянника, посылая дивизии в жестокие набеги. Гнев великого князя, перевалив заснеженные горы и пустынные степи, простирался до Багдада, Трабзона и Стамбула. Люди прозвали его "длинный Николай" и с ужасом рассказывали о его зверствах и поистине безумной жажде кровавых сражений.

В войну уже было втянуто много стран. Фронт растянулся от Афганистана до Северного моря, а в газетах мелькали имена королей, полководцев, государств, как трупные мухи, облепившие тела павших героев.

Снова наступило лето. Знойное солнце сжигало город. Асфальт плавился под ногами прохожих.

Я проводил дни в чайхане или в кафе с друзьями. Многие отвернулись от меня из-за дружбы с Нахааряном. Дивизия Ильяс бека все еще стояла в городе, и по-прежнему солдаты занимались строевой подготовкой на пыльном плацу. Зрители, как и раньше, заполняли залы оперы, театров, кинематографов.

Событий было много, но нигде - ни в мире, ни на родине, ни дома ничего не изменилось.

Нино, изнемогая под бременем экзаменов, прибегала ко мне, и я гладил ее нежные прохладные ладони.

Страх затаился в глубине ее глаз. Айше рассказывала мне, что преподаватель, проявляя благосклонность к невесте, Ширваншира,ставил ей в журнале сплошные "удовлетворительно". Когда мы с Нино гуляли по улицам, ее одноклассницы с любопытством рассматривали в нашу сторону. Мы ходили в клуб, в театр, на танцевальные вечера, но очень редко нам удавалось оставаться вдвоем. Нас плотной стеной окружали друзья. Мы всегда оказывались в обществе Ильяс бека, Мухаммеда Гейдара, Нахааряна и даже набожного Сеида Мустафы. Мои друзья никак не могли поладить Нахааряном. Стоило толстому и богатому Нахааряну выпить шампанского и завести речь о взаимной любви кавказских народов, как Мухаммед Гейдар тут же мрачнел.

- Господин Нахаарян, - не выдержал он как-то, - мне ваша забота кажется неуместной. Потому что после войны в живых останется очень мало армян.

- Но Нахаарян будет в числе выживших! - воскликнула Нино.

Нахаарян молча пил шампанское. До меня доходили слухи, что он собирался все свое состояние перевести в швейцарский банк. Но меня это не касалось. Я только попросил Мухаммеда Гейдара быть с Нахааряном полюбезней.

- Я ненавижу армян, - хмуро сказал он.

Наконец наступило время экзаменов, и в экзаменационном зале лицея святой Тамары Нино прибегая к математическим формулам, цитатам из классиков и историческим датам доказала свою зрелость. В трудный момент она пускала в ход очарование огромных грузинских глаз.

После выпускного бала я проводил потерявшую от счастья голову Нино домой.

- Теперь вы жених и невеста, - сказал старый Кипиани. - Собирайтесь, Али хан, поедем в Тифлис. Я должен представить вас нашему роду.

Итак, мы отправились в Тифлис.

Город напоминал густой лес, где каждое дерево имело свое имя: дяди, племянники, тети, племянницы. В этой чаще мудрено было не заблудиться. Имена звучали звонко, как удары топором по старому дубу: Орбелиани, Чавчавадзе, Церетели, Амилахвари, Абашидзе!

В саду Дикубе семья Орбелиани давала званый обед. Грузинская зурна играла кахетинскую боевую песню "Мравалявери", хевсурскую "Лило", приехавший из Кутаиси двоюродный брат Абашидзе пел песню имеретинских горцев "Мгали Делия". Обед перешел в ужин, который продолжался всю ночь. Когда из-за гор появились первые лучи солнца, музыканты заиграли гимн "Восстань, о царица Тамара, Грузия рыдает о тебе".

Я безмолвно сидел рядом с Нино.

Несколько молодых кузенов танцевали грузинский танец с саблями. В рассветных сумерках картина выглядела нереально и напоминала неинтересный театральный номер. Я прислушался к разговору своих соседей по столу.

- Один из Церетели защищал Тифлис от Чингиз хана.

- Вы знаете, без сомнения, род Чавчавадзе гораздо древнее царского рода Багратиони.

- Откуда пошел род Орбелиани? Как это откуда? Первый Орбелиани пришел три тысячи лет назад из Китая. Он был сыном китайского императора. До сих пор в роду Орбелиани рождаются люди с раскосыми глазами.

Я осторожно взглянул на них. Что значили всего несколько поколений Ширванширов, появившихся на свет до меня, в сравнении с этими древними родами?

- Не расстраивайся, Али хан, - утешила меня Нино. - Мои дяди происходят из древних и знатных родов. Но ты подумай, где были их предки, когда твои покоряли Тифлис?

Я ничего не ответил, но слова Нино придали мне бодрости: уже сейчас, в кругу своей семьи Нино причисляла себя к семье Ширванширов. Как же мне не радоваться этому? Я с благодарностью взглянул на нее.

Жидким пламенем обжигало красное кахетинское. Я нерешительно поднял бокал и произнес тост в честь рода Орбелиани. Незнакомая мне старушка наклонилась и прошептала:

- Пейте спокойно, Али хан. Это вино, дарованное богом. Об этом теперь мало кто знает. Все остальные вина от дьявола.

В город мы вернулись на рассвете. Я хотел ехать в гостиницу, но то ли кузен, то ли дядя, я не разобрал, воспротивился этому.

- Вчера вы были гостем Орбелиани, сегодня прошу вас быть моим гостем. Завтракать будем в Тургвино. А днем посидим немного с друзьями.

Я оказался пленником грузинских князей. Так пролетела неделя - мы пили алазанско и кахетинское, ели шашлыки и овечий сыр. Кузены четко сменяли друг друга на страже грузинского гостеприимства. Но они-то сменяли друг друга, а мы с Нино переходили из рук в руки. Стойкость и выносливость Нино приводили меня в восторг. К концу недели она была

свежа, как утренняя роса. Глаза ее улыбались, а ротик без устали болтал с кузинами и тетушками. Только по чуть охрипшему голосу можно было догадаться, что она день и ночь танцевала, ела, пила и совсем не спала.

На восьмой день рано утром в моей комнате появились кузены Сандро, Додико, Вамех и Соко. Я в ужасе натянул одеяло на голову. Но они были непреклонны.

- Али хан, сегодня вы гость семьи Шакели. Мы проводим вас в их имение в Годжори.

Я угрюмо ответил, что сегодня не в состоянии быть чьим-либо гостем. Я молил их открыть сегодня передо мной врата рая и пусть сам архангел Михаил с огненным мечом введет меня в рай, потому что я гибну во имя благого дела.

Но мои слова не возымели никакого действия. Они переглянулись, безжалостно расхохотались и сказали:

- Серные ванны.

- Серные ванны, - повторил я. - Серные ванны? Но ведь они в аду, а я прошусь в рай.

- Нет, - заверили меня мои родственники, - серные ванны именно то, что тебе необходимо.

Я постарался встать. Голова была словно налита свинцом. Руки и ноги онемели, и я их не чувствовал. Из зеркала на меня смотрело уродливое бледное лицо.

"Так мне и надо, - думал я про себя. - Жидкое пламя, кахетинское вино. Будто не знал, что мусульманину пить нельзя".

- Мы сообщим Нино, - сказал Вамех, - и поедем в Годжори часа через четыре, когда ты придешь в себя.

Вамех вышел из комнаты, и я слышал, как он говорит по телефону:

- Али хан неожиданно заболел. Сейчас полечим его серными ваннами, и часа через четыре все будет в порядке. Княжна Нино с семьей могут отправляться в путь прямо сейчас. Мы приедем позже. Нет, ничего опасного. Просто немного незддоровится. Вот и все.

Я еле держался на ногах. Голова кружилась. Как же грузинское гостеприимство отличалось от спокойных, благопристойных приемов, которые оказывал нам в Тегеране дядя. В Тегеране пьют крепкий чай и ведут размеренные беседы о поэзии, науках. Здесь же пьют вино, танцуют и веселятся. Неужели это врата в Европу? Нет, конечно, нет. Это наш край, просто он отличается от остальных азиатских стран. Да, здесь тоже ворота, только куда они ведут? Быть может, к мудрости, воплощенной в детском веселье, беззаботных танцах? Я не знаю этого.

Измученный вконец, шатаясь, я спустился по лестнице, и мы сели в фаэтон.

- В баню, - скомандовал Сандро извозчику, тот хлестнул коней, и мы, проехав через Майдан, остановились у большого дома с куполами.

У ворот стоял страшно худой, полуголый мужчина. Он был погружен в меланхолическую прострацию и совершенно не замечал нас.

- Гамарджоба, Мекиссе! - поздоровался с ним Сандро.

Человек вздрогнул, поклонился нам.

- Гамарджоба, Гавади, - ответил он. - Здравствуй, князь!

Нас провели в большой и сильно натопленный зал Бейбутова, где на каменном полу лежали голые люди. Мы тоже разделись и прошли во второй зал. Здесь в полу были прорезаны четырехугольные колодцы, наполненные серными водами.

- Когда-то в глубокой древности некий падишах выпускает в небо своего сокола. Тот набрасывается на тетерева. Падишах ждет, а сокол все не возвращается. Тогда он начинает искать свою птицу и забредает в небольшой лесок. А в этом лесу бьет серный источник. Видит падишах, что и сокол, и тетерев тонут в воде. Как увидел падишах этот источник, сразу решил основать на этом месте Тифлис. Тетеревиная баня здесь, а вместо леса теперь стоит Тифлис. С серы Тифлис начался, серой он и кончится.

Комната была полна пара. Удушливо пахло тухлыми яйцами. Тела моих спутников блестели от пота. Я массировал грудь, и сера проникала мне в поры. В памяти мелькали

имена полководцев, завоевывавших этот город. Джаладдин Хорезмский, сын Чингиз хана Чагатай, Тимур. Все они, опьянев от крови, смывали в серной воде тяжесть пролитой ими крови.

- Довольно, Али хан, выходи, - прервал мои размышления голос Сандро.

Я осторожно вылез из серной воды и распростерся без сил на каменном полу в соседней комнате.

- Мекиссе! - крикнул Сандро.

Появился тот самый Мекиссе, который встречал нас у входа в баню. Был он совершенно голым, с чалмой на гладко выбритой голове. Я перевернулся на живот, Мекиссе вспрыгнул на меня и принялся топтать с мастерством заправского танцора. Вдоволь наплясавшись, он вонзил мне в спину свои острые пальцы, стал выкручивать руки и проделывал это с таким усердием, что я слышал, как хрустят мои кости. Кузены стояли рядом и давали советы:

- Помассирай ему суставы еще раз, Мекиссе! Ему очень нездоровится.

- Спину потопчи еще немного. Вот так, хорошо. А теперь хорошенъко разомни левый бок.

Как ни странно, но я не ощущал никакой боли. Мне было очень хорошо. Массажист явно не зря старался, я чувствовал, как мои мышцы опять наливаются силой.

- Довольно! - сказал, наконец, Мекиссе.

Я с трудом поднялся, ощущая приятную ломоту во всем теле.

Потом мы опять прошли во второй зал, где я погрузил ноющее тело в холодный серный источник. У меня на миг перехватило дыхание. Но почти тут же по телу разлилась приятная расслабленность.

Я вылез из ванной, обернулся в простыню и вернулся в первый зал. Кузены и Мекиссе выжидающе посмотрели на меня.

Без тени смущения я заявил, что зверски голоден.

- Он выздоровел! - воскликнули в один голос кузены. - Немедленно подать арбуз, сыр, зелень и вино!

Лечение было окончено.

Всю усталость и слабость как рукой сняло, аромат сочной, алой мякоти холодного арбуза перебил запах серы. Кузены налегали на "Напереули".

- Ты видишь!.. - воскликнул Додико, но продолжать не стал. Впрочем, этого и не требовалось. Его "Ты видишь!.." вобрало в себя и гордость за тбилисские серные ванны, и заботу о гостях, пострадавших от грузинского гостеприимства, и опеку Додико над оказавшимся столь слабым родственником-мусульманином.

К нашему столу, подсаживались все новые и новые люди. Полуголые соседи с бутылками вина, которые они держали бережно, но крепко, как оружие: князья, их кредиторы, слуги, бездельники, интеллигенты, поэты, помещики все собирались за одним столом. Это напоминало уже не баню, а скорее клуб или кофейню, собрание смешных голых людей, в глазах которых сиял беззаботный смех.

- Османы идут, - говорил какой-то толстяк с маленькими глазками-пуговками. - Великому князю не взять Стамбула. Я слышал, что немецкие генералы привезли в Стамбул такую пушку, что если выстрелить из нее, снаряд долетает до самого Тифлиса.

- Вы ошибаетесь, князь, - возразил ему другой. - Такой пушки еще не создали. Ее только проектируют. Но даже если и создадут, из нее нельзя будет обстреливать Тифлис. Все карты у немцев фальшивые, потому что их составляли русские. Представляете, русские еще задолго до войны составили карты и переправили их немцам. Русские карты! Да разве у русских могут быть правильные карты?!

Кто-то в углу тяжело вздохнул. Я оглянулся и увидел седого старика с орлиным носом.

- Бедная Грузия! - старик опять вздохнул. - Мы оказались меж двух огней. Победят османы - конец потомкам Тамары. А победят русские - великий князь своей железной лапой

задушит нас. Уже сейчас наши лучшие сыны гибнут на войне. Тех же, кто выживет, задушат либо османы, либо великий князь, либо кто-то третий, какая-нибудь машина или американцы. Мы в безвыходном положении. Наш боевой дух гаснет. Пришел конец государству царицы Тамары. Посмотрите, до чего мы дошли: наши солдаты малы ростом и слабы, урожай плохой, вино кислое.

Старик в третий раз тяжело вздохнул и умолк. Мы тоже молчали, подавленные его словами.

- Они убили Багратиона, - послышался вдруг испуганный, хриплый шепот. - Русские отомстили ему за то, что он похитил царскую племянницу. Царь специально назначил его командующим иреванским полком и отправил на войну. Багратион сражался как лев, но погиб, сраженный восемнадцатью пулями.

Кузены пили вино, а я сидел, поджав под себя ноги, и думал о том, что род Багратиони один из древнейших княжеских родов в христианском мире. Седой старик был прав - Грузия действительно была меж двух огней.

- У него остался сын, Теймураз Багратион, - сказал, кто-то. - Вот, кто наш истинный царь. Его спрятали и охраняют.

Вновь воцарилось молчание. Подошел Мекиссе и встал рядом, прислонившись к стене.

- У нас прекрасная страна, - зевая, сказал Додико. - Здесь есть и серные источники, и Тифлис, и война, и кахетинское. Вы поглядите только, как прекрасна Алазань, когда она течет по равнине. Хоть и гибнет Грузия, но быть грузином - прекрасно. Все, что вы тут говорите, ничего, кроме безнадежности, не рождает. Скажите мне, когда в стране царицы Тамары было иначе? Никогда. И, несмотря на это, реки текут, сады расцветают, а народ наш танцует и веселится. Наша Грузия прекрасна и останется прекрасной, несмотря на всю безнадежность.

Закончив свою короткую речь, этот стройный, красивый юноша, потомок певцов и героев, поднялся.

- Слава Богу, что у нас есть еще такие юноши, - отозвался седобородый старик, сидящий в углу.

- Али хан, - прошептал, наклоняясь ко мне Вамех, - не забудь, сегодня ты в Годжори, гость семьи Шакели.

Мы вышли из бани, сели в фаэтон. Извозчик хлестнул коней.

- Шакели - древний дворянский род... - начал Вамех, и мне стоило большого труда сдержать смех.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мы с Нино сидели в кафе "Мефистофель" на Головинской. Прямо перед нами возвышалась гора Давида. На вершине стоял монастырь.

Родня решила сегодня дать нам передышку.

Нино задумчиво смотрела на монастырь, и я знал, о чем она думает. Там, на горе, была могила, которую мы собирались навестить. В ней поконится прах Александра Грибоедова, поэта и царского посланника. На надгробии выбита эпитафия: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?".

Ее звали Нино Чавчавадзе. Именно Нино. Ей было шестнадцать лет, когда она стала женой посла и поэта Грибоедова. Нино, которая сидела сейчас рядом, доводилась ей внучатой племянницей по материнской линии.

Той Нино было семнадцать лет, когда тегеранцы с криками: "О, святой Али!" окружили дом русского посланника. А у посланника был только маленький кинжал и всего один пистолет. Какой-то кузнец с улицы Зул-ли-Султан тяжелым кистенем размозжил ему грудь. Разорванное на куски тело посланника было выброшено на пустырь. Голову обгладали собаки. Вот и все, что осталось от поэта и посланника. Фатали шах Гаджар был очень доволен. Был счастлив и его наследник - Аббас Мирза. Мудрец и фанатик, старик Меши ага получил от шаха щедрую награду, а одному из Ширванширов шах пожаловал имение в

Гилане.

Но все это происходило сто лет назад. А сейчас я, потомок Ширванширов, сижу в Тифлисе в кафе "Мефистофель" с Нино, правнучкой жены Грибоедова.

- Послушай, Нино, а ведь мы с тобой должны быть кровными врагами, сказал я, кивая в сторону монастыря. - Ты тоже поставишь мне когда-нибудь такое надгробье?

- Может быть, - отвечала Нино. - Впрочем, это будет зависеть от твоего поведения. Будешь вести себя хорошо, поставлю.

Она допила свой кофе и поднялась.

- Пойдем, погуляем по городу.

Нино питала к Тифлису какую-то нежную, почти материнскую любовь. По Головинской мы двинулись к узким улочкам старого города, зашли в Сионскую церковь. Внутри церкви было очень темно и сыро. Над алтарем висел крест, сколоченный из виноградной лозы. Эту лозу принесла святая Нино во время своего первого паломничества в Святую землю.

Нино опустилась у алтаря на колени, перекрестившись, подняла голову к иконе, на которой была изображена ее святая покровительница.

- Прости меня, святая Нино, - шептали ее губы.

В тусклом свете, сочащемся через окна, я увидел на глазах Нино слезы.

- Пойдем, - сказал я, и Нино покорно пошла за мной.

Мы молча бродили по городу.

- А скажи-ка, какой это грех должна отпустить тебе святая Нино? задал я, наконец, не дававший мне покоя вопрос.

- Тебя, Али хан.

Голос ее прозвучал грустно и устало. Судя по всему, гулять с Нино по Тифлису - не такое уж веселое занятие.

- А почему меня?

Мы шли уже по площади. Люди сидели за столиками кафе, вынесеннымными прямо на улицу. Слышался звук зурны. Внизу пенилась Кура.

Взгляд Нино был устремлен в даль, так, словно в этой дали она пыталась отыскать себя.

- Тебя, - повторила она, - и тебя, и все, что было.

Я понял, что она хотела сказать, но все-таки переспросил:

- Что ты сказала?

Нино остановилась.

- Пройдись по Тифлису. Пройдись и внимательно посмотри. Увидишь ли ты хоть одну женщину в чадре? Нет. Ощущается ли здесь азиатский дух? Нет. Здесь совершенно иной мир. Улицы здесь широки, а сердца людей чисты. Только здесь, в Тифлисе, я становлюсь собой. Здесь уже не встретишь фанатичных дураков, вроде Сеида Мустафы, болванов, вроде Мухаммеда Гейдара.

- Эта страна, Нино, находится между молотом и наковальней.

Каблучки туфелек Нино звонко стучали по камням древних мостовых.

- В том-то все и дело! - восхлинула она. - Поэтому Тамерлан семь раз разрушал Тифлис. Поэтому на нас нападали турки, иранцы, арабы, монголы. Они разрушили Грузию, растоптали ее, убили, но им не удалось овладеть ею в полном смысле этого слова. Святая Нино принесла сюда виноградную лозу с Запада, и потому мы относимся к Европе, а не к Азии. Мы - не азиаты. Мы страна, расположенная на востоке Европы. Неужели ты не чувствуешь этого?

Нино шла, все убыстряя шаг, на ее по-детски гладком лбу появились морщинки.

- Хочешь, я скажу тебе, почему, благодаря чему, твоя Нино смогла появиться на свет? Благодаря тому, что мы оказали достойное сопротивление всем, кто хотел покорить нас, - Тамерлану, Чингиз хану, шаху Аббасу, шаху Тахмасibu, шаху Исмаилу... Сегодня ты пришел сюда безоружным, без огромных слонов, армии, но и ты из рода кровавых шахов, ты

- их наследник. Неужели моим дочерям или внучкам придется носить чадру, а как только будет наточен иранский меч, мои сыновья и внуки в сотый раз разрушат Тифлис? Ах, Али хан, нам обоим следовало бы принадлежать Западу...

Я взял ее пальчики в свою ладонь.

- Что мне сделать для тебя, Нино?

- Ах, Али хан, - повторила она. - Я очень глупая. Мне хочется, чтобы ты полюбил широкие улицы и зеленые леса, хочется, чтобы ты не цеплялся за прогнившие стены Азии, а лучше понял жизнь. Я боюсь, что лет через десять ты превратишься в набожного лицемера и в один прекрасный день, сидя в своем гиланском имении, скажешь мне: "Нино, ты - всего лишь поле". Вот скажи: за что ты любишь меня?

Да, в Тифлисе Нино стала совершенно иной. Казалось, ее пьянит сам влажный куринский воздух.

- За что я люблю тебя? Я люблю тебя, Нино, люблю твои глаза, твой голос, твои аромат, походку. Чего же еще ты хочешь? Я люблю тебя всей душой. Пойми же, любовь всюду одна и та же - что в Грузии, что в Иране. Вот здесь, на этом самом месте ваш великий поэт Руставели слагал любовные песни царице Тамаре. А его стихи так похожи на иранские рубаи! Пойми же, без Руставели нет Грузии, а без Ирана нет Руставели.

- Ты говоришь, именно здесь? - задумчиво проговорила Нино. - Здесь же жил и великий поэт Саят Нова, написавший замечательные любовные стихи. Шах отрубил ему голову за то, что он в своих стихах воспевал любовь грузин.

У Нино сегодня было очень плохое настроение, с ней трудно было говорить. Она прощалась со своей родиной и, как каждый человек, в момент прощания остро ощущала любовь к ней.

- Али хан, - со вздохом заговорила она опять, - ты любишь мои глаза, нос, лоб - всю меня, но при этом забываешь об одном. Любишь ли ты мою душу?

- Да, - измученно ответил я, - я люблю и твою душу.

Удивительно, мне смешно было слушать проповеди Сеида Мустафы об отсутствии души у женщины, почему же тогда меня так, рассердил вопрос Нино? Да и что такое - женская душа? Женщину должно радовать, если мужчину не интересует, что таится в глубине ее души.

-А ты за что любишь меня, Нино?

И вдруг Нино по-детски расплакалась прямо посреди улицы.

- Прости меня, Али хан. Я люблю тебя, просто тебя. Люблю такого, какой ты есть. Я только боюсь мира, в котором ты живешь. Я, наверное, сошла с ума: говорю с женихом - и ругаю его за походы Чингиз хана! Прости свою Нино, Али хан. Ведь это глупо - взваливать на тебя ответственность за то, что мусульмане убивали грузин. Но ведь твоя Нино- частичка ненавистной тебе Европы, и здесь, в Тифлисе, я ощущаю это с особенной силой. Мы с тобой любим друг друга, но мне по сердцу леса и луга, ты же любишь горы, камни, песок, потому что ты - сын степи. Вот почему я боюсь тебя, твоей любви, твоего мира.

Я был растерян, не мог понять ее.

- Ну и дальше? - спросил я.

- Дальше? - Нино вытерла слезы и засмеялась, кокетливо склонив головку. - Ты хочешь знать, что будет дальше? А ничего! Через три месяца мы поженимся. Чего же еще ты хочешь?

В этом была вся Нино. От слез она могла перейти к смеху, от любви - к ненависти. Она простила мне все походы Чингиз хана и опять любила меня.

Схватив за руку, Нино потащила меня через мост к узким, извилистым улочкам базара. Так она просила у меня прощения.

В Тифлисе с его европейским обликом базар был единственным уголком Азии. Толстые армяне и персы, торгующие коврами, демонстрировали покупателям все многоцветье иранских сокровищниц. Полки лавок ломились под тяжестью медной и

бронзовой посуды с выгравированными мудрыми изречениями. Какая-то молодая голубоглазая уроженка Курдистана гадала прохожим и, казалось, сама поражалась тому, как много она знает. У винных лавок толпились бездельники, поглощенные серьезными дискуссиями о Боге и мире.

В этой пестроте базара растаяла вся грусть Нино. На узких базарных улочках пересекались пути азербайджанских и армянских купцов, курдских гадальщиц, персидских поваров, осетинских священников, русских, арабов, ингушей, индусов. В многоголосом, многоязыком гуле базара нам удалось лишь разобрать:

- Когда мои предки уводили в плен в Вавилон твоих предков...

Конец фразы потонул в громком смехе слушателей. Смеялась и Нино, она смеялась над евреями, ассирийцами, над этим базаром, над слезами, пролитыми на тифлисские мостовые.

Мы пошли дальше и скоро опять очутились на Головинской, у кафе "Мефистофель".

- Зайдем? - нерешительно предложил я.

- Нет. Давай отметим наше примирение посещением монастыря святого Давида.

Мы свернули к фуникулеру, сели в красный вагончик, который медленно повез нас на гору Давида. По мере того, как город постепенно упывал вниз, Нино рассказывала мне историю постройки этого знаменитого монастыря.

- Когда-то давным-давно на этой горе жил святой Давид. А в городе жила царевна, которая любила одного князя. Но князь бросил царевну, когда у нее должен был родиться ребенок. Разъяренный царь потребовал, чтобы дочь назвала ему имя сорвиголовы. Не желая выдавать своего возлюбленного, царевна сказала, что отец ее ребенка - святой Давид. Царь приказал привести святого во дворец. Давида привели к царю, и царевна при нем повторила, что он и есть отец ребенка. Тогда святой Давид коснулся своим посохом царевны и произошло чудо. Из чрева ее послышался детский голос, который назвал имя истинного отца. Более того, по заклятию Давида царевна родила вместо ребенка камень, из которого забил источник святого Давида. Теперь бесплодные женщины совершают в этом источнике омовение, чтобы исцелиться от своего недуга. - Нино помолчала, а потом задумчиво добавила: - Как хорошо, Али хан, что святой Давид умер, а его посох бесследно исчез.

Мы были уже на вершине горы.

- А ты не хочешь пройти к источнику? - спросил я.

- Нет, Али хан, у нас впереди еще целый год.

Мы стояли у стен монастыря и смотрели вниз, на город. Кура была окутана голубым туманом. Купола церквей одинокими силуэтами возвышались в океане камня. Город был окружен зеленым кольцом дач. Вдалеке высился Метехский замок. Когда-то здесь жили грузинские цари, теперь же содергатся кавказцы, осмелившиеся выражать недовольство политикой русской империи. Нино старалась не смотреть на этот замок. Кажется, эта картина поколебала ее верноподданнические чувства.

- Из твоей родни кто-нибудь сидит в Метехе? - спросил я.

- Нет, но по закону тебе следовало бы находиться там. Пойдем, Али хан.

- Куда?

- На могилу Грибоедова.

Мы обогнули монастырскую стену и подошли к старому, заброшенному надгробью.

"Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?"

В Тифлисе есть поверье: если девушка приложит камушек к надгробью, и он прилипнет, значит, девушка еще в этом году выйдет замуж.

Нино подобрала гальку, прижала ее к надгробью, но камень не удержался и скатился нам под ноги. Нино глубоко вздохнула.

Я посмотрел на ее расстроенное лицо и рассмеялся.

- Видишь? И это всего за три месяца до свадьбы! Значит, прав был наш Пророк: "Не веруй в мертвых идолов".

- Верно, - ответила Нино и замолчала.

Мы вернулись к фуникулеру.

- А что мы будем делать после войны? - спросила Нино.

- После войны? То же, что и сейчас. Гулять по городу, ходить в гости к друзьям, ездить в Карабах, воспитывать наших детей. Что может быть лучше?

- Я хотела бы хоть раз съездить в Европу.

- Непременно. В Париж, Берлин. Причем на всю зиму.

- Да, да, на всю зиму.

- Нино, тебе не нравится наш город? Хочешь, переедем жить в Тифлис?

- Спасибо, Али хан, ты очень заботлив. Будем жить в Баку.

- По-моему, нет в мире города лучше Баку.

- Я знаю, ты скучаешь. Постоянно тоскуешь о древней Крепости и душеспасительных разговорах с Сеидом Мустафой. Ну что ж, я люблю тебя. Оставайся таким, какой ты есть.

- Я люблю свою родину, Нино, люблю каждый камушек, каждую песчинку.

- Знаю, Али. Это удивительно - так любить Баку. Для приезжих - это всего лишь жаркий, пыльный, воняющий нефтью город.

- Правильно, потому что они чужие...

Нино положила руку мне на плечо и коснулась губами щеки:

- А мы с тобой не чужие и чужими никогда не будем. Ты будешь всегда любить меня, Али хан, да?

- Конечно, Нино.

Фуникулер спустился в город. Крепко обнявшись, мы вышли на Головинскую. По левую сторону был разбит уютный садик, обнесенный тонкой ажурной, решеткой. Ворота были заперты. Над воротами сверкал позолотой императорский двуглавый орел. Под ним, как высеченные из камня, стояли двое часовых, потому что сад был частью резиденции великого князя Николая Николаевича.

- Погляди! - сказала Нино, внезапно остановившись и показывая на сад.

По аллее прогуливался высокий худой мужчина с седой головой. Мужчина оглянулся и посмотрел в нашу сторону. Глаза великого князя были полны холодной задумчивости, губы плотно сжаты. Отсюда, из-за деревьев, он казался огромным диким зверем.

- Как, по-твоему, Али хан, о чем он думает?

- Скорее всего, о царской короне.

- Она очень пойдет его седым волосам. Что же он будет делать?

- Наверное, свергнет царя.

- Пойдем, Али хан, я боюсь.

- Ты не должен плохо говорить о царе и великом князе, - сказала Нино, когда мы отошли. - Они защищают нас от турков.

- Твоя родина между молотом и наковальней.

- Моя родина? А твоя?

- Мы в другом положении. Нас не зажали в тиски. Мы лежим на наковальне, а молот в руках великого князя. За то мы и ненавидим его.

- Все вы бредите Энвер пашой. Какая глупость! Ты не дождешься прихода Энвера. Великий князь разобьет его!

- Аллах велик, и это ведомо только ему, - спокойно ответил я.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Армия великого князя стояла в Трабзоне. Захватив Эрзурум, русские войска перешли Курдистанские горы и двигались на Багдад. Они уже взяли Тегеран, Тебриз и даже священный Мешхед. Над Турцией и Ираном нависла зловещая тень Николая Николаевича. Как-то во время встречи с грузинской аристократией великий князь сказал:

- Согласно воле государя я не успокоюсь, пока слава золотого византийского креста не воссияет над куполами Аяя-Софии.

Положение в мусульманских странах было сложным. В Баку лишь гочу и амбалы

продолжали еще верить в мощь турок и победоносный меч Энвера. Ирана уже не существовало, а в скором времени то же ожидало и Турцию.

Отец был хмур. Он теперь часто куда-то уходил, а если был дома, то читал сводки с театра военных действий в газетах, либо, склонившись над картой, шепотом повторял названия оставленных городов, и потом часами неподвижно сидел, перебирая четки.

Мои же дни проходили в ювелирных, цветочных или книжных лавках, где я покупал подарки для Нино. С ней я забывал о войне, великому князе, нависшей над мусульманскими странами угрозе.

- Будь вечером дома, - попросил меня как-то отец, - к нам придут люди, чтобы обсудить кое-какие серьезные проблемы.

Отец проговорил все это со смущенным видом и смотрел куда-то в сторону.

Я все понял.

- Ведь ты, кажется, взял с меня клятву никогда не заниматься политикой? - насмешливо сказал я.

- Тревожиться за судьбу своего народа - не значит заниматься политикой. Бывают времена, когда боль за судьбу народа становится главным в жизни человека.

Именно в этот вечер мы с Нино собирались в оперу. В Баку гастролировал Шаляпин, и Нино уже несколько дней пребывала в радостном ожидании. Надо было что-то придумать.

Я позвонил Ильяс беку.

- Ты не мог бы пойти сегодня с Нино в театр? Билеты есть, а пойти я никак не могу.

- О чем ты говоришь, Али хан! - удрученно воскликнул Ильяс бек. - Я не принадлежу сам себе. Сегодня ночью мы с Мухаммед Гейдаром дежурим в казарме!

Тогда я позвонил Сеиду Мустафе.

- Ничего не выйдет, - ответил он. - Именно сегодня я должен встретиться с верховным муллой Гаджи Максудом. Он всего на несколько дней приехал из Ирана.

Я позвонил Нахарапяну. Он немного смущен:

- А почему вы не идете, Али хан?

- У нас сегодня собираются гости.

- Чтобы обсудить, как уничтожить всех армян, не так ли? Конечно, я не должен ходить в театры, когда мой народ истекает кровью, но для чего тогда друзья? Кроме того, Шаляпин поет просто превосходно.

Наконец-то! Все-таки настоящие друзья познаются в беде. Я объяснился с Нино и остался дома.

Гости начали сходить с семи часов.

К половине восьмого в нашем зале, устланном красными коврами и османскими подушками, находился уже миллиард рублей. Точнее, здесь собирались люди, состояние которых оценивалось в общей сложности в миллиард рублей. Их было всего несколько человек, и я давно был знаком с ними.

Первым явился отец Ильяс бека - Зейнал ага, сутулый старик с мутными, влажными глазами. Он сел на мягкую тахту, положил рядом трость, потом отщипнул кусок турецкой халвы и стал медленно жевать ее.

За ним пришли два брата - Али Асадулла и Мирза Асадулла, сыновья покойного Шамси, оставившего своим наследникам десять-двенадцать миллионов. Шамси дал своим детям образование, благодаря которому унаследовавшие отцовскую хватку братья, значительно увеличили его состояние. Больше всего на свете Мирза Асадулла ценил деньги, ум и покой. Али Асадулла был полной противоположностью брату. Он, казалось, был создан из негасимого огня Зороастра, обожал борьбу, риск, опасности. По слухам, Али Асадулла был непременным участником многих кровавых событий, происходивших у нас.

Сидевший рядом с ним угрюмый Бунъятзаде риска не любил. Он любил женщин, в этой компании, Бунъятзаде был единственным, кто имел четырех жен. Жены его постоянно устраивали между собой жестокие побоища, это огорчало Бунъятзаде, но справиться с собой

он никак не мог. На вопрос, сколько у него детей, Бунъятзаде угрюмо отвечал:

- Пятнадцать, или восемнадцать. Ну откуда мне, бедному, знать?

Такой же ответ он давал, когда, интересовались размерами его состояния.

В противоположном углу зала сидел Юсиф оглы, пылавший к Бунъятзаде черной завистью. У, Юсиф оглы была всего одна жена, да и та страшная уродина. В день свадьбы она сказала ему:

- Имей в виду, если вздумашь гулять, я всем твоим женщинам отрежу уши, носы и вырежу груди, А что я сделаю с тобой - страшно даже подумать,

Зная скандальный характер семьи, из которой он взял жену, тихий и скромный по характеру Юсиф оглы понимал, что это не пустые угрозы, и утешался коллекционированием картин.

В половине восьмого в зал вошел худощавый мужчина небольшого роста. Его тонкие пальцы на маленьких ручках были покрашены хной. При появлении этого человека все присутствующие в зале встали и поклонились, выражая тем самым сочувствие горю, постигшему его. Несколько лет назад он потерял своего единственного сына Исмаила. В память о сыне старик построил на Николаевской роскошный особняк, на фасаде которого большими буквами было выбито "Исмаил". Этот особняк он передал исламскому благотворительному обществу. На наше собрание он был приглашен лишь потому, что обладал двумястами миллионов рублей. Мы не могли считать его мусульманином, так как он был сторонником отступника Баба7, казненного Насреддин шахом. Мало кто из нас мог точно сказать, чего добивался Баб, зато все хорошо знали, что Насреддин шах приказал загонять под ногти бабидам раскаленные иглы, сжигать их на кострах, забивать до смерти плетьми. Людей порядочных подобным наказаниям, конечно же, никто подвергать не стал бы. Имя этого старика было Ага Муса Наги.

В восемь часов все приглашенные были в сборе. Эти нефтяные магнаты пили чай, закусывали сладостями и вели мирную беседу о процветании своих промыслов, о лошадях, дачах, деньгах, проигранных за карточными столами. Этого требовал обычай, и согласно ему до девяти часов все разговоры вертелись только вокруг подобных тем. Ровно в девять слуги убрали чай, сладости, плотно закрыли двери, и отец сказал:

- Сын Шамси Асадуллы - Мирза Асадулла хочет поделиться с нами некоторыми мыслями о судьбе нашего народа. Давайте выслушаем его.

Мирза Асадулла поднял красивое задумчивое лицо.

- Если великий князь победит, - медленно заговорил он, - то на свете не останется ни одного исламского государства. А это послужит лишь усилению царя. Нас он, конечно, не тронет, потому что у нас есть деньги. Но все мечети и школы прикажет закрыть, нам будет запрещено говорить на родном языке, иностранцев здесь станет больше, чем нас, и некому будет уже защитить мусульман. Вне всякого сомнения, любая, даже самая маленькая победа Энвера послужила бы нашей пользе. Но сможем ли мы помочь ему в этом деле? Нет. По моему мнению, не сможем. Да, у нас есть деньги, но у царя их больше. У нас люди, но у царя их больше. Так что же мы, можем сделать? Быть может, нам следует собрать денег, людей и снарядить полк для царской армии. Тогда после войны его гнет будет не столь силен. Что вы думаете об этом? Видите ли иной выход?

Мирза Асадулла замолчал. Слово взял его брат.

- Ты хочешь помочь царю. Но кто знает, может быть, после войны и царя не будет?

- Пусть даже царя свергнут, в стране все равно останется много русских.

Братья умолкли.

- Никто не может знать, что записано в книге наших судеб, - вступил в разговор Зейнал ага. Он говорил тихо, словно из последних сил. - Даже если будет захвачен Стамбул, это нельзя будет считать победой великого князя. Потому что ключи нашего счастья не в Стамбуле. Они на Западе. Пусть они называются немцами, там все равно победят - турки. Русские захватили Трабзон, а турки - Варшаву. Вы говорите о русских. Да осталось ли в них

что-нибудь русское? Я слышал, что царем правит какой-то мужик Распутин, который царицу называет "мамой". Есть даже великий князь, который хочет свергнуть царя. А другие ждут конца войны, чтобы начать бунт. Одним словом, после этой войны все будет по-другому.

- Да, - поддержал его усатый толстяк, - да, после войны все будет иначе.

Это был адвокат Фатали хан Хойский. Мы знали его как человека, который везде и всегда защищал права народа, его честь и достоинство.

- Да, ситуация изменится, - продолжал Фатали хан. - Но именно поэтому мы не должны искать ничьей благосклонности. Кто бы ни победил в этой войне, он будет ослаблен, раны его заживут еще не скоро. Мы же будем сильны и поэтому сможем тогда уже не просить, а требовать. Мы - страна исламская, шиитская, и от царского ли двора или османского будем требовать одного и того же: полной независимости во всех вопросах. И чем слабее станут эти сильные государства после войны, тем ближе будем мы к свободе. А свобода увеличит могущество наших еще не растратченных сил, денег и нефти. Надо помнить, что не мы зависим от мира, а мир - от нас. В этом зале собрано состояние в миллиард рублей. Ждать! Какое прекрасное слово! Ждать исхода войны, кто победит - русские или турки. Потому что победитель будет искать нашей благосклонности - ведь, в наших руках нефть. А что же нам делать до тех пор? Строить во имя нашей веры госпитали, сиротские дома, дома призрения, чтобы люди не могли обвинить нас в равнодушии!

Я молча сидел в углу, весь кипя от злобы. Али Асадулла подошел ко мне, сел рядом и спросил:

- А вы что думаете об этом, Али хан? - И, не дожидаясь ответа, наклонился ко мне и зашептал: - Разве плохо было бы избавиться от всех русских, которые живут у нас? Да и не только русских, но и всех чужих, всех, кто говорит на другом языке, у кого другая вера, кто думает не так, как мы? По сути дела мы все хотим этого, но только я осмеливаюсь говорить об этом вслух. Что же будете теперь? Мне все равно, пусть правит Фатали хан. Хотелось бы, конечно, чтобы к власти пришел Энвер, но ничего, пусть будет Фатали хан. Главное - под корень вырезать всех чужих.

И столько нежной тоски прозвучало в словах "под корень вырезать", будто он говорил о любви, а лицо засияло при этом хитрой улыбкой. Я промолчал. Наступила очередь бабида Ага Муса Наги. Он поднял голову, и его маленькие, глубоко посаженные глазки заблестели.

- Я человек старый, - начал он, - и все, что я здесь вижу и слышу, глубоко печалит меня. Русские хотят уничтожить турков, турки - армян, армяне - нас, а мы - русских. Не знаю, хорошо это или плохо. Мы выслушали Зейнал ага, Мирзу, Али, Фатали хана, Я разделяю их тревоги о школах, родном языке, больницах и свободе. Все это очень хорошо. Но кому нужны школы, если в них будут учить всякой ерунде? Кому нужны больницы, где будут лечить тело, забывая о душе? Наши души рвутся к Аллаху. Конечно, каждый народ думает, что у него свой Бог. Но я думаю, что Аллах, говорящий устами всех пророков, - един. Оттого я верую в Иисуса, Моисея, Конфуция, Будду, Магомета. Все мы - творения Аллаха и, пройдя сквозь Баб8, вновь вернемся к нему. Об этом мы должны сказать народу. Надо объяснить, что нет ни белого, ни черного, потому что в черном таится белое, а в белом заключено черное. Я думаю, надо делать так, чтоб никому не был причинен вред, потому что мы представляем собой частицу людей и частица нас заключена в каждом человеке.

Мы были растеряны. Так вот, значит, в чем суть учения этого отступника Баба?

Я услышал рядом чей-то всхлип, оглянулся и застыл от изумления: слезы лились из глаз Али Асадуллы.

- Какие прекрасные слова! - проговорил он сквозь рыдания. - Как вы правы! Какое это счастье - слушать вас! О Создатель! Если бы все люди могли так замечательно рассуждать!

Он вытер слезы, еще несколько раз всхлипнул, а потом спокойно продолжал:

- Глубокоуважаемый друг! Нет никаких сомнений в том, что рука Аллаха сильней и могущественней всех! Однако, о, мудрейший друг мой, нет никакого сомнения в том, что нельзя всегда и во всем надеяться на милость Создателя. Мы лишь смиренные рабы его, и

коль нет милосердия, нам следует самим искать пути устранения трудностей.

На мой взгляд, Али Асадулла был прав и когда говорил это, и когда притворно плакал незадолго до этого. Я взглянул на Мирзу, пораженный, он с гордостью смотрел на брата.

Наконец гости поднялись, с достоинством раскланялись и разошлись. Зал опустел и теперь производил тягостное впечатление. Мне стало одиноко.

- Пойду в казармы, - сказал я слуге. --Сегодня там дежурит Ильяс бек.

Пройдя мимо дома Нино, я спустился к набережной и направился к казарме. Окно комнаты дежурных было освещено. Ильяс бек и Мухаммед Гейдар играли в нарды. Целиком поглощенные игрой, они молча кивнули мне. Закончив партию, Ильяс бек отшвырнул кости в угол и расстегнул ворот мундира.

- Ну, как прошло совещание? - спросил он. - Асадулла, наверное, снова клялся, что перережет всех русских?

- Да, что-то в этом роде он и говорил. Какие новости с фронта?

- Фронта? - По тону Ильяс бека чувствовалось, что эта война ему уже осточертела. - Немцы заняли всю Польшу. Великий князь застрял где-то в снегах, хотя по другим сведениям, он уже захватил Багдад. Турки, может быть, захватят Египет. Откуда мне знать? Мне все на свете надоело.

- И ничего не надоело, - поднял голову Мухаммед Гейдар. - У нас есть кони, есть люди, мы кое-что смыслим в оружии. Что же еще нужно мужчине? Иногда мне хочется перемахнуть гору, оказаться в окопах и лицом к лицу встретиться с врагом. Он должен быть сильным и пахнуть потом.

- Тогда почему ты не просишься на фронт? - спросил я.

Мухаммед Гейдар грустно посмотрел на меня.

- Я не из тех, кто стреляет в мусульман. Пусть они будут даже суннитами. Здесь все должно быть иначе.

Мне стало жаль этого широкоплечего, сильного и простодушного парня, который жаждал военных подвигов.

- А что же такое случилось с нашей страной? - Он замолчал, поморщился, и сам ответил: - Что случилось с нашей страной? Мы должны были бы строить мечети, поливать землю. Нашей земле нужна влага. Что же хорошего в том, что каждый, кто приходит в нашу страну, называет нас дураками? Пусть мы дураки, но это наше дело. Дальше? Мне кажется, нам следовало бы развести большой костер и сжечь все нефтяные промыслы. Прекрасная была бы картина, и мы опять стали бы бедными. Тогда бы мы никому не были нужны, и эти приезжие отстали бы от нас. А вместо нефтяных вышек я построил бы прекрасную мечеть с голубым куполом. И еще я хотел бы привезти быков, распахать землю и посадить на месте нефтяных промыслов пшеницу.

Высказав свои воззрения на будущее, Мухаммед Гейдар умолк.

- А потом? - расхохотался Ильяс бек. - Потом запретим читать и писать, будем жить при свечах и выбирать в падишихи самых глупых.

Мухаммед Гейдар пропустил насмешку мимо ушей.

- Было бы неплохо. В старину дураков было еще больше. Но они копали не нефтяные скважины, а оросительные каналы, и не чужие грабили нас; а мы их. И счастливых людей в старину было гораздо больше.

Мне так понравились его слова, что захотелось обнять и расцеловать этого простого парня, который говорит то, что думает.

Вдруг кто-то резко постучал в окно. Я вскочил и выглянул наружу. На меня уставилось смуглое, изрытое оспинами лицо. Я побежал к двери и впустил взволнованного Сеида Мустафу. Его эммаме⁹ съехала с головы, по лицу густо струился пот. Зеленый пояс развязался, одежда покрылась пылью. Он упал на стул и, задыхаясь, проговорил:

- Полчаса назад Нахаарян похитил Нино. Они сейчас на мардакянской дороге.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мухаммед Гейдар вскочил с места. Глазки его сузились.

- Я седлаю коней! - крикнул он, выбегая за дверь.

Мои щеки пылали. Кровь стучала в висках. В голове гудело. Казалось, какая-то невидимая сила обрушила мне на голову страшный удар. Откуда-то, словно сквозь сон, до меня доносился голос Ильяс бека:

- Возьми себя в руки, Али хан, возьми себя в руки. Пока мы их не поймаем, держи себя в руках, а потом можешь делать, что хочешь.

Он стоял передо мной, повязывая мне пояс с висящим на нем кавказским кинжалом. Лицо Ильяс бека было бледно.

- Держи, - он сунул мне в руки пистолет. - Будь спокоен, Али хан. Береги себя для мардакянской дороги.

Я непроизвольно опустил пистолет в карман. Надо мной склонилось рябое лицо Сеида Мустафы. Сначала я видел лишь, как шевелятся его губы, потом услышал прерывистый шепот:

- Я вышел из дома, чтобы встретиться с муллой Гаджи Максудом. Он остановился в доме рядом с театром. В одиннадцать я от него ушел. Прохожу мимо театра, а там как раз закончился этот безбожный концерт. Вижу, Нино садится в машину Нахараляна. Но машина с места не трогается. Они сидят и о чем-то говорят. Мне что-то не понравилось выражение лица Нахараляна. Подхожу ближе, слышу, Нино говорит: "Нет, я его люблю". А Нахараляр в твет: "Я вас люблю сильней. От этой страны скоро камня на камне не останется. Я должен вырвать вас из когтей Азии!" Нино говорит: "Нет, отвезите меня домой". Нахараляр завел мотор. Я прыгнул сзади на машину. Они подъехали к дому Кипиани. Но из машины не вышли, все разговаривали. Я видел, как Нино плакала. Вдруг Нахараляр обнял ее и поцеловал, а потом закричал: "Вы не должны стать добычей этих дикарей!" И снова стал что-то шептать ей. Я только расслышал фразу: "Ко мне домой, в Мардакяны! Мы обвенчаемся в Москве, а потом уедем в Швецию". Я увидел, как Нино оттолкнула его. Мотор завелся, и они уехали. Что я мог сделать? Бросился, чтобы...

Но то ли он не договорил, то ли я не мог больше слушать его. Тут двери распахнулись настежь, и Мухаммед Гейдар крикнул:

- Кони готовы!

Мы бросились на плац. В свете луны я увидел оседланных коней, они тихо ржали, перебирая копытами.

- Возьми этого! - крикнул Мухаммед Гейдар, бросая мне поводья одного из них.

Я взглянул на коня и обмер - это был знаменитый гнедой, принадлежащий командиру полка Меликову.

- Командир будет в ярости, - поморщился Мухаммед Гейдар. - До сих пор никто посторонний не садился на его коня. Но он летит, как молния. Не жалей коня. На нем ты их быстро догонишь.

Я вскочил в седло, хлестнул легендарного коня плеткой. Гнедой взвился на дыбы и одним прыжком вынес меня с плаца.

Пылая ненавистью, ни о чем не думая, я несся вдоль берега, то и дело нахлестывая коня. Мимо стремительно мелькали дома, пучки искр вырывались из-под копыт гнедого. Не зная, на ком выместить злобу, я натянул повод. Конь снова взвился на дыбы и понесся еще резвей. Вот и последний домик остался позади. Предо мной лежали залитые лунным светом поля и узкая мардакянская дорога. По обе стороны тянулись бахчи. Освещенные луной дыни напоминали золотые самородки. Конь мчался во весь опор. Я сидел, низко склонившись почти к самой шее коня.

Вот значит как! И вдруг все словно ожило у меня перед глазами... Я увидел, как они разговаривают, слышал каждое их слово. Теперь мне все было понятно. План Нахараляна был прост и реален: Энвер ведет войну в Малой Азии. Трон царя зашатался. В армии великого князя есть армянский батальон. Если фронт будет прорван, османские войска

хлынут в Армению, Карабах и Баку. Нахаарян прекрасно сознавал, чем это может кончиться. Поэтому он перевел в Швеции все свое золото.

Я отчетливо представил себе сцену в ложе оперного театра и их разговор:

- Княжна, ничто не объединяет Восток с Западом, даже любовь.

Нино молчит. Она слушает.

- Все мы, кому угрожает османский меч, должны объединиться, протянуть руки друг другу. Мы - посланцы Европы в Азии. Я люблю вас, княжна. Мы достойны друг друга. Жить в Стокгольме легко. Стокгольм - это Европа, Запад.

Нино молчит...

- Эта страна будет разрушена до основания. Вы должны сами определить свою судьбу, Нино. Кончится война, и мы переедем в Лондон, будем приняты при дворе. Европейцы должны сами определять свою судьбу. Я очень уважаю Али хана, но он - варвар, вечный раб степи.

Я издал звериный вой и в бешенстве хлестнул коня плеткой. Так воют степные волки, задрав морды к луне, протяжно и печально. Весь ночной мрак вобрал в себя этот вой. В горле саднило. Почему я так вою под луной здесь, на мардакянской дороге? Нельзя растрачивать ярость, я должен сохранить ее для встречи с ними. Ветер хлестал мне в лицо. Слезились глаза. Но это все ветер! Только из-за него льются у меня слезы! Я не плачу. Не плачу, хоть и понял: ничто больше не объединяет Восток с Западом, даже любовь. О, эти коварные сияющие грузинские глазки! Да, я дитя степей, рожден тюркской серой волчицей. Как Нахаарян все хорошо продумал: "Обвенчаемся в Москве, уедем в Стокгольм". Подумать только! Отель в Стокгольме. Теплая белоснежная постель. И еще вилла в Лондоне?

Я в ярости еще ниже пригибаюсь к коню и вдруг неожиданно для себя вонзаюсь зубами в конскую шею. Солоноватая кровь наполняет рот. Вилла? У Нахааряна есть вилла в Мардакянах. Прямо посреди фруктового сада. Все состоятельные жители Баку построили себе здесь виллы. Вилла Нахааряна стоит на самом берегу. Из белого мрамора, с колоннами в античном стиле. Я был как-то на этой вилле. Видел там роскошную кровать красного дерева, застеленную белоснежным бельем, как в стокгольмских отелях.

Я совершенно уверен, что Нахаарян не станет всю ночь заниматься пустой болтовней. Конечно, он сделает свое дело... Это несомненно... Перед моими глазами отчетливо встали и эта кровать, и грузинские глаза, в которых под пеленой страха таилось сладострастие.

Я еще яростней вонзил зубы в шею коня. Скорее, скорее! Спеши! Но не теряй самообладания, Али хан, сдерживай свою злость!

Какая узкая дорога!

И вдруг я начал громко смеяться. Какое счастье, что мы в Азии! Какое великое счастье, что мы в дикой, отсталой, нецивилизованной Азии! Где нет никаких дорог, а есть лишь узкие тропинки, годные только для карабахских гнедых! Разве может автомобиль развить на такой дороге большую скорость?

Желтые лица дынь по краям дороги были обращены ко мне. Они будто хотели сказать мне: "Дороги плохие, эти дороги не для английских автомобилей. Они созданы для тех, кто скакет на карабахских гнедых".

Выдергит ли конь? Перед глазами встало лицо Меликова. Тогда в Шуше он обнажил свою саблю и воскликнул: "Я сяду на этого коня только тогда, когда царь призовет меня на военную, службу". Будь, что будет, мне все равно. Пусть хоть разорвется от плача сердце старого карабахца! Что мне за дело! Я снова хлестнул коня.

Наконец вдали за кустами я услышал тихое гудение мотора. Потом различил слабый свет. Автомобиль! Это они! Осторожно преодолевая ухабы и выбоины, машина медленно, продвигалась вперед. Европейская машина, которой трудно на азиатских дорогах. Я еще раз хлестнул коня. Уже можно было различить сидящего за рулем Нахааряна. И... Нино! Она сидела, съежившись в уголке.

Неужели они не слышат конского топота?

Неужели Нахаарян не прислушивается кочной тишине?

Судя по всему, здесь, на мардакянской дороге, он чувствует себя очень уверенно в европейском автомобиле. Надо остановить этот лакированный ящик. Остановить прямо здесь!

Я выхватил пистолет. Ну, дорогой бельгиец, настал твой черед, Покажи, на что ты способен! Выстрел! Узкий язык пламени на мгновение разорвал ночной мрак. Отлично, бельгиец! Прекрасный выстрел! Точно в цель!

Автомобиль присел на левое колесо. Хвала Аллаху, лакированный ящик остановился!

Отбросив ставший ненужным пистолет, я подскакал к автомобилю, распахнул дверцу и в упор посмотрел на сидящих в нем беглецов.

Потрясенная происходящим Нино сидела с неподвижно застывшим, безжизненным, как маска, лицом. Ее била крупная дрожь.

Лицо Нахааряна было искалено от страха, дрожащие пальцы тянулись к пистолету. Ага, значит, он не так уж уверен в себе в своем европейском автомобиле. На его толстом пальце сверкал тяжелый перстень с бриллиантом.

Ну, давай, Али хан! Теперь ты можешь дать волю своей ярости. Не дай выстрелить этой дрожащей от страха тушке! Кинжал обнажен! Как упоительно просвистел он в воздухе!

Где я научился так бросать его? В Иране? В Шуше? Нигде! Я унаследовал это от своих предков Ширванширов, совершивших походы в Индию, покорявших Дели.

Нахаарян издал неожиданный для мужчины тонкий визг. Пальцы его выронили пистолет, из локтя брызнул фонтанчик крови.

Какое великое счастье - пролить на мардакянской дороге кровь своего врага! Издали донесся стук копыт.

Видно, его услышал и Нахаарян. Проворно выскочив из машины, он одним прыжком исчез в кустах. Я подобрал кинжал и бросился за ним. Колючие ветки хлестали по лицу, царапали руки, под ногами хрустели сухие листья. Где-то совсем недалеко слышалось тяжелое дыхание Нахааряна. Как загнанный зверь, он несся, не разбирая дороги.

Стокгольмского отеля захотел?! Жди, будет тебе отель! Никогда больше твои мерзкие толстые губы не коснутся Нино!

Ага! Вот он! Убегает, продирается через кусты. Он уже на бахче, бежит в сторону моря. Где мой пистолет? Ах да, я бросил его около машины!

Колючки в кровь раздирают мне руки. Наконец-то бахча!

Бледная, как лицо покойника, луна. Круглые дыни лежат, подставив ее холодным лучам свои глупые толстые морды. Я наступаю на одну из них, и она с хрустом лопается.

Нет, Нахаарян, ты не вывезешь своего золота в Швецию!

Вот он!

Я хватаю его за плечо и разворачиваю к себе! Лицо его пылает ненавистью. Как у вора, застигнутого на месте преступления.

Первый удар пришелся мне в челюсть. Еще один- в грудь!

Бей, Нахаарян, в Европе ты научился боксировать!

У меня потемнело в глазах. На миг прервалось дыхание!

Я - всего лишь азиат, Нахаарян, меня не учили бить ниже пояса.

Я - степной волк, и ярость лишь придает мне силы.

Я бросился на него, обхватил его тяжелую тушу поперец, как бревно, и швырнул на землю. Мои колени уперлись в круглый живот, пальцы сдавили горло. Он попытался достать меня кулаками. Рыча, мы покатились по земле. Нахааряну удалось подмять меня, его руки сдавили мне горло. Исаженное ненавистью лицо побагровело от напряжения. Рот перекосился. Я. ударил его ногами в живот и почувствовал, как каблуки сапог погрузились в это жирное тело. Он попробовал вырваться из моих рук. В разорванной на груди рубашке белело его открытое горло. С глухим рыком я вонзил в него зубы.

Да, Нахаарян, да! Так деремся мы, азиаты! Мы не бьем ниже пояса, а по-волчьи вонзаем зубы в горло врагу!

Я ощущал, как дрожат под зубами его напрягшиеся жилы. Вдруг его рука заскользила вдоль моего пояса. Кинжал! Мой кинжал! Нахаарян тянутся к нему. Как же я мог в пылу борьбы, позабыть о нем? В тот же миг лезвие блеснуло перед моим лицом, и я ощутил острый удар в бок. Но, к счастью, клинок скользнул по ребрам.

Какая у меня, оказывается, теплая кровь!

Я вырвал у него клинок. Теперь Нахаарян был подо мной. Голова его запрокинута. Еще одна глупая толстая дыня, уставившаяся на бледную, как лицо покойника, луну.

Я занес над ним кинжал и услышал тонкий, пронзительный, полный животного страха крик. Казалось, его лицо превратилось в один сплошной рот.

Стокгольмского отеля захотел? Получай, свинья! Получай, глупая дыня!

Чего я жду? Почему не убиваю его?

- Бей, Али хан, бей! - услышал я голос позади. Это кричал Мухаммед Гейдар.

- Бей прямо в сердце! Сверху вниз!

Крик Нахааряна оборвался. Не знаю, долог ли он, тот миг между жизнью и смертью, но сейчас мне хотелось еще немного продлить его и еще раз насладиться полным предсмертного ужаса воплем врага.

Я опять взмахнул кинжалом и изо всех сил вонзил его Нахааряну в сердце. Его тело конвульсивно дернулось и застыло.

Я медленно поднялся, ощущая огромную усталость. Одежда моя была залита кровью. Мой? Его? Теперь уже это не имело никакого значения.

- Молодец, Али хан! - воскликнул сияющий Мухаммед Гейдар. - Ты настоящий мужчина!

Ныла рана в боку. С помощью поддерживающего меня под локоть Мухаммеда Гейдара я вернулся на дорогу, туда, где сверкал под луной черный лакированный ящик, принадлежавший Нахааряну, где ждали меня еще двое моих друзей, державших под уздцы четырех коней.

Ильяс бек пожал мне руку. Сеид Мустафа слегка приподнял зеленую эммаме. Он крепко обнимал за талию сидящую впереди него Нино.

- Что делать с женщиной? Ты сам убьешь ее или поручишь сделать это мне?

Сеид Мустафа проговорил эти слова спокойно, голос его звучал тихо, а глаза были полузакрыты, словно он дремал.

Нино не проронила ни звука.

- Давай, Али хан, - сказал Мухаммед Гейдар, протягивая мне кинжал.

Я взглянул в белое, как мел, лицо Ильяс бека. Он кивнул.

- Труп мы бросим в море!

Я медленно приближался к Нино и видел, как постепенно расширяются от ужаса ее глаза...

...На переменах она, плача, прибегала к нам с учебниками под мышкой. А один раз я сидел под ее партой и шепотом подсказывал:

- Карл Великий короновался в Аахене в восьмисотом году...

Почему она молчит сейчас? Почему не плачет, как тогда? Или незнание года коронации Карла Великого более тяжкий грех, чем...

Я прижался щекой к шее коня и устало взглянул на Нино. Наши взгляды встретились, но ее глаза по-прежнему молчали. Она сидела на коне Сеида Мустафы, устремив взгляд на кинжал, и была в этот миг прекрасна.

Лучшая в мире кровь - грузинская!

Самые красивые губы - у грузинок!

Но эти губы целовали Нахааряна! И Нахаарян, мечтавший увезти свое золото в Швецию, целовал их!

- Ильяс бек, я ранен. Отвези княжну Нино домой. Ночью холодно. Укрой чем-нибудь княжну. Запомни, Ильяс бек, если хоть один волос упадет с головы Нино, я убью тебя. Ты слышишь, Ильяс бек? Я твердо обещаю это тебе. Мухаммед Гейдар, Сеид Мустафа, я очень ослабел. Помогите мне. Отвезите меня домой. Я истекаю кровью.

Я вцепился в гриву карабахского гнедого, Мухаммед Гейдар помог мне сесть в седло. Ильяс бек подошел к Нино, бережно поднял ее на руки и усадил в мягкое казацкое седло. Нино безучастно позволила ему сделать это. Ильяс бек набросил на плечи Нино свой китель, потом обернулся ко мне и кивнул на прощанье. Лицо его все еще было бледным.

Я долго смотрел им вслед.

- Ты герой, Али хан! - воскликнул Мухаммед Гейдар, вскакивая на коня. - Ты дрался, как герой, и поступил так, как должен был поступить.

- Ее жизнь была в твоих руках, - проговорил, склонив голову, Сеид Мустафа. - Ты мог убить ее, а мог и помиловать. Шариатом допустимо и то, и другое.

И Сеид Мустафа мечтательно рассмеялся, Мухаммед Гейдар вложил поводья мне в руки.

Мы молча поскакали по ночной дороге. Впереди ласково светили огни Баку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

С уступа, нависшего над глубокой пропастью, открывается суровая, но величественная картина: мрачные скалы без малейшего признака растительности, словно некий титан разбросал здесь в беспорядке огромные камни.

А вдоль края пропасти - будто кто-то подвесил их здесь - лепятся один к другому, убегая вверх по скалам, убогие домишко, и плоская крыша одного служит двором другого.

Внизу, на дне пропасти звенит ручей. В чистом, прозрачном воздухе сверкают под лучами солнца скалы. Между ними вьется, теряясь где-то внизу, узкая тропинка.

Это дагестанский аул.

Внутри домика полумрак, на пол брошена плотная циновка. Две деревянные балки подпирают выступающий снаружи козырек крыши.

В бездонном небе застыл, распластав крылья, орел.

Я лежал на небольшом дворике-крыше и с наслаждением посасывал янтарный мундштук кальяна. Чья-то рука заботливо подмешала в табак анашу. Легкий ветерок уносит сизый табачный дым и холодит покрытое испариной лицо. Виски мои холодны, как лед. Клубы дыма плывут в воздухе, образуя удивительные фигуры, чье-то лицо выплывает со дна пропасти, кружась и множась, оно приближается, и я узнаю его - это Рустам Зал с ковра, висящего в моей комнате в Баку.

Давно ли я лежал там, укутанный теплым одеялом? Болела рана. Я слышал звуки шагов, тихие голоса за стеной. До меня доносялся голос отца.

- Прошу простить меня, господин комиссар, - говорил он, - но я сам не знаю, где сейчас мой сын. Думаю, он убежал в Иран и в настоящее время скрывается у своего дяди. Искренне сожалею, господин комиссар.

- Против вашего сына, - рокотал в ответ бас комиссара полиции, возбуждено уголовное дело. Он обвиняется в убийстве. Уже подписан ордер на его арест. Мы отыщем и арестуем его пусть даже в Иране.

- Я могу только приветствовать это, потому что не сомневаюсь - мой сын невиновен, и любой суд оправдает его. Убийство насильника никогда не считалось преступлением. И кроме того...

В соседней комнате воцарилась тишина, и мне показалось, что я слышу шелест новеньких купюр.

- Конечно, конечно, - зарокотал опять комиссар. - Ох, уж эта молодежь! Горячие головы! Чуть что - сразу за кинжал. Я - лицо официальное, но как отец прекрасно вас понимаю. Вашему сыну не следует больше появляться в Баку. А приказ о его аресте я все же вынужден буду переслать в Иран.

Затем послышался звук удаляющихся шагов и снова тишина...

Изыщные буквы на ковре переплетались, создавая загадочный лабиринт. Я попробовал проследить взглядом за причудливой линией, которая, изгинаясь, образовывала букву "нун", но опять почувствовал приступ головокружения и потерял сознание.

Продолжалось это недолго. Сознание постепенно возвращалось ко мне, и я видел склонившиеся надо мной незнакомые лица, слышал шепот, но не мог различить слов.

Когда же сознание окончательно прояснилось, я увидел улыбающихся Ильяс бека и Мухаммеда Гейдара. Оба они были в мундирах. Я с трудом поднялся и сел в постели.

- Вот, зашли попрощаться. Отправляемся на фронт.

- Как?

Ильяс бек грустно поправил ремень и начал рассказ:

- В ту ночь я доставил княжну Нино домой. Всю дорогу она не проронила ни слова. Я сдал княжну родителям и отправился в казармы. А через несколько часов все стало известно. На Меликова страшно было смотреть. Он заперся в своем кабинете и пил. На коня своего даже смотреть не стал, а вечером вообще приказал пристрелить его. Наутро он подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Отцу пришлось как следует похлопотать за нас, но добился он только того, что дело не было передано в военный трибунал. Потом пришел приказ о переводе нас в действующую армию. Причём на передовую.

- Простите меня, друзья. Это я во всем виноват!

Но друзья в один голос запротестовали:

- Нет, нет, ты - герой. Ты вел себя, как мужчина. Мы гордимся тобой.

- А как Нино? Вы видели ее?

Ильяс бек и Мухаммед Гейдар помрачнели.

- Нет, не видели.

Ответ прозвучал очень сухо, и я не стал больше говорить об этом.

- Не тревожься за нас, - улыбнувшись, сказал Ильяс бек. - Мы как-нибудь устроимся и на передовой.

Мы рассмеялись, обнялись на прощание, и друзья ушли.

Я снова почувствовал подступающую слабость и упал на подушки. "Бедные мои друзья! - думал я, блуждая взглядом по рисунку на ковре. - У них из-за меня неприятности..."

Липкое полузабытье опять затянуло меня. Как в тумане, возникало перед моими глазами то смеющееся, то печальное лицо Нино. Чьи-то руки тормошили меня.

- Надо дать ему анашу, - сказал кто-то на персидском. - Очень помогает при душевных муках.

В губы мне вложили янтарный мундштук, я вновь погрузился в полудрему и откуда-то издали слышал чей-то голос:

- Почтенный хан, я потрясен обрушившимся на нас несчастьем. Сейчас я хочу только одного - чтобы наши дети поженились как можно скорее.

- Но, дорогой князь, Али хан не может сейчас жениться. Он - кровник. Ведь Нахараляны объявили нас кровными врагами. Жизнь моего сына ежеминутно подвергается смертельной опасности, поэтому я отправил Али хана в Иран. В настоящее время он никак не может жениться на вашей дочери.

- Я умоляю вас, Сафар хан, неужели мы не сумеем защитить наших детей? Они могут уехать отсюда хоть в Индию, хоть в Испанию. Поймите, Сафар хан, честь моей дочери запятнана, и лишь брак может спасти ее доброе имя.

- Но ваша светлость, разве Али хан запятнал честь вашей дочери? К тому же вы всегда найдете для княжны жениха среди русских или армян.

- Хан, мы могли бы представить это просто как невинную прогулку, и никто бы ничего не заподозрил. Ваш сын поспешил. Он слишком погорячился и должен исправить свою ошибку.

- Как бы там ни было, Али хан - кровник, он не может жениться.

- Но, Сафар хан, поймите меня, я ведь тоже отец...

Голоса умолкли. Наступило долгое, тягостное молчание. Я глядел на крупинки анаши, напоминающие муравьев.

Наконец, пришел день, когда с меня сняли повязки. Я осторожно коснулся рубца. Это первая рана, нанесенная мне врагом. Я поднялся с постели и, все еще ощущая слабость в ногах, медленно прошелся по комнате. Слуги почтительно стояли в стороне, готовые в любой момент броситься мне на помощь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел отец. Слуги тотчас вышли.

Я серьезно поглядел на него, ожидая, что он скажет.

- К нам каждый день приходят из полиции, - сказал он после некоторого молчания. - И, кстати, не только они разыскивают тебя. За тобой охотятся все Нахарааряны. Пятеро из них уже уехали в Иран. Да, чуть не забыл, - отец усмехнулся, - Меликовы тоже объявили тебя своим кровным врагом. Из-за гнедого. А друзей твоих отправили на фронт. - Он еще немного помолчал и добавил: - Я расставил вокруг дома двадцать человек охраны.

Я стоял, опустив голову, не произнося ни слова. Рука отца легла мне на плечо.

- Я горжусь тобой, Али хан, горжусь. - Голос отца звучал ласково. - На твоем месте я поступил бы так же.

- Ты доволен мной, отец?

- Я очень доволен тобой, - ответил он, потом обнял меня и, глядя прямо в глаза, спросил: - Но объясни мне, почему ты не убил ее?

- Не знаю, отец... Я был слишком измучен.

- Лучше бы ты убил ее. Впрочем, теперь уже поздно говорить, об этом. Но я тебя не корю за это. Мы все, вся семья гордимся тобой.

- Что же теперь будет, отец?

Он прошелся по комнате и со вздохом сказал:

- Здесь ты, конечно, оставаться не можешь. И в Иран тебе ехать нельзя. Тебя разыскивают полиция и две могущественные семьи. Будет лучше, если ты уедешь в Дагестан. Поживешь в каком-нибудь глухом ауле, где тебя никто не найдет. Ни полиция, ни армяне не посмеют сунуть туда нос.

- И до каких пор я останусь там?

- Ты пробудешь там долго, Али хан. До тех пор, пока полиция не закроет дело, а враждующие семьи помирятся со мной. Я навещу тебя.

Той же ночью в сопровождении надежной охраны я отправился в путь...

Здесь, в доме Кази Муллы я находился под надежным покровительством дагестанского гостеприимства. Жители аула знали, что я - кровник, и это придавало мне в их глазах ореол героя и мученика. Я был окружен незримой, но постоянной заботой хозяина дома и его домочадцев. Кто-то следил за тем, чтобы в моем кальяне табак всегда был смешан с анашой.

Курил я много, уносясь в волнах призрачных видений. Стараясь отвлечь меня, Кази Мулла без умолку болтал.

- Не засыпай, Али хан! Послушай, что я расскажу тебе. Ты знаешь историю Андалала?

- Андалала? - вяло повторил я.

- Да ты хоть знаешь, что такое Андалал? Знаешь ли ты, что шестьсот лет тому назад Андалал был большим и сильным селом. Правил здесь очень добрый, умный и храбрый хан. Но разве народ когда-нибудь ценит свое счастье? Не понравилось людям, что у них такой мягкий и добрый правитель, пришли они к хану и сказали: "Ты надоел нам, убирайся отсюда!" Горько стала хану слышать эти несправедливые слова, заплакал он, потом простился с родными, сел на коня и отправился в Иран. Там он поступил на службу к шаху и, благодаря своему уму, смог в скором времени достичь высокого положения. Шах очень ценил его советы и всегда прислушивался к ним. Хан же стал великим полководцем, покорил для шахской короны много земель. Но, несмотря на все почести и богатство, он не мог забыть несправедливости андалалцев, и обида на Андалал не унималась в его сердце. После

долгих размышлений он решил уговорить шаха совершить поход на Андалал, чтобы смести его с лица земли.

"Правитель Андалала богат золотом и несметными сокровищами, - сказал он шаху. - Если мы возьмем эту деревню, все богатство поступит в шахскую казну".

Шаху это предложение понравилось, он снарядил войско, сам встал во главе его, и двинулись они на Дагестан. Вот подошли иранцы к Андалалу, разбили у подножья гор лагерь и потребовали, чтобы жители села сдались.

"Вас больше, но вы - в долине, - отвечали им андалалцы, - а нас хоть и меньше, но мы на горе. Но сильней и вас, и нас - Аллах в небесах. На все его воля. Мы без боя не сдадимся".

На защиту своей деревни встал весь народ - и мужчины, и женщины, и дети. А в первых рядах обороняющихся сражались сыновья того самого хана. Храбро бились иранцы, но родная земля придавала андалалцам сил, опрокинули они противника, иранцы дрогнули, побежали. Впереди всех бежал доблестный шах, замыкал отступающее войско хан, который привел врагов.

Прошли годы. Хан старел, все сильней мучили его угрызения совести, и все сильней тянуло его в родную деревню, хотелось ему увидеть напоследок Андалал, покаяться перед земляками. Оставил он свой тегеранский дворец, приехал в Андалал. Но никто из андалалцев не захотел иметь дела с предателем. Бродил хан от дома к дому, но нигде не встретил ни сочувствия, ни понимания. Пришел тогда он к кази и говорит: "Я вернулся на родину, чтобы искупить свою вину. Пусть люди судят меня по законам предков".

Приказал кази созвать всех жителей деревни, связали хану руки, и кази объявил приговор:

"Этот человек совершил преступление, и по законам наших предков он должен быть похоронен заживо. Что вы скажете на это?"

"Да будет так!" - закричали люди.

Но кази был человеком справедливым.

"Хочешь ли ты сказать что-нибудь в свое оправдание?" - спросил он хана.

"Нет, - ответил тот. - Я виноват и готов принять смерть. Это очень хорошо, что в Андалале так свято чтут законы предков. Только почему же тогда вы забыли о другом законе, который гласит, что сын, поднявший меч на отца, должен быть казнен на его могиле? Разве не сражались против меня мои сыновья? Я требую справедливости. По закону и они должны быть казнены".

Услышали люди эти слова и зарыдали. И вместе со всеми плакал кази, потому что хоть и были сыновья хана самыми уважаемыми в Андалале людьми, но закон - есть закон, и он должен быть исполнен.

"Да будет так, - горестно воскликнул кази, и предатель Андалала был похоронен заживо, а гордость деревни - его доблестные сыновья обезглавлены на могиле отца..."

- Какая длинная и глупая сказка, - проговорил я недовольным голосом. Этот твой хан жил шестьсот лет тому назад, и к тому же был подлецом. Лучше расскажи что-нибудь поинтереснее.

Кази Мулла обиделся.

- А ты слышал про имама Шамиля? - сердито засопев, спросил он. - Я многое могу рассказать о нем. Это было недавно, всего пятьдесят лет назад. В те времена наш народ был счастлив. Мы не пили вина, не знали, что такое табак. Воров у нас почти не было, а если случалась кража, вору отрубали правую руку. Так мы и жили до тех пор, пока в наши горы не пришли русские. Когда они захватили Дагестан, имаму Шамилю явился Пророк и повелел объявить захватчикам газават. Под знамена Шамиля встал весь Кавказ, в том числе и наши чеченцы. Но русские были сильнее нас. Они убивали наших мужчин, сжигали села, вытаптывали поля. Отправились тогда наши старейшины к имаму просить его освободить чеченцев от клятвы. Но вместо имама они встретились с его матерью - Ханум, женщиной очень доброй, мягкосердечной.

"Я обо всем расскажу имаму, - пообещала Ханум. - Он должен освободить чеченцев от их клятвы".

Ханум была достойной, уважаемой женщиной, а имам - хорошим сыном. Но когда она передала имаму просьбу чеченцев, тот ответил:

"Коран велит казнить предателей. Но Коран запрещает также неповинование родителям, отказ в их просьбе. Я не знаю, как мне поступить. Я должен молить Аллаха наставить меня на путь истинный".

Три дня и три ночи провел имам в молитвах, а потом вышел к народу и объявил:

"Люди, слушайте волю Аллаха. Первый же человек, который заговорит со мной о предательстве, должен быть наказан плетьми. Первой об этом заговорила моя мать, и она будет наказана за это ста ударами плетью".

Солдаты увили Ханум, сорвали с нее чадру, бросили на ступени мечети. Но едва на ее плечи обрушился первый удар, Шамиль упал на колени и воскликнул:

"Закон Всевышнего нерушим. Никто не в силах отменить его. Но Коран дозволяет детям принять наказание за грехи родителей. - С этими словами имам сорвал с себя одежду, лег на ступени и приказал палачу: - Бей меня, и если я почувствую, что ты бьешь в пол силы, то велю отрубить тебе голову, не будь я Шамилем".

Девяносто девять ударов плетью получил Шамиль. Он лежал, истекая кровью, кожа на спине была разодрана в клочья. Народ в ужасе смотрел на своего имама, но никто отныне не осмеливался и помыслить о предательстве. Вот как мы жили пятьдесят лет назад, и народ наш был тогда счастлив.

Я молчал. Орла в небе уже не было видно. Смеркалось. На минарете маленькой мечети появился муэдзин. Кази Мулла расстелил коврики для намаза, и мы помолились, обратившись лицами к Мекке. Удивительно, до чего молитвы на арабском языке похожи на старинные боевые песни.

- Ступай, Кази Мулла. Ты --настоящий друг. А теперь дай мне поспать.

Он недоверчиво посмотрел на меня. Потом, пыхтя и охая, поворотил анашу в кальяне, вышел из комнаты. Я слышал, как он сказал соседу:

- Он очень болен!

- В Дагестане никто долго не болеет, - ответил сосед.

Я лежал на крыше и смотрел в пропасть.

Ну что, Нахараарян, как поживаются твои золотые слитки в Швеции?

Я закрыл глаза.

Почему Нино молчит? Почему она молчит?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мелко семеня, гуськом идут по деревне женщины и дети. На их лицах написаны усталость и напряжение. Они пришли издалека. В руках - торбы, они бережно прижимают их к груди, как драгоценнейшую ношу. В этих торбах земля, которую они накопали очень далеко отсюда, и навоз. За это богатство они отдали овец, серебро, ткани. Здесь, в горах, земля, принесенная из долины, взрастит пшеницу и накормит людей.

На небольших террасах скал отведены участки для посева, которые обносятся прочными кирпичными заборами. Иначе ураганные ветры и снежные лавины сметут тонкий слой земли. При особо сильных ветрах женщины укрывают землю одеялами. Поля здесь обычно небольшие, шага три в длину и четыре - в ширину. Сюда весной аккуратно засевается зерно. Летом же, когда наступает пора жатвы, мужчины еще затемно уходят в горы, долго молятся перед началом работы, а потом, обвязавшись прочными канатами, бережно срезают редкие колосья. Из перемолотых зерен женщины испекут гладкие, длинные чуреки, и в первый чурек, в благодарность земле за дарованное ею благо, они запекут серебряную монету.

Я шел вдоль забора одного из таких полей, когда навстречу мне вышел мужчина в широкой овчьеи папахе. Он толкал перед собой двухколесную арбу, издававшую

немилосердный, похожий на детский плач скрип. Звук этот был пронзительным и разносился далеко по горам.

- Брат мой, - сказал я ему. - Я выпишу из Баку мазут. Надо смазать колеса твоей арбы. Крестьянин в ответ усмехнулся.

- А зачем? Человек я простой, скрываться мне незачем. Любой может услышать приближение моей арбы. Для чего мне смазывать ее колеса? Так делают только абреки.

- Абреки?

- Ну да, абреки, беглецы, те, кто не могут жить среди людей.

- А разве много еще абреков?

- Достаточно. Все они - грабители и убийцы. Только одни делают это для блага народа, а другие - ради собственной выгоды. Но каждый абрек обязательно приносит страшную клятву.

- Что это за клятва?

Крестьянин оставил арбу, сел под забором, достал из хурджуна соленый овечий сыр, отломил, протянул кусок мне. Из сыра торчал застрявший там черный овечий волос.

- Так значит, ты не знаешь о клятве абреков? - начал крестьянин. Абрек в полночь приходит тайком в мечеть и произносит там такие слова: "Клянусь этим святым для меня местом, что отныне я - человек, отвергнутый людьми. Клянусь беспощадно убивать людей. Клянусь отнимать у людей все, что дорого их сердцам, чести и достоинству, клянусь убивать младенцев на груди матерей, жечь дома бедняков, приносить горе туда, где до сих пор царила радость. Если же я изменю своей клятве, если во мне заговорят любовь или жалость, пусть мне никогда не увидеть могил своих предков, да не утолит моей жажды вода, а голода - хлеб, да останется мой труп непогребенным и шелудивая собака осквернит его".

Крестьянин произносил эти слова серьезным и торжественным голосом, обратив лицо к небу, и глаза его были, как небо, голубыми и бездонными.

- Вот как клянутся абреки, - проговорил он после недолгого молчания.

- Каким же надо быть человеком, чтобы приносить такую клятву?

- Каким человеком, ты спрашиваешь? Человеком, совершившим самое страшное преступление.

Мы расстались, и я направился домой, томимый беспощадным солнцем и еще больше - бурей вопросов, вызванных разговором с крестьянином. Его спокойный голос, мерно произносящий эти страшные слова клятвы, все еще звучал в моих ушах.

Кто я такой? Не тот ли самый абрек, отвергнутый обществом и вынужденный скрываться в горах? Может быть, и мне прокрасться темной ночью в мечеть и принести там страшную клятву абреков?

Подойдя к дому, я увидел у ворот трех коней под седлом. Сбруя одного из них была отделана серебром. Во дворе сидел толстый парень. На поясе его поблескивал кинжал в позолоченных ножнах. При виде меня парень заулыбался, и я сразу узнал его. Это был Арслан ага, сын богатого нефтепромышленника. Мы учились с ним в одной гимназии, но Арслан ага был младше меня, и поэтому знакомы мы были мало. Однако сейчас я обнял его, как родного. Арслан ага покраснел от удовольствия.

- Вот, проезжал тут со слугами, дай, думаю, заверну по пути к тебе, смущенно пробормотал он.

Я дружески похлопал его по плечу.

- Будь моим гостем, Арслан ага. Закатим пир в честь нашей встречи? Кази Мулла! Готовь угощение, у меня гость из Баку!

Уже полчаса спустя Арслан ага сидел напротив меня и с аппетитом уписывал шашлык,

- Я очень рад видеть вас, Али хан. Вы, как герой, живете в далеком селе, скрываясь от кровных врагов. Можете быть спокойны, я никому не скажу, где вы находитесь.

Я мог быть спокоен. Весь Баку будет знать, где я нахожусь.

- Мне Сеид Мустафа сказал, где я могу вас найти. А потом оказалось, что эта деревня

как раз стоит на моем пути. Поэтому Сеид попросил меня передать вам привет.

- А куда вы едете, Арслан ага?

- В Кисловодск, на воды. Двое слуг сопровождают меня.

- Вот оно как! - засмеялся я.

Он ответил мне невиннейшей улыбкой.

- Скажите мне тогда, Арслан ага, почему же вы не поехали прямо поездом?

- Клянусь Аллахом, хотелось немного подышать горным воздухом. Поэтому я в Махачкале сошел с поезда и направился прямиком в Кисловодск.

- Но, кажется, дорога на Кисловодск в трех днях пути отсюда?

Арслан ага с притворным огорчением посмотрел на меня.

- В самом деле? Эх, значит, меня неверно информировали? Но я все равно рад, хоть вас навестил.

Этот дурачок проделал такую дорогу, чтобы увидеть меня и рассказать потом об этом дома. Если это действительно так, значит, я стал в Баку очень популярной личностью.

Я налил ему вина. Он большими, жадными глотками осушил бокал, а потом простодушно спросил:

- А скажите, Али хан, за это время вы никого больше не убили? Прошу, умоляю вас, скажите правду. Клянусь Аллахом, я никому не расскажу.

- Как это не убил? Убил, человек двадцать-тридцать.

- Нет, ради Аллаха, скажите правду!

Он пил, а я все подливал ему, подливал.

- А вы женитесь на Нино? В городе все только об этом и говорят. Говорят, вы все еще любите ее?

Он от всего сердца расхохотался и снова потянулся к бокалу.

- Знаете, мы все так удивились. Целыми днями только об этом и говорили.

- Не может быть! А что в Баку нового?

- В Баку? Ничего. Начали издавать новую газету. Рабочие бастуют. Учителя в гимназии говорили, что вы всегда были таким жестоким. Но скажите, как вы узнали обо всем?

- Дорогой Арслан, друг мой, довольно вопросов. Теперь моя очередь. Вы видели Нино? А кого-нибудь из Нахаарянов? Что делают Кипиани?

Бедняга чуть не подавился куском мяса.

- Клянусь Аллахом, не знаю, ничего не знаю. Я никого не видел. Потому, что очень редко выходил на улицу.

- Почему, друг мой? Вы болели?

- Да, да, - радостно подтвердил он. - Болел. Причем очень сильно. Я заразился дифтерией. Представьте себе, мне делали по пять уколов в день.

- Против дифтерии?

- Да.

- Пейте, Арслан ага. Вино полезно для здоровья.

Он выпил.

- Друг мой, - проговорил я, склоняясь над ним, - скажите, когда вы в последний раз говорили правду?

Он поднял на меня прозрачно-невинный взгляд.

- В гимназии, - совершенно искренне сознался вдруг он, - когда отвечал, сколько будет трижды три.

Этот простак был пьян в стельку. Я решил воспользоваться этим и устроил ему форменный допрос. Вино было сладким, Арслан ага - еще очень молодым, и мне ничего не стоило выпытать у него, что приехал он ко мне из любопытства, что никогда дифтерией не болел и в курсе всех бакинских сплетен.

- Нахааряны хотят убить тебя, но выжидают удобного случая. Они не спешат... Я иногда заходил к Кипиани. Нино долго болела. Потом ее возили в Тифлис. Сейчас она

вернулась. Я видел ее на балу у губернатора. Знаешь, она пила вино, как воду, и беспрерывно смеялась. А танцевала только с русскими. Родители хотят отправить ее в Москву, а она не хочет. Каждый день гуляет по городу, и все русские влюблены в нее... Ильяс бек награжден орденом. Мухаммед Гейдар тоже ранен... У Нахарарянов сгорела вилла. Ходили слухи, будто ее подожгли твои друзья... Да, еще... Нино купила собаку и каждый день беспощадно избивает ее. Никто не знает, как она назвала эту собаку. Одни говорят - Али хан, другие - Нахарарян. А мне кажется, что она зовет собаку Сеид Мустафа... Видел и твоего отца. Он сказал, что изобьет меня, если я буду продолжать сплетничать... Кипиани купили дом в Тифлисе. Может быть, переселятся туда насовсем.

Я с сожалением посмотрел на него.

- Что же из тебя выйдет, Арслан ага?

Он пьяно взглянул на меня и ответил:

- Падишах.

- Что?

- Я хочу стать падишахом в какой-нибудь прекрасной стране. Хочу, чтоб у меня было много солдат.

- А потом?

- Потом хочу умереть.

- Почему?

- Хочу уничтожить свое царство и умереть!

Я засмеялся, и это, кажется, его обидело.

- Подлецы, засадили меня на три дня в карцер.

- Где? В гимназии?

- Да, и знаешь, за что? За то, что я написал статью в новую газету. А статья была о жестоком обращении с учениками в гимназии. Клянусь Аллахом, такой поднялся переполох!

- Эх, Арслан ага, разве станет порядочный человек писать статьи в газетах?

- Станет. Увидишь, я вернусь и напишу статью о тебе. Только имени не назову, потому что, во-первых, не люблю называть имен, а во-вторых, я твой друг. А статью назову так: "Бегство от кровного врага, или о Достойных сожаления обычаях в нашей стране".

Он допил бутылку, а потом повалился на тюфяк и тут же уснул мертвым сном. В комнату вошел его слуга и укоризненно посмотрел на меня. Его взгляд словно говорил: "Ну, не стыдно ли, Али хан, спаивать такого благовоспитанного мальчика?"

Я вышел из комнаты. До чего же омерзителен этот Арслан ага! Во всяком случае, половина из того, что он мне наговорил, - наглая ложь. С чего бы это Нино стала избивать бедную собаку? Интересно, как же она ее назвала?

Спустившись по сельской дороге, вниз, я присел на камень. Со всех сторон меня окружали угрюмо, нависавшие скалы. Что хранят они в своих морщинах? Прошлое? Людские страсти? Звезды в ночном небе напоминали огни Баку. В моих зрачках отражались тысячи лучей, идущих из бесконечности. Час ли, два ли просидел я так, устремив взгляд в небеса.

"Значит, она танцует с русскими?!"

И вдруг во мне проснулось острое желание вернуться в город и завершить кошмар той роковой ночи.

Мимо с шуршанием пробежала ящерица. Я поймал ее и ощущил, как бьется в моей ладони ее охваченное ужасом смерти сердце. Я осторожно погладил ее холодную кожу. Поднес к лицу и взгляделся в выпученные от страха глазки. Древний зверек с огрубевшей от старости кожей походил на оживший вдруг камень.

- Избить тебя, Нино?- спросил я, обращаясь к ящерице, и вспомнил рассказ Арслана ага о собаке Нино. - Только... как же может человек избить ящерицу?

Вдруг зверек на мгновение открыл пасть. Оттуда высунулся и тут же снова исчез раздвоенный язычок. Я засмеялся. Язычок был нежный и тонкий. Я разжал ладонь, и

ящерица мгновенно исчезла во тьме между камнями.

Когда я вернулся домой, Арслан ага еще спал. Голова его покоилась на коленях заботливого слуги.

Я поднялся на крышу и до самого утреннего намаза курил анашу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Не знаю, как это произошло, но в один прекрасный день я проснулся и увидел стоящую передо мной Нино.

- Однако ты здесь обленился, Али хан, - сказала она, присаживаясь на край тюфяка, - к тому же хранишь во сне, это тебе не идет.

- Это из-за анаши, - хмуро ответил я, еще плохо соображая, что происходит.

Нино покачала головой.

- Тогда прекрати курить ее.

- Как ты можешь избивать свою собаку, бессердечная?

- Собаку? А! Я держу ее за хвост левой рукой, а правой так хлещу, что...

- А как ты называешь ее при этом?

- Килиманджаро, - спокойно ответила Нино.

Я протер глаза, и вдруг все отчетливо предстало передо мной: Нахаарян, карабахский гнедой, залитая лунным светом мардакянская дорога, сидящая на коне Сеида Нино.

Нино! Только теперь я окончательно проснулся.

- Нино! - воскликнул я и вскочил на ноги. - Как ты здесь очутилась?

- Арслан ага рассказывает по всему городу, что ты хочешь убить меня. Я услышала это и тут же приехала сюда.

В ее глазах стояли слезы.

- Если бы ты знал, как я соскучилась по тебе, Али хан.

Мои пальцы тонули в ее густых волосах, губы приникли к ее губам, они дрогнули, раскрылись, одурманивая, лишая рассудка.

Я бросил ее на постель, одним движением сорвав с нее платье, бесконечно долго ласкал ее, упиваясь нежностью и ароматом ее кожи. Нино взволнованно дышала, глядя мне в глаза. Ее маленькие груди трепетали в моих ладонях. Я крепко сжал Нино в объятиях. Она обвила мою шею тонкими руками и застонала. Мы лежали, плотно прижавшись друг к другу, и я ощущал каждое ребрышко ее худенького тела.

- Нино! - прошептал я, пряча лицо на ее груди.

Казалось, какая-то таинственная, непостижимая сила заключалась в этом слове. Стоило мне произнести его и реальность куда-то отступила, остались лишь большие грузинские глаза, полные слез, и все - страх, радость, любопытство и мгновенная острые боль - отразилось в них.

Нино не заплакала. Лишь, будто устыдившись своей наготы, натянула на себя одеяло, прижалась ко мне лицом. Осторожно, словно боясь испугать ее, я поднял одеяло и лег рядом. Нино порывисто прижалась ко мне, и была в этом порыве жажды земли, истосковавшейся по дождю.

...Время остановилось...

...Мы лежали друг подле друга, измученные и счастливые.

- Теперь я возвращаюсь домой, - сказала вдруг Нино, - потому что вижу, ты совсем не собираешься убивать меня.

- Ты приехала сюда одна?

- Нет, меня привез Сеид Мустафа. Он сказал, что привезет меня к тебе, но если я буду мучить тебя, то сам меня убьет. Вот он, сидит во дворе с пистолетом в руке. Можешь позвать его, если я тебя разочаровала.

Но я не стал звать Сеида Мустафу, а вместо этого поцеловал Нино.

- Ты для этого приехала сюда?

- Нет, - просто сказала она.

- Тогда объясни мне кое-что.
- Что?
- Почему в ту ночь, сидя на коне Сеида, ты не произнесла ни слова?
- Из гордости.
- А сейчас почему ты здесь?
- Тоже из гордости...

Я взял ее руку и стал нежно перебирать тонкие пальчики.

- А Нахаарян?

- Нахаарян? - тихо переспросила Нино. - Не думай, что он увез меня против моей воли. Я знала, что делала, и считала, что поступаю правильно. Потом я поняла, что ошиблась, но это не снимает с меня вины. Во всем была виновата я, и я должна была умереть. Вот почему я тогда молчала, поэтому и сейчас я приехала сюда. Теперь ты знаешь все.

Я благодарно поцеловал ее теплую ладонь. Нино говорила правду, хоть и знала, что эта правда может ей дорого обойтись.

Она встала, грустно, словно прощаясь, обвела взглядом комнату.

- Теперь я вернусь домой, - проговорила она. - Тебе совсем не обязательно жениться на мне, - напряженно улыбаясь, добавила она, - я уезжаю в Москву.

Я подошел к двери, приотворил одну створку. Сеид Мустафа все так же сидел, поджав ноги, и поигрывал пистолетом. Талию, его обтягивал неизменный зеленый пояс.

- Сеид, - громко сказал я, - позови сюда муллу и одного свидетеля. Через час я женюсь.

- Муллу звать ни к чему, - отозвался мой друг, - я сам женю вас, у меня есть такое право. Нужны будут только два свидетеля.

Я закрыл дверь. Нино сидела на кровати, рассыпав по плечам густые черные волосы.

- Подумай, что ты делаешь, Али хан, - смеясь, сказала она. - Ты женишься на распутной женщине.

Я лег рядом с ней, и мы крепко обнялись.

- Ты, в самом деле, хочешь жениться на мне? - прошептала она.

- Да, если ты согласишься стать моей женой... Потому что я теперь кровник, и врачи ищут меня.

- Знаю. Но сюда они не доберутся. Давай останемся здесь.

- Что ты говоришь, Нино? Ты хочешь остаться здесь? В этой дыре, без дома, без услуг?

- Да, - отвечала она. - Я хочу остаться здесь. И ты должен оставаться здесь. Я стану вести хозяйство, печь хлеб и буду тебе хорошей женой.

- А не соскучишься?

- Нет, - ответила Нино. - Ведь мы будем спать под одним одеялом.

В дверь постучали. Я оделся. Нино накинула мой халат. В комнату вошел Сеид Мустафа в сопровождении двух свидетелей. Сеид уселся на пол, достал из-за пояса бронзовую чернильницу, на крышке которой было выгравировано: "Лишь путем, указанным Аллахом". Положив на левую ладонь лист бумаги. Сеид обмакнул в чернила камышовое перо и красивым, торжественным шрифтом вывел: "Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного". Потом он обратил лицо ко мне.

- Ага, как ваше имя?

- Али хан, сын Сафар хана из рода Ширванширов.

- Какого вы вероисповедания?

- Я - мусульманин. Принадлежу к шиитской секте имама Джадара.

- Каково ваше желание?

- Я хочу жениться на этой женщине.

- Ханум, как ваше имя?

- Я - княжна Нино Кипиани.

- Какого вы вероисповедания?

- Я принадлежу к греко-православной церкви.
- Каково ваше желание?
- Я хочу стать женой этого мужчины.
- Вы намерены сохранить свою веру или желаете принять веру супруга?

Нино мгновение колебалась, потом подняла голову и гордо и решительно ответила:

- Я намерена сохранить свою веру.

Сеид записал ее ответ. Бумага ловко скользила в его ладони, покрываясь затейливой вязью арабских букв. Наш брачный договор был готов.

- Подпишитесь, - велел Сеид.

Я поставил свою подпись.

- Какое имя мне следует написать? - спросила Нино.

- Новое.

Она крепко сжала перо и уверенно вывела: "Нино ханум Ширваншир". Затем наступила очередь свидетелей, после чего Сеид Мустафа вытащил свою печать и приложил ее к договору. "Раб божий Хафиз Сеид Мустафа Мешеди".

Он подал документ мне, потом обнял меня и прошептал на персидском:

- Али хан, я - плохой человек. Но Арслан ага сказал, что ты в горах погибнешь без Нино. Я не мог допустить этого. Это было бы грехом. И Нино умоляла меня привезти ее сюда. Если то, что она говорила, правда, люби ее. Если нет, мы завтра же убьем ее.

- Она, конечно же, солгала, Сеид Мустафа, но пусть живет, не будем убивать ее.

Сеид растерянно взглянул на меня и засмеялся.

А через час мы торжественно выбросили в пропасть мой кальян. На этом завершилась наша свадебная церемония.

Так, совершенно неожиданно для меня жизнь снова заблисталась всеми своими красками. Она была прекрасна. Прекрасней, чем когда бы то ни было.

Когда я шел по улице, и встречные улыбались мне, я улыбался им в ответ, потому что был счастлив. Чувствовал я себя превосходно, и мне хотелось всю оставшуюся жизнь провести на нашей крыше вдвоем с Нино.

Моя жена разгуливала по дому в красных дагестанских шальварах и ничем не отличалась от остальных женщин аула. Глядя на нее, никто бы не подумал, что эта женщина привыкла жить, думать и поступать иначе. В деревне не принято было держать слуг, поэтому и Нино наотрез отказалась от прислуги. Она готовила обед, болтала с соседками, а потом пересказывала мне все деревенские сплетни.

Я же проводил дни на охоте, возвращался домой с добычей и ел только то, что готовила мне Нино.

Дни наши протекали так: рано утром я наблюдал, как Нино, босая, с кувшином в руке шла за водой. Потом она возвращалась, осторожно ступая босыми ступнями по острым камням, и несла на правом плече кувшин, обвив его тонкой рукой. До сих пор она всего только раз споткнулась, выронив кувшин, после чего долго плакала, переживая свой позор, а соседские женщины утешали ее.

Так каждое утро вместе с остальными женщинами деревни Нино ходила за водой. Они гуськом поднимались в гору, и я издали видел босые ступни Нино. Она напряженно смотрела только вперед. Я тоже смотрел куда угодно, только не ей в лицо. Нино хорошо усвоила законы горцев. А один из этих законов гласил: женщина при посторонних никоим образом не должна выявлять свою любовь.

Нино входила в полутемный домик, закрывала дверь, подавала мне воды умыться, потом приносила хлеб, сыр, мед, и мы как истинные сельские жители ели все это руками. Мы сидели на полу - Нино очень быстро научилась сидеть по-турецки. После еды она облизывала пальцы, сверкая жемчужно-белыми зубками.

- По здешним обычаям, - говорила она потом, - теперь я должна вымыть тебе ноги. Но так как мы здесь одни, и на реку ходила я, вымой лучше ты мне.

Я погружал в воду эти маленькие, забавные игрушки, которые она называла своими ногами, она по-детски шлепала ступнями, и вода брызгала мне в лицо. Потом мы поднимались на крышу. Я садился на тюфяк, Нино вытягивалась у моих ног. Иногда она мурлыкала какую-нибудь песенку, иногда же молчала, обратив ко мне свой лик мадонны. По ночам она спала, свернувшись в клубок, как маленький зверек.

- Али хан, ты счастлив? - спросила она однажды.

- Очень. А ты? Не хочешь вернуться в Баку?

- Нет, - серьезно ответила она. - Я хочу доказать, что могу служить своему мужу и делать все, что делают азиатские женщины.

Когда керосиновая лампа гасла, Нино ложилась подле меня и, глядя в темноту, начинала разговаривать сама с собой. Ее волновало многое: сколько ли чеснока надо было положить в жаркое из баранины? Была ли любовная связь у Руставели с царицей Тамарой? Что она здесь будет делать, если у нее внезапно разболятся зубы? За что вчера соседка била мужа веником?

- Сколько в жизни тайн, - шептала она, засыпая.

А по ночам она вдруг садилась в постели, трогала меня за локоть, гордо и хвастливо заявляла: "Я - Нино!" и снова засыпалась, а я укрывал ее нежные плечи. "Ты достойна лучшей жизни, Нино", - думал я.

Как-то я поехал в расположенный неподалеку городок Гунзах. Купил там керосиновую лампу, лютню, шелковый платок для Нино и граммофон... При виде граммофона Нино запрыгала от радости.

К сожалению, в Гунзахе нашлись всего две пластинки. На одной был записан танец горцев, а на другой - ария из "Аиды". Мы слушали их целыми днями и заслушали до того, что обе мелодии слились для нас в одно целое.

Изредка приходили вести из Баку. Родители Нино умоляли нас уехать в одну из цивилизованных стран, грозя в противном случае лишить своего благословения. Один раз приехал отец Нино. Увидев жилище своей дочери, князь пришел в ужас.

- О боже, что это такое? Немедленно уезжайте отсюда! Нино заболеет в этой глупи!

- Я еще никогда не была такой здоровой, как сейчас, отец, - ответила Нино. - Мы не можем уехать отсюда. Ведь я не хочу оставаться вдовой.

- Но есть же и другие страны, куда Нахарааряны не смогут добраться. Например, Испания...

- А как можно попасть в Испанию, батюшка?

- Через Швецию.

- Я не хочу никуда ехать через Швецию, - отрезала Нино.

Князь уехал ни с чем. Каждый месяц он присыпал белье, сдобные булочки, книги. Все, кроме книг, Нино раздавала людям в деревне.

Однажды к нам приехал и мой отец. Нино встретила его с застенчивой улыбкой. Так, будучи еще лицейской, она улыбалась при посторонних.

- Ты готовишь обед?

- Да.

- И воду носишь?

- Да.

- Я устал с дороги, можешь вымыть мне ноги?

Нино тут же принесла тазик и вымыла отцу ноги.

- Спасибо, - сказал отец и, вытащив из кармана ожерелье из розового жемчуга, надел Нино на шею. Потом он стал есть.

- Али хан, - сказал отец после еды, - у тебя хорошая жена, но плохая кухарка. Я пришлю тебе кухарку из Баку.

- Прошу вас, не делайте этого, - воскликнула Нино, - я хочу сама прислуживать мужу.

Отец рассмеялся, а потом прислал Нино из Баку бриллиантовые сережки.

Жизнь в деревне была спокойной. Лишь однажды Кази Мулла прибежал к нам с важным сообщением, что на краю деревни поймали неизвестного человека. Говорят, этот, человек армянин, и к тому же вооружен. Вся деревня сбежалась поглязеть на пойманного. Я был здесь гостем, и моя смерть легла бы несмываемым позором на каждого жителя деревни. Мне тоже захотелось взглянуть на пойманного. Да, это был армянин, но никто не мог бы со всей определенностью утверждать, принадлежал ли неизвестный к роду Нахарапян. Совет старейшин деревня принял решение избить этого человека и изгнать его из села. Если он из рода Нахарапян, то расскажет и другим о том, что с ним здесь, произошло. Если же он не имеет к Нахарапянам, никакого отношения, тогда Аллах, видя добрые намерения крестьян, простит им этот грех.

Где-то на другой планете шла война, ни мы о ней никаких известий не имели. Горы были полны легенд о временах Шамиля. Время от времени друзья присыпали газеты, но я их не читал.

- Ты еще не забыл, что идет война? - спросила меня как-то Нино.

- В самом деле, - рассмеялся я, - чуть было не забыл. Прекрасней жизни и представить было невозможно. Это был подарок Аллаха Али хану.

А потом я получил письмо. Его доставил какой-то человек, прискакавший на взмыленном коне. На конверте было написано: "Али хану от Арслан ага".

- Что ему надо? - удивилась Нино.

- Вам много писем, но они еще идут, - сказал посыльный, - Арслан ага щедро заплатил мне за то, чтобы эту новость вы узнали от него первого.

"Кончилась наша сельская идиллия", - подумал я, распечатывая конверт.

"Во имя Аллаха милостивого и милосердного!"

Здравствуй, Али хан!

Как ты живешь? Как твои кони, вино, бараны и люди, с которыми ты живешь? Я живу хорошо, и с моими конями, вином и людьми, слава Аллаху, все благополучно.

Хочу сообщить тебе, что в нашем городе произошло важное событие. Заключенные вышли из тюрьмы и разгуливают теперь по улицам. Знаю, ты спросишь: а как же полиция? Так знай же, что теперь полицейские сидят на месте бывших заключенных. В тюрьме у моря. А солдаты? Никаких солдат нет. Представляю, ты сейчас качаешь головой и думаешь - как же допускает подобное губернатор? Так вот. К твоему сведению - наш мудрейший губернатор вчера бежал из города. Надоело ему управлять этими болванами, вот он и сбежал. После него осталась только пара штанов и старая кокарда.

А вот теперь ты, наверное, смеешься, Али хан, и думаешь, что я вру. Как это ни удивительно, мой друг, но на этот раз я говорю чистую правду. Тогда ты, наверное, спросишь - почему же в таком случае царь не присыпает в город новых полицейских и нового губернатора? Так знай же - царя больше не существует.

Я еще не знаю, как все это называется, но вчера мы поколотили директора гимназии, и нам никто не мешал делать это.

Я - твой друг, Али хан и поэтому, зная, что многие будут писать тебе, хочу сообщить об этом первым. Все Нахарапяны сбежали, а полиции больше не существует. Желаю тебе здоровья и счастья.

Твой друг и раб Арслан ага".

Я поднял голову и посмотрел на побледневшую Нино.

- Али хан, путь свободен, - дрогнувшим голосом проговорила она.

- Мы возвращаемся домой, домой! - возбужденно повторяла она, сияя от счастья, а потом бросилась мне на шею и разрыдалась.

- Да, конечно, Нино, мы возвращаемся...

Я был счастлив не меньше моей жены, но к этому счастью примешивался оттенок грусти.

Скалы высались вдали во всем своем великолепии. Пчелиные соты домиков.

Невысокий минарет, стоявший посреди деревни, как молчаливое предостережение. Наша сельская идиллия подошла к концу...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На лицах людей радость и страх. Улицы пестрят транспарантами с бессмысленными лозунгами. Вчерашние базарные торговки теперь митингуют на каждом перекрестке, требуя свободы рабам. Фронт развален. Великий князь исчез, город наводнили солдаты в драных шинелях. По ночам слышалась перестрелка, а днем - грабили магазины.

Нино внимательно изучала атлас.

- Я ищу спокойную страну, - говорила она, водя пальцем по карте.

- Может, уедем в Москву или Петербург? - насмешливо спросил я.

Она в ответ презрительно передернула плечами и ткнула пальцем в Норвегию.

- Конечно, это тихая страна, - задумчиво проговорила она, - но как мы можем туда добраться?

И Нино тяжело вздохнула.

- Да, туда нам не добраться. А как насчет Америки?

- В океане полно подводных лодок, - язвительно заметил я.

- Индия, Испания, Китай, Япония?

- Там или воюют, или это слишком далеко.

- Мы в западне, Али хан!

- Ты все верно поняла, Нино. Пытаться куда-то бежать не имеет смысла. Мы должны оставаться здесь и стараться обеспечить порядок до прихода турков.

- Ну почему я вышла замуж за героя, - с притворным негодованием воскликнула Нино.

- Господи, митинги! Если так будет продолжаться и дальше, я сбегу к твоему дяде в Иран.

- Так долго продолжаться не может, - ответил я и ушел.

В зале Исламского благотворительного общества шло собрание. Выступали те же самые господа, которые некогда у нас дома так пеклись о судьбе народа.

В дверях я столкнулся с Ильяс беком. После отречения царя от престола они с Мухаммедом Гейдаром вернулись с фронта домой. Война явно пошла на пользу моим друзьям, теперь это были люди, повидавшие ад, и, судя по всему, увиденное оставило в их душах глубокий след.

- Мы должны что-то предпринять, - сказал мне Ильяс бек. - Враг стоит у самого города.

- Да, нам следует защищаться.

- Нет, нам следует атаковать!

С этими словами Ильяс бек взошел на трибуну.

- Мусульмане! - воскликнул он. - Я хочу еще раз объяснить вам, какая ситуация сложилась в городе. С началом революции фронт развалился. Русские с оружием в руках стоят у города, полные решимости начать грабежи. В настоящее время в Баку всего одно мусульманское воysковое соединение. Это наша добровольческая "Дикая Дивизия". Но мы уступаем русским и в численности, и в вооружении. Вторая войсковая часть, расквартированная в городе, - это боевые подразделения армянской националистической партии "Дашнакцутюн". Лидеры этой партии - Лалай и Андроник заключили с нами соглашение. Они создают ополчение из армянского населения Баку и направляют его в Карабах и Армению для защиты этих земель. Мы дали согласие на создание этого ополчения и его поход в Армению. Взамен этого армяне готовы объединиться с нами и предъявить русским ultimatum. Мы требуем, чтобы русская армия и беженцы впредь не проходили через наш город. Если русские отклонят наши требования, мы в союзе с армянами будем в состоянии добиться своего военным путем. Мусульмане, записывайтесь в "Дикову дивизию" и беритесь за оружие! Враг у ворот города!

Я внимательно слушал Ильяс бека. От его речи пахло войной и кровью.

Вот уже несколько недель, как во дворе казармы я учился стрелять из пулемета, и сейчас представлялась возможность применить свои знания на деле.

Мухаммед Гейдар стоял рядом со мной и поигрывал своим патронташем. Я наклонился и прошептал ему:

- После собрания зайдите с Ильяс беком ко мне. Сеид Мустафа тоже будет у нас. Надо обсудить ситуацию.

Он кивнул в ответ. Услышав, что у нас будут гости, Нино, как истинная хозяйка, принялась заваривать чай, и к приходу моих друзей все было готово.

Они явились при полном вооружении. Даже на зеленом поясе Сеида Мустафы висел кинжал.

Странное, необъяснимое спокойствие владело нами. Город накануне сражения казался строгим, хмурым и потому чужим. Правда, те же самые люди все еще торговали на улицах или просто прогуливались, но теперь в их движениях, поступках, жестах ощущался какой-то нереальный, кошмарный оттенок. Они словно понимали, что эти их будничные занятия в скором времени будут казаться совершенно бессмысленными.

- У вас достаточно оружия? - спросил Ильяс бек.

- Пять винтовок, восемь пистолетов, один пулемет и боеприпасы к ним. Кроме того, в доме есть подвал, где можно будет укрыть женщин и детей.

- Я в подвал не пойду, - твердо сказала Нино. - Я тоже буду защищать свой дом.

В голосе Нино звучала обида.

- Мы будем стрелять, Нино, а вы - перевязывать раненых, - спокойно ответил Мухаммед Гейдар.

Нино опустила глаза, пытаясь скрыть от посторонних бушевавшую в них ярость.

- О, Господи, улицы города станут полем сражения, - глухим голосом проговорила она, - театр превратится в штаб... Скоро пройтись по Николаевской станет трудней, чем уехать в Китай! А для того, чтобы попасть в лицей святой Тамары, придется либо изменить мировоззрение, либо же вступить в бой с целой армией. Я уже вижу, как вы ползете по Губернаторскому саду и устанавливаете пулемет у бассейна, где мы когда-то встречались с Али ханом... Как все стало странно!

- Боя не будет, - уверенно сказал Ильяс бек. - Русские примут наш ultimatum.

Мухаммед Гейдар горько рассмеялся.

- Совсем забыл: по дороге сюда я встретил Асадуллу. Он сказал мне, что русские не приняли нашего ultimatum. Они требуют, чтобы мы сдали оружие. Я лично своего оружия сдавать не намерен.

- Для нас и наших союзников-армян это означает сражение, - сказал Ильяс бек.

Нино молчала, отвернувшись к окну. Сеид Мустафа растерянно поправил свою эммаме.

- О Аллах, Аллах! Я никогда не был в, бою. И я не так умен, как Али хан. Но я хорошо знаю шариат. Мусульманин в бою не должен рассчитывать на верность христиан. Вообще, дурно полагаться на кого-либо. Так гласит шариат, и такова жизнь. Кто командует армянскими отрядами? Степа Лалай! Вы же прекрасно знаете, кто это такой. В 1905 году мусульмане убили его родителей, и я не верю, что он может это забыть. Я вообще не верю, что армяне будут воевать на нашей стороне против русских. Ведь кто такие эти русские? Жалкие оборванцы, анархисты, бандиты. И руководит ими тоже армянин - Степан Шаумян. А армянские националисты скорей договорятся с армянскими анархистами, чем с азербайджанскими националистами. Все это ясно, как Коран.

- Сеид, - возразила Нино, - если победят русские, то не поздоровится ни Лалаю, ни Андронику.

Мухаммед Гейдар расхохотался.

- Простите меня, - сказал он потом в ответ на наши удивленные взгляды, - только я сейчас подумал: а что будет с армянами, если победим мы? Если турки войдут в Армению, мы же не станем защищать ее...

- К чему сейчас говорить об этом! - рассердился Ильяс бек. - Это даже не подлежит обсуждению. Армянский вопрос будет решен легко и просто: батальоны Лалая уйдут в

Армению. Вместе с солдатами уйдут и их семьи. Таким образом, в Баку через год не останется армян. У них будет свое государство, а у нас - свое. Мы будем жить, как соседи...

- Ильяс бек, - не выдержал я. - Сеид совершенно прав. Не забывайте о голосе крови. Степа Лалай должен быть последним подлецом, чтобы забыть о родителях, убитых мусульманами, и не попытаться отомстить за них.

- Или же он должен быть политиком, Али хан. Он должен быть человеком, который подавит в себе чувство мести, чтобы спасти свой народ от уничтожения. Если он человек умный, то перейдет на нашу сторону. Это принесет пользу и ему самому, и его народу.

Мы проспорили, до темноты.

- Будьте, кем хотите, - вмешалась, наконец, Нино, - будьте политиками, будьте - простыми людьми. Я прошу лишь об одном: возвращайтесь через неделю живыми и здоровыми. Потому что если в городе начнутся бои...

Она не договорила.

Ночью Нино легла рядом со мной, и я видел, что она не спит. Она лежала, устремив взгляд в окно, ее влажные губы были слегка приоткрыты. Я обнял ее. Она повернулась ко мне и прошептала:

- Ты тоже будешь воевать, Али хан?

- Конечно, Нино.

- Конечно, ты будешь воевать, - повторила она, потом, ни слова не говоря, обхватила мое лицо руками, прижалась ко мне всем телом, и, широко раскрыв глаза, подставила губы. Льющее ко мне тело было охвачено страстью. Нино все жарче прижималась ко мне, и в ее объятиях ощущались желание и страх. На лице лежал отсвет какого-то иного мира, куда дорогу знала лишь она.

Запрокинув голову, она крепко стиснула в ладонях мое лицо и совсем тихо прошептала:

- Я назову ребенка Али.

Потом опять замолчала и снова устремила в окно тревожный и задумчивый взгляд.

В бледном свете луны старинный минарет был похож на тонкую красивую чинару. Мрачной грозной громадой лежали тени крепостных стен. Откуда-то издали доносился звон металла - кто-то точил свой кинжал. Это был уже голос завтрашнего дня, предвестник нашего будущего.

Вдруг зазвонил телефон. Я поднялся, подошел в темноте к телефону и снял трубку. Звонил Ильяс бек.

- Армяне заключили союз с русскими. Они требуют полного разоружения мусульман. Срок до трех часов завтрашнего дня. Мы их условий, конечно же, не примем. Ты с пулеметом займешь позицию на крепостной стене, по левую сторону от ворот Цицианишивили. Я пришлю к тебе еще двадцать человек. Подготовь все для защиты ворот.

Я повесил трубку, Нино сидела на кровати и вопросительно смотрела на меня. Я взял кинжал и проверил его лезвие.

- Что произошло, Али хан?

- Враг у крепостных ворот.

Я оделся и позвал слуг. Это были сильные, высокие, широкоплечие люди. Я раздал им винтовки и прошел в комнату отца. Он стоял перед зеркалом, и слуга чистил ему черкеску.

- Где твоя позиция, Али хан?

- У ворот Цицианишивили.

- Очень хорошо. Я буду в штабе, в зале Исламского благотворительного общества. - Он нацепил на пояс саблю и, разгладив усы, продолжал. - Будь смелым, Али хан. Действуй решительно. Враги не должны попасть в крепость. Если они займут площадь перед воротами, перекрой им дорогу пулеметным огнем. Асадулла приведет крестьян и на Николаевской атакует противника с тыла. - Он положил в карман пистолет и устало добавил:

- В восемь уходит последний корабль в Иран, Нино обязательно должна уплыть на нем.

Потому что если победят русские, они обесчестят всех женщин.

Я вернулся к себе. Нино говорила по телефону.

- Нет, мама, я остаюсь здесь. Нет, нет, никакой опасности нет. Спасибо, папа, не беспокойся, продуктов у нас достаточно. Да, спасибо. Только прошу, оставьте меня в покое. Отстаньте от меня! Нет, не приду! Повторяю, не хочу приходить, не приду! - крикнула она и бросила трубку.

- Ты права, Нино, - сказал я. - Потому что у отца ты не будешь в безопасности. В восемь в Иран уходит последний пароход. Собирайся.

Ее лицо залилось краской.

- Ты гонишь меня, Али хан?

Еще ни разу я не видел Нино такой.

- В Тегеране ты будешь в безопасности, Нино. Если мы потерпим поражение, они обесчестят всех женщин.

Она взглянула мне в лицо и твердо сказала:

- Никто не сможет обесчестить меня! Будь спокоен, Али хан.

- Уезжай в Иран, Нино. Еще не поздно.

- Довольно об этом, Али, - серьезно ответила она. - Я очень боюсь. Боюсь врагов, боюсь предстоящего боя, всех ужасов, которые ожидают нас впереди. Но все-таки я остаюсь здесь. Я знаю, что не смогу помочь тебе, но хочу быть рядом. Я должна остаться здесь, вот и все.

Я радостно поцеловал ее в глаза. Нино хоть и спорила со мной, но все-таки была хорошей женой.

Я вышел из дома, когда еще только начинало светать. На улицах царил хаос, пыль стояла столбом.

Мои слуги залегли у каменных бойниц на крепостной стене. Тридцать человек, присланных Ильяс беком, заняли позиции со стороны опустевшей Думской площади. Их загорелые, усатые лица были серьезны. Они лежали молча, полные спокойного достоинства. Вокруг все затихло. Лишь вестовые пробегали по крепостным стенам, принося очередной приказ из штаба. Где-то там, теперь уже далеко от нас представители духовенства и аксакалы пытались в последний момент совершить чудо и добиться мирного исхода.

Взошло солнце. Я оглянулся на свой дом и увидел сидевшую на крыше Нино. Лицо ее было обращено к солнцу.

Днем она принесла нам еду и вплоть до самого ухода стояла молча, как тень, с ужасом глядя по сторонам.

В час дня с минарета прозвучал заунывный и торжественный голос Сеида Мустафы, призывающий мусульман к молитве. Пропев азан, Сеид, волоча за собой винтовку, пришел к нам. На поясе его висел Коран.

Я выглянул по ту сторону крепостной стены на Думскую площадь. Тишина, лишь густой столб пыли и несколько спешащих перепуганных прохожих. Какая-то женщина в чадре, бранясь, бежала за выскочившими на площадь мальчишками.

Один... Два... Три...

Бой часов на здании городской управы разорвал тишину.

И с последним ударом распахнулись ворота в иной мир, стоявший у порога нашего города.

Зазвучали первые выстрелы...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ночь была безлунной. Парусная лодка медленно покачивалась на волнах. Горько-соленые брызги летели в лодку. В ночной темноте черный парус трепетал, как крыло гигантской птицы.

Я лежал на мокром дне лодки, завернувшись в бурку. Рулевой с широким безбородым лицом равнодушно смотрел на звезды. Я поднял голову и коснулся человека, лежавшего

рядом и тоже укутавшегося в бурку.

- Сеид Мустафа? - спросил я. - Ты здесь?

Сеид повернулся ко мне.

- Лежи спокойно, Али хан, я здесь, - ответил он.

На его щеках блестели слезы. Я резко поднялся и сел.

- Мухаммед Гейдар погиб, - сказал я. - Я видел его тело на Николаевской. Они отрезали ему нос и уши.

Сеид приблизил ко мне лицо.

- Русские вошли со стороны Баилова и заняли бульвар. Ты убивал всех, кто пытался войти на Думскую площадь.

- Да, - кивнул я, - а потом появился Асадулла и приказал наступать. Мы пошли в атаку почти безоружные, с одними лишь штыками и кинжалами. А ты читал заупокойную молитву.

- А ты? Ты разил их налево и направо. Кстати, знаешь, кто стоял на углу у дома Ашума? Нахарааряны. Всей семьей. И все они убиты.

- И все они убиты, - повторил я. - На крыше дома Ашума я поставил восемь пулеметов. Мы контролировали все вокруг...

Сеид Мустафа потер лоб. Лицо его было черным, словно вымазано сажей. Он перебирал четки, их красные камни походили на алые капли крови на ладони Сеида.

- Там весь день строчил пулемет. Кто-то сообщил о твоей гибели. Нино тоже слышала это, но не поверила, не заплакала. Она отказалась спрятаться в подвале. Ушла в свою комнату и молча сидела там. А пулеметы все строчили. Потом Нино вдруг закрыла лицо руками и закричала: "Довольно, я больше не хочу, не хочу!" Но пулеметы не умолкали. И так продолжалось до восьми вечера. Потом кончились боеприпасы. Но русские этого не знали. Они думали, что мы готовим для них западню... И Муса Наги погиб... Лалай задушил его...

Я молчал. Рулевой все так же продолжал смотреть на звезды. Легкий ветерок играл егошелковой рубашкой.

- Я слышал, - продолжал Сеид, - что ты участвовал в рукопашной у ворот Цицианишвили. Сам я не видел этого, потому что был на другом конце крепостной стены.

- Да, я был в рукопашной. Заколол какого-то толстяка. Был весь в его крови. Говорят, убили и мою двоюродную сестру Айше.

Море было тихим. Смоляной дух шел от лодки. Она была безымянна, эта лодка, как и берега Кызылкумов.

- Трупы, которые стаскивали в мечеть, мы складывали один на другой, снова заговорил Сеид. - Потом мы обнажили кинжалы и тоже пошли в бой. Почти все погибли. Мне же Аллах смерти не дал. Ильяс бек тоже жив. Он скрывается в деревне. Ты знаешь, ваш дом полностью разграблен. Ничего не осталось: ни мебели, ни посуды - все унесли. Остались лишь голые стены.

Все мое тело было одной сплошной болью. Я закрыл глаза и снова увидел залитый нефтью биби-эйбатский берег, сложенные на телеге трупы. Нино с узелком в руках. Потом появилась эта лодка. Светил маяк на Наргене. В ночной тьме город исчез из вида. Лишь суровыми часовыми возвышались нефтяные вышки...

И вот теперь я лежу на дне лодки, укутавшись в бурку, и грудь мою терзает невыносимая боль. Я поднял голову и посмотрел в исхудавшее бледное лицо Нино.

Рядом с рулевым сидел отец. Они о чем-то говорили, и до меня доносились обрывки их разговора.

- Так ты говоришь, что в оазисе Чарджоу люди могут менять цвет глаз по своему желанию?

- Это истинная правда, хан. Лишь в одном месте на свете люди могут делать это - в оазисе Чарджоу. Там был святой пророк...

Я коснулся холодной руки Нино и почувствовал, как дрожат ее пальцы.

- Подумать только, - сказал я, - отец разговаривает о чудесах оазиса Джарджоу! Каким же надо быть твердым человеком, чтобы с таким спокойствием выдержать такой удар.

- Я бы так не смогла. Ты знаешь, даже пыль на улицах была красной от крови.

Нино спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала. Плечи ее дрожали. Я сел рядом с ней и вдруг вспомнил площадь у крепостной стены, распостершееся на Николаевской тело Мухаммеда Гейдара, залитый кровью пиджак убитого мной толстяка.

Страдания остаются на долю живых.

- Так ты говоришь, на Челекене¹⁰ водятся змеи? - донесся издали голос отца.

- Да, хан, очень большие ядовитые змеи. Однако до сих пор никто этих змей собственными глазами не видел. Один святой, живущий в мервском оазисе, рассказывал, что...

Я больше не в силах был слушать это.

- Отец, Азия погибла, - сказал я, подходя к рулю, - наши друзья пали на поле боя, мы лишились дома. Гнев Аллаха обрушился на нас, а ты говоришь о челекенских змеях.

Лицо отца осталось по-прежнему спокойным. Он прислонился к мачте и взглянул на меня.

- Азия не погибла, - проговорил он после долгого молчания. Изменились лишь ее границы, причем изменились навечно. Теперь Баку уже принадлежит Европе, и это не случайно. Ведь в Баку не осталось больше азиатов.

- Но ведь три дня я защищал Азию пулеметом, кинжалом.

- Ты - герой, Али хан. Но впрочем, что такое храбрость? Европейцы тоже храбры. Ты и те, кто сражались вместе с тобой, уже не азиаты. Во мне нет ненависти к Европе. Она мне безразлична. В тебе же заключена частица Европы. Ты учился в русской гимназии, знаешь латынь, и жена у тебя европейка. И после этого ты все еще продолжаешь считать себя азиатом? Ведь даже в случае твоей победы ты волей-неволей ввел бы в Баку европейский образ жизни. Какая разница, - кто проложит у нас в стране автомобильные дороги, построит фабрики - мы или русские? Иначе и быть не могло. Утопить своего врага в крови еще не значит быть истинным азиатом.

- А что значит - быть истинным азиатом?

- Ты, Али хан, наполовину европеец. Потому и задаешь этот вопрос. И совершенно бессмысленно что-то объяснять тебе, потому что тебя может убедить только то, что ты увидишь собственными глазами. Сейчас ты подавлен. Поражение мучит тебя, и ты не скрываешь своей боли.

Отец умолк и закрыл глаза. Подобно многим старикам в Иране и Баку, он, кроме реального мира, смог создать в своей душе иной мир, мир, в котором он обрел себе недоступное для остальных убежище. Живущий в том мире человек мог похоронить своих друзей и в то же время спокойно рассуждать с рулевым о чудесах чарджоуского оазиса. Я знал о существовании этого мира, но пути к нему еще не смог найти. Меня прочными цепями сковывала печальная реальность.

Отныне я перестал быть азиатом. Никто меня этим не попрекал, но, казалось, все об этом знали. Я стал чужаком, и теперь мне оставалось лишь мечтать вновь обрести себе приют в волшебном мире Азии.

Я стоял у паруса, глядя на море. Мухаммед Гейдар погиб. Айше убита, наш дом разграблен, и вот теперь на этом маленьком паруснике я плыву в Иран, где царит великий покой.

Нино подошла ко мне.

- Что мы будем делать в Иране? - промолвила она, опустив голову.

- Отдыхать, Нино.

- Как хорошо - отдохнуть. Я ужасно хочу спать, Али хан, так бы и проспала целый месяц, может, даже год. Хочу спать в саду под зелеными деревьями. И чтобы не было стрельбы.

- Ты плывешь именно в такую страну. Иран спит уже тысячу лет, там стреляют только в крайних случаях.

Мы сели на скамейку, и Нино тут же уснула. А я смотрел на Сеида, на капли крови на его руках. Он молился. Сеид знал дорогу в тот таинственный мир, который начинается в конце реальной жизни.

Там, за горизонтом, откуда всходило солнце, лежал Иран.

Потом, сидя на дне лодки, мы ели сушеную рыбу и уже ощущали дыхание Ирана. Рулевой беседовал с отцом и смотрел на меня с таким безразличием, что...

К исходу четвертого дня пути на горизонте появилась желтоватая полоска, похожая на облачко. Но это было не облачко. Перед нами лежал Иран. Полоска все увеличивалась, я уже различал домики, порт.

Мы прибыли в Энзели, бросили якорь у старого, прогнившего причала. К нам подошел какой-то мужчина в долгополом мундире и бухарской папахе. На эмблеме папахи были изображены лев, поднявшийся на задние лапы, и заходящее солнце.

За чиновником поспешили двое полицейских в драных мундирах.

- Дорогие гости, я приветствую вас, как первые лучи солнца приветствуют новорожденного ребенка. Есть ли у вас документы? торжественно проговорил чиновник.

- Мы - Ширванширы, - отвечал отец.

- Не имеет, ли счастье Асад-ас-Салтане Ширваншир, Лев Империи, пред которым всегда распахнуты алмазные двери дворца шаха, быть вашим родственником?

- Да, это мой брат.

Мы вышли из лодки и пошли, сопровождаемые чиновником.

- Асад-ас-Салтане ожидал вашего прибытия. Присланная им машина сильней льва, быстрой марала, прекрасней орла, крепче скалы.

Мы повернули за угол и увидели старенький "Форд" со многими заплатками на шинах. Казалось, машина вот-вот развалится. Когда мы сели в машину, "Форд" задрожал. Но водитель величественно смотрел в даль, словно управлял он, по меньшей мере, океанским кораблем. Только после получасовых усилий ему удалось завести автомобиль, и по тегеранской дороге мы направились в Решт.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

От Энзели, Решта, дорог и придорожных деревень веяло духом степи. Время от времени на горизонте возникали Аби-Езид, Шейтан-сую - миражи пустыни, жаждущей воды. Призраки иранской степи. Дорога на Решт шла вдоль иссохшего, пошедшего трещинами берега реки. Иранские реки обычно пересыхают, лишь изредка можно встретить заброшенные пруды, небольшие озерца. Суровые и надменные, словно древние титаны, скалы бросали тень на эту иссушеннную землю.

Издали послышался перезвон колокольчиков каравана. Верблюды размеренным, медленным шагом поднимались на крутой холм. Впереди с посохом в руке шел погонщик. За ним - люди в черных одеждах. Чувствовалось, что животным трудно идти в гору, и они делают это из последних сил. С боков верблюдов свисали тяжелые тюки. Что в них? Исфаганские ткани? Гilanская шерсть?

Машина замедлила ход, а потом остановилась. Верблюды медленно прошли мимо нас, и тогда мы увидели: в тюках - трупы. Сто или двести обернутых в черную ткань трупов. Через степи и горы по ровной глади солончаков, мимо зеленых приморских оазисов несли верблюды свой страшный груз. Им предстоит долгий путь на запад. На турецкой границе чиновники в красных фесках проверят тюки, а затем караван продолжит свой путь к куполам священной Кербалаи. Там у гробницы имама Гусейна заботливые руки уложат их в могилы, где они обретут покой, пока трубный глас не возвестит наступление судного дня.

- Помолитесь за нас у гробницы имама! - крикнули мы и, прикрыв ладонями глаза, поклонились.

- Мы сами нуждаемся в молитвах, - ответил погонщик

И караван медленно уплыл вдаль, подобно призраку великой степи Аби-Езиду...

Улицы Решта. Деревянные и глиняные домики закрывают горизонт. Город пропитан дыханием тысячелетий. Невозможно охватить одним взглядом маленькие домишкы, узкие улочки. Удручающее однообразие серого цвета, изредка нарушенное черным. В городе все маленько, в этом, наверное, сказалась покорность судьбе. Лишь изредка то там, то здесь выплывают голубые куполы мечетей.

Мужчины здесь бреют головы и носят круглые, похожие на тыквы, папахи. Их непроницаемые лица напоминают застывшие мумии.

Все утопает в пыли и грязи. Но дело не в том, что иранцы испытывают непреодолимую тягу к пыли и грязи, а просто люди хотят сохранить все, как есть. Ведь каждый иранец знает, что все, в конечном итоге, обращается в прах.

Мы отдыхали в небольшой чайхане. Изнутри тянуло запахом анаши. Присутствующие неодобрительно косились на Нино.

В углу чайханы стоял дервиш в лохмотьях, с длинными нечесанными космами волос. Из его разинутого рта стекала струйка слюны. В руках дервиш держал медную пиалу, в которую собирал подаяние. Его взгляд блуждал по лицам, но, казалось, он никого не видит, словно все его существование, все силы, сознание направлены на то, чтобы услышать зов иной жизни, и он ждал от нее знамения. Вдруг он подпрыгнул на месте и вскричал:

- Глядите, глядите, солнце всходит с запада!

В дверях показался посыльный наместника.

- Его превосходительство дал приказ поставить здесь стражника для охраны этой обнаженной дамы, - доложил он, приблизившись к нам.

Речь шла, разумеется, о сидевшей без чадры Нино. Моя жена, не понимавшая по-персидски, даже бровью не повела.

Ночевали мы в доме наместника, а наутро приставленная к нам охрана уже ожидала нас в седлах. Они сопровождали нас до самого Тегерана, охраняя не только Нино, но и всех нас от возможного нападения бандитов, которыми кишел Иран.

Автомобиль медленно продвигался по выущейся змеей степной дороге. Восемьдесят километров, семьдесят, шестьдесят. Все меньше и меньше оставалось нам до цели. Уже были видны купола городских ворот Тегерана. Чем ближе подъезжали мы к городу, тем отчетливей различались украшенные цветной глазурью ворота с выбитыми на них арабской вязью мудрыми изречениями. Казалось, это сам Дьявол устремил на нас взгляд своих черных глаз.

В пыли у городских ворот, выставив напоказ ужасающие струпья на полуголых тела, сидели нищие, дервиши, паломники, обернувшись тела в живописное тряпье. Протягивая к нам исхудавшие руки с тонкими пальцами, они бормотали стихи о красоте и величии столицы шаха, но голоса их звучали печально. Когда-то и они возлагали на этот город надежды, которым не суждено было сбыться.

Узкими улочками мы выехали на площадь Топ-майданы, проехали площадь и затем мимо алмазных ворот шахского дворца выбрались на широкую дорогу, ведущую в пригород Тегерана - поселок Шамиран.

Шамиранский дворец встретил нас распахнутыми настежь воротами. Из сада веяло благоуханием роз, голубая глазурь на камнях дышала прохладой. Пройдя через сад, мимо фонтана, мы вошли во дворец. В полутемной комнате с плотно задернутыми портьерами на окнах было так холодно, что, казалось, ты погрузился в ручей. Мы с Нино упали на мягкую постель и забылись в глубоком, бездонном сне.

Мы спали, просыпались, пребывая в сладкой полудреме, и опять засыпали. Какое бесконечное спокойствие царило в этой комнате с наглухо закрытыми окнами, отгородившими нас от остального мира, до которого нам не было никакого дела! Низкий диван и пол были завалены бесчисленными подушками, тюфячками. Сквозь пелену сна до нас доносились трели соловья, и упоительный покой вливался в наши души. Вдалеке ото

всех опасностей, от захваченной врагами бакинской крепости, дремали мы в этом большом и тихом доме. Казалось, время остановилось. Иногда Нино вздыхала и полусонная прижималась щекой к моей груди. Я обнимал ее и снова засыпал, опьяненный сладким, волнующим ароматом иранских гаремов, которым были пропитаны мягкие подушки. Мною владела бесконечная лень. Я мог часами лежать и мучиться оттого, что у меня чешется кончик носа, я же никак не почешу его. Потом нос сам по себе переставал чесаться, и я опять утопал в сладком липком сне.

Вдруг Нино проснулась, подняла голову и сказала:

- Али хан, я ужасно голодна.

Мы вышли в сад. В центре его был фонтан, обсаженный по краям розовыми кустами. Тянули к небу свои стройные тела кипарисы. Павлины, распустив пестрые веера хвостов, неподвижно глядели на заходящее солнце. Вдали белела снежная вершина Демавенда.

Я хлопнул в ладоши. Ко мне тут же подбежал толстощекий евнух. За ним спешила старуха с ковриком и подушками. Нам постелили в тени одного из кипарисов, евнух подал воду и тазик. А потом перед нами появились вкуснейшие иранские блюда.

- Лучше есть руками, чем слышать пулеметные очереди, - проговорила Нино и потянулась левой рукой к блюду с пловом, от которого поднимался ароматный пар.

Я заметил, как наблюдавший за нами слуга скрчил презрительную мину и отвернулся. Пришлось мне объяснить Нино, что в Иране плов берут тремя пальцами правой руки. Впервые после нашего бегства из Баку Нино засмеялась, и тогда я окончательно понял, что мы в полнейшей безопасности. До чего же хорошо жить в Шамиранском дворце в Иране, стране великих поэтов и мудрецов!

- А где твой дядя Асад-ас-Салтане? - спросила вдруг Нино. - Где весь его гарем?

- Дядя, наверное, в городском дворце. И три его жены с ним. А что же касается гарема, так ведь этот сад и этот дом - все это и есть гарем.

Нино засмеялась.

- Значит, ты все-таки привез меня в гарем? Я должна была предположить, что именно этим все и кончится.

К нам приблизился худой старик и с почтением спросил, не хотим ли мы услышать его пение. Мы отказались от этого заманчивого предложения. Служанки убрали остатки еды, свернули и унесли коврик.

- Кто эти люди, Али хан?

- Прислуга, охрана...

- О господи, сколько же здесь слуг?

Я подозвал евнуха и задал ему тот же вопрос.

Евнух погрузился в глубокую задумчивость, беззвучно зашевелил губами, считая в уме, потом наконец сообщил, что в гареме двадцать восемь слуг.

- Сколько же здесь живет женщин?

- Сколько хан пожелает. Правда, сейчас здесь всего одна женщина, та, что сидит рядом с тобой. Но места здесь вполне достаточно. Асад-ас-Салтане с женами в городе. Здесь твой гарем.

Он сел рядом и продолжал:

- Меня зовут Яхъя Кули. Я буду оберегать твою честь, хан. Умею писать, читать, считать. Я управляю этим домом и решаю все вопросы, связанные с женщинами. Ты можешь вполне положиться на меня. Я вижу - эта женщина не получила должного воспитания. Но не беда, я преподам ей уроки нравственности и достойного поведения. Укажите мне только дни, когда она бывает нездорова, я запишу, чтоб не забыть. Мне непременно надо знать это, чтобы судить, насколько она капризна. Я лично искупаю и побрею ее. Вижу, у нее под мышками растут волосы. Поразительно, до чего в некоторых странах не придают значения воспитанию женщин. Я завтра же выкрошу ее ноги хной и проверю ей рот, прежде чем она ляжет в постель.

- О господи, а это зачем?

- Если у женщин больные зубы, то изо рта у них идет дурной запах. Я должен проверить ей зубы и понюхать дыхание.

- О чем он там болтает? - спросила Нино.

- Этот чудак предлагает свои услуги в качестве зубного врача, ответил я, чувствуя, что оказался в дурацком положении. - Яхъя Кули, обратился я к евнуху, - судя по всему, ты - человек опытный в делах культурного обхождения... Но моя жена беременна, и с ней надо быть осторожным. Поэтому давай отложим воспитание до того времени, когда родится ребенок.

Я говорил это, чувствуя, как мои щеки заливает румянец. Хоть Нино и в самом деле была беременна, тем не менее, я лгал.

- Это очень разумно, хан, - промолвил евнух. - От беременных женщин не знаешь, чего ожидать. Да, пока не забыл, есть одно средство, чтобы у вас родился мальчик. - С этими словами он оглядел худенькую фигурку Нино. - Мне кажется, пару месяцев еще можно подождать.

На веранде поднялся какой-то переполох. Я видел, как евнухи и служанки бурно жестикулируют. Яхъя Кули вышел выяснить, в чем дело, и, вернувшись, торжественно доложил:

- Хан, тебя явился приветствовать почтенный учений Хафиз Сеид Мустафа Мешхеди. Я не осмелился бы беспокоить вас в гареме. Однако Сеид - учений человек, из рода Пророка. Он ждет вас на мужской половине.

Услышав имя Сеида, Нино подняла голову.

- Сеид Мустафа? - переспросила она. - Пусть идет сюда, выпьет с нами чаю.

Честь и достоинство рода Ширванширов были спасены лишь благодаря незнанию евнухом русского языка. Никому в голову не могло бы прийти, что жена хана намерена принять в гареме постороннего мужчину.

- Нино, - смущенно проговорил я, - дело в том, что Сеид не сможет прийти сюда. Ведь здесь гарем.

- В самом деле? Какой странный обычай. Давай тогда примем его во дворе.

- Боюсь, Нино, что... Как бы тебе объяснить... Понимаешь, в Иране все иначе. Ведь Сеид - мужчина.

У Нино от удивления глаза на лоб полезли.

- То есть ты хочешь сказать, что я не имею права видеться с Сеидом? Сеидом, который привез меня в Дагестан?

- Боюсь, что да, Нино, хотя бы на первых порах...

- Ну, хорошо, - холодно сказала она. - А теперь уходи отсюда.

Вконец расстроенный, я отправился в библиотеку, где меня ожидал Сеид. Нам подали чай, и Сеид стал рассказывать, что собирается до изгнания русских из Баку пожить в Мешхеде у своего знаменитого дяди. Я счел эту мысль вполне разумной. Как человек воспитанный, Сеид ничего не стал спрашивать о Нино, даже не упомянул ее имени.

Но вдруг дверь распахнулась, и Нино собственной персоной возникла на пороге.

- Добрый вечер, Сеид.

Голос ее был спокоен, но в нем ощущалось напряжение. Сеид Мустафа чуть не подпрыгнул от неожиданности. На его рябом лице появился неописуемый ужас.

- Не хотите ли еще чаю, Сеид? - любезно предложила Нино.

Сеид все еще не мог прийти в себя.

Из коридора доносился беспокойный топот ног. Теперь уже не было никакого сомнения в том, что честь рода Ширванширов навеки запятнана.

- Я пулеметов не испугалась, - со злой усмешкой произнесла Нино, чеканя каждое слово, - а евнуха твоего и подавно бояться не намерена.

Вечер мы провели втроем. Что ни говори, а Сеид был очень, ну просто очень

воспитанным человеком.

Когда мы расходились спать, ко мне с удрученным видом подошел евнух.

- Ага, я знаю, что заслуживаю наказания. Мне не следовало спускать с нее глаз. Но кто же мог подумать, что эта женщина настолько невоспитанна. Я виноват во всем, ага.

На его толстом лице было написано самое искреннее раскаяние...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

До чего удивительна жизнь! Слыши перестрелку на залитом нефтью берегу Биби-Эйбата, я был уверен, что никогда больше не буду счастлив. Но всего лишь месяц в благоухающем розами Шамиранском дворце наполнил мою душу ощущением бесконечного покоя. Я чувствовал себя человеком, вновь обретшим свою родину.

В город я ездил редко, навещал родных, друзей или же в сопровождении слуг бродил по лабиринтам тегеранского базара, любовался там розами, разглядывал ковры, шали, шелка, перебирал изделия ювелиров, покупал отделанные золотом кувшины, изящные древние украшения, сафьяновые подушки, изысканные духи. Все это было для Нино.

Тяжелые серебряные туманы¹¹ с прощальным звоном перетекали из моего кошелька в карманы иранских купцов, слуги сгибались под тяжестью этой восточной роскоши, а я продолжал свою прогулку.

В маленькой лавочке на углу продавали Коран в сафьяновом переплете и прелестные миниатюры: на одной была изображена сидящая под кипарисом девушка, рядом с ней стоял принц, на второй - шахская охота и стремительно убегающая от охотников лань. И вновь слышался звон туманов.

Неподалеку от меня на низкой скамейке сидели два купца. Один из них доставал из широкого кармана серебряный туман и передавал его второму. Тот внимательно разглядывал монету, пробовал ее на зуб, взвешивал на маленьких весах и опускал в свой большой мешок. И так сто, тысячу, а может быть, и десять тысяч раз, до тех пор, пока долг не будет возвращен полностью. Это торговля! Святое дело! Ведь и Пророк тоже был купцом!

Все на базаре было смешано и перепутано, как в настоящем лабиринте. Рядом с купцами сидел, листая книгу, какой-то древний старец с лицом, столь густо испещренным морщинами, что издали оно напоминало скалу. Но были в этом лице благость и доброта. Длинными, тонкими пальцами он бережно перелистывал пожелтевшие, истлевшие страницы, с которых веяло ароматом ширазских цветников, доносилось пение иранских соловьев, виделись прекрасные глаза с длинными ресницами.

Шепот, гомон, крики сливались в единый гул - голос базара. Кто-то совсем рядом громко расхваливал розовую воду, розовое масло.

Вот старинный ковер очень нежной расцветки. Нино любит такие. Я начал торговаться с купцом и, наконец, велел измученным слугам:

- Отвезите все это в Шамиран. Я приеду позже.

Слуги исчезли в толпе, а я направился в маленькую чайхану, расположенную тут же на базаре. Двери чайханы были настолько низкими, что мне пришлось нагнуться, чтобы войти в переполненное людьми помещение. Посреди чайханы сидел рыжебородый мужчина и, закрыв глаза, пел газель Хафиза. Слушатели громко вздыхали, не скрывая удовольствия.

Закончив стихи, мужчина развернул газету и стал читать вслух:

- В Америке изобретен прибор, с помощью которого речь человека можно услышать во всем мире. Наш великий повелитель шахиншах Султан Ахмед Шах Багешах, чье сияние ярче солнечных лучей, руки достают до самого Марса, а трон - выше мира, принял в своем дворце послов английского короля. В Испании родился ребенок о трех головах и о четырех ногах. Народ считает это плохим предзнаменованием.

Сидящие вокруг изумленно качали головами.

Потом рыжебородый сложил газету и снова запел. На этот раз он пел о богатыре Рустаме и его сыне Зохрабе¹².

Я не прислушивался к его пению. Я смотрел на золотистый, дымящийся чай и думал о

том, что всё идет не совсем так, как должно было быть.

Я в Иране живу во дворце и своей жизнью доволен. Нино живет в том же дворце, но она всем этим совершенно не довольна. В Дагестане она добровольно приняла все тяготы. Здесь же никак не могла смириться с иранским образом жизни. Она хотела бродить вместе со мной по Тегерану, хотя прекрасно знала, что это жестоко преследуется полицией. Полицейские требования были строги: жена не имеет права выходить к гостям, гулять с мужем. Нино умоляла меня показать ей Тегеран и обижалась, когда я пытался отговорить ее от этого желания.

- Нино, - втолковывал я ей, - я бы с удовольствием показал тебе город, но пойми, я не могу взять тебя с собой.

В ответ я видел укор в ее больших черных глазах.

Ну, как мне еще объяснить ей, что жена хана действительно не может расхаживать по улицам без чадры? Я купил ей самую дорогую чадру.

- Погляди, Нино, какая красивая вещь, - говорил я, - как хорошо укрывает она женское лицо от солнца и пыли. Клянусь Аллахом, я сам бы с удовольствием носил такую чадру.

- Женщине ни к чему закрывать лицо, Али хан, - с грустной улыбкой отвечала она. - Я буду презирать себя, если накроюсь чадрой.

Тогда я показал ей распоряжение полиции. Нино разорвала его на маленькие клочки. Я заказал для нее закрытую со всех сторон карету с занавесками на окнах. В этой карете мы стали выезжать в город. Как-то, проезжая по Топ-мейданы, она в окно кареты увидела моего отца и во что бы то ни стало захотела поздороваться с ним. Ценой неимоверных усилий мне удалось удержать ее. Разразился бурный скандал. И вот теперь, чтобы как-то утешить ее, я скончал полбазара...

Так размышлял я в одиночестве, глядя на стоящий передо мной стакан чая.

Нино изнывала от скуки, но я ничего не мог сделать. Ей захотелось встречаться с женами европейцев, живущих в Тегеране. Этого я допустить не мог - жена хана не должна общаться с женами неверных. Они начнут сочувствовать Нино, влачащей гаремное существование, и это только усугубит ее состояние...

Недавно она гостила у моих тетушек и вернулась оттуда в ужасе.

- Али хан, - кричала она, - они высматривали, по сколько раз в день ты одаряешь меня своей любовью. Мужья наговорили им, что ты все свое время проводишь со мной, и они не могут себе представить, что можно заниматься чем-то иным. И еще они дали мне снадобье против джиннов и посоветовали носить амулет от сглаза. Утверждали, что это спасет меня от всех врагов. А твоя тетя Султан ханум уверяла, что мой молодой муж должен скучать, имея всего одну жену... И всех очень интересовало, как это я добиваюсь, что ты не ходишь к мальчикам-танцовщикам. А твоя двоюродная сестра Суата все высматривала, успел ли ты заразиться дурной болезнью или нет. Они в один голос твердили, что мне остается только завидовать. Ты слышишь это?

Я как мог старался утешить ее, а она забилась в угол, как обиженный ребенок, и долго не могла прийти в себя. Глаза ее были полны невыразимой тоской...

Чай совсем остыл, но я продолжал сидеть в чайхане, чтобы показать этим людям, что не провожу все свои дни в гареме. Здесь неодобрительно отнеслись бы к мужчине, настолько привязанному к своей жене. Если уж родня начала насмехаться надо мной... Мужчина должен отдавать жене лишь часть своего времени. Остальным временем он распоряжается по своему усмотрению. Но ведь я - единственная отдушина для Нино, я для неё и газета, и театр, и кофейни, и друг, и, кроме всего этого, муж. Потому я и не могу оставить ее одну, потому я и готов скупить для нее в подарок весь базар. К тому же сегодня дядя дает в честь отца большой прием, на котором будет присутствовать даже один из сыновей шаха, а Нино вынуждена будет оставаться дома в обществе евнуха, жаждущего заняться ее воспитанием.

Вернувшись в Шамиран, я нашел Нино сидящей на ковре и задумчиво перебирающей мои покупки. Она спокойно и нежно поцеловала меня. Вошел слуга, поставил поднос с

шербетом. Я заметил, с каким неодобрением он взглянул на лежащие перед Нино подарки: муж не должен так ублажать свою жену!

И тогда я вдруг почувствовал глубокую безнадежность...

Жизнь в Иране начинается по ночам. Ночью и люди живей, и мысли легче, и разговоры проще. Днем на все ложится тяжкий груз жары, пыли, грязи. Ночью же Иран словно преображается. Это совершенно иной мир, какого я не видел ни в Баку, ни в Дагестане, ни в Грузии. Этот исполненный благородства мир вызывал во мне восхищение.

Ровно в восемь к нашему дому подъехали кареты дяди. Одна - для меня, другая - для отца. Этого требовали нормы приличия. Перед каждой каретой стояло трое слуг с фонарями на высоких шестах. Это были скороходы, которым надлежало бежать впереди карет и освещать нам дорогу. Еще в молодости скороходам вырезали селезенку, и они были предназначены лишь для одного сопровождать кареты, грозно крича:

"Берегись!.."

И хотя по дороге нам никто не встретился, скороходы добросовестно исполняли свою обязанность. Дорога шла по узким улочкам вдоль седых глиняных стен, за которыми прятались казармы или маленькие домики, дворцы или конторы. Высокие заборы скрывают жизнь Ирана от глаз любопытных.

Залитые лунным светом купола базарных лавок походили на воздушные шары, собранные здесь чьей-то невидимой рукой.

Наши кареты остановились перед массивными бронзовыми воротами. Они торжественно распахнулись, и мы въехали во двор. Как-то я приезжал сюда один, и тогда здесь стоял всего лишь старенький привратник в драной одежде. Сегодня ворота были украшены гирляндами живых цветов, большие фонари освещали двор, а наши кареты поклонами встретили восемь слуг.

Широкий двор был разделен на две части невысоким забором. Во внутренней части располагался гарем. Там журчали фонтаны, заливались соловьи. На мужской половине двора был лишь простой прямоугольный бассейн с золотыми рыбками.

Мы вышли из карет. Дядя приветствовал нас у дверей церемонным поклоном и проводил в дом. Мы оказались в просторном зале с позолоченными колоннами, стены были облицованы деревянными панелями, украшенными затейливой резьбой.

Зал уже был полон гостей. В центре восседал горбоносый человек с совершенно седой головой и густыми пучками бровей. Это и был его высочество шахзаде. При нашем появлении все встали. Мы поздоровались сначала с шахзаде, потом с остальными и сели на мягкие тюфячки. Гости последовали нашему примеру. Около минуты мы так посидели, затем поднялись, вновь раскланялись друг с другом, после чего опять сели и погрузились в торжественное молчание. Слуги подали ароматный чай в голубых чашечках, корзины с фруктами. Первым нарушил молчание его высочество.

- Я много путешествовал, побывал во множестве стран, - проговорил он. - Но нигде не ел огурцов или персиков вкусней иранских.

С этими словами он взял ломтик огурца, посолил и медленно, с задумчивым видом съел его.

- Ваше высочество изволит быть совершенно правым, - отозвался дядя. Я тоже был в Европе и поражался - до чего же у них мелкие фрукты.

- Я всегда с радостью возвращаюсь в Иран, - вступил в разговор посол иранского шаха в одной из европейских стран. - Нет в мире ничего такого, чему могли бы позавидовать мы, иранцы. Весь остальной мир сплошь населен варварами.

- Быть может, еще некоторые индусы... - задумчиво заметил шахзаде. Много лет назад я путешествовал по Индии и встречался там с очень благородными людьми, получившими хорошее воспитание и своим культурным уровнем ничем нам не уступающими. Впрочем, хоть в чем-нибудь, но их варварство должно было проявиться. Мне довелось обедать с одним индийским аристократом, и представьте себе, он ел листья салата!

Гости изобразили на лицах полнейший ужас. Какой-то мулла в широкой эммаме, со ввалившимися щеками тихим, усталым голосом проговорил:

- Иранцев отличает от остальных то, что лишь мы можем по достоинству оценить красоту.

- Вы совершенно правы, - согласился дядя. - Я, например, прекрасную газель предпочту грохочущей фабрике и готов забыть, что Абу Сеил, который создал первые рубаи в нашей литературе, был неверным.

Дядя откашлялся и нараспев прочитал одну из рубай.

- Поразительно, поразительно! - воскликнул мулла. - Сколько гармонии! - и повторил последнюю строку рубаи.

Мулла поднялся, взял серебряный с узким горлышком кувшин для омовения и тихо вышел из зала. Отсутствовал он недолго. Вернувшись, поставил осторожно кувшин и сел на место.

- Ваше высочество, - обратился к шахзаде отец, - верно ли говорят, что наш премьер-министр Восуг-ад-Довле намерен заключить новый договор с Англией?

- Вам лучше спросить об этом Асада-ас-Салтане, - засмеялся шахзаде. Впрочем, это уже не является государственной тайной.

-- Да, - подтвердил дядя, - это будет очень выгодный договор. Потому что отныне варвары станут нашими рабами.

- Почему?

- Вы ведь знаете, что англичане любят работать, а мы - наслаждаться прекрасным. Они любят сражения, а мы - покой. Это и позволило нам прийти к соглашению. Теперь нам не придется заботиться, о безопасности наших, границ. Англия берет на себя защиту Ирана. Англичане проложат дороги, построят дома, а вдбавок еще и заплатят нам. Потому что понимают, в какой степени мировая культура в долгую перед Ираном.

- Вы верите, что Англия будет защищать нас во имя нашей культуры? недоверчиво спросил сидевший рядом с дядей его сын Бахрам хан Ширваншир. Может быть, они делают все это во имя нашей нефти?

- Для светоча мира и культура, и нефть равно достойны защиты, холодно отвечал дядя.

- Но мы не можем быть солдатами!

Тут в разговор вступил я.

- Почему не можем? Я, например, сражался за свой народ и уверен, что и впредь буду сражаться за него.

Асад-ас-Салтане бросил на меня недовольный взгляд. Его высочество поставил чашку и важно проговорил:

- А я не знал, что среди Ширванширов есть и солдаты.

- Али хан, ваше высочество, был не солдатом, а офицером.

- Это не имеет значения, Асад-ас-Салтане, - сказал шахзаде и насмешливо добавил: - Ишь ты, офицер!

Я прикусил язык. Проклятье, совершенно вылетело из памяти, что в глазах правоверного иранца быть солдатом - дело недостойное.

На моей стороне был, кажется, только Бахрам хан. И то, наверное, только потому, что еще молод. Сидевший рядом с шахзаде господин Мушир-ад-Довле, занимающий высокий правительственный пост, втолковывал моему двоюродному брату, что Иран находится под защитой Аллаха и для того, чтобы блескать, ему не нужны мечи. В прошлом сыны Ирана уже доказали свою отвагу.

- В сокровищнице шахиншаха хранится модель земного шара, отлитая из чистого золота, - сказал он, заканчивая свои наставления. - Каждое государство на этой модели отмечено отдельным драгоценным камнем. Лишь территория Ирана выложена алмазами. Это больше, чем символ. Это признанная всем миром истина.

Я вспомнил иностранных солдат, оккупировавших страну, и полицейских в драных

мундирах, которых видел в Энзели. Это Азия! Азия, которая из страха стать европейской сложила оружие перед Европой! Шахзаде презирает воинскую службу. И это наследник шаха, совершившего некогда, при участии моих предков, победоносный поход на Тифлис. Иран в те времена был гордой страной, и иранцы умели владеть оружием. Как все изменилось и обмельчало! Теперь шахзаде поэзию предпочитает пулемету. Может быть, потому, что он лучше разбирается в поэзии? И шахзаде, и мой дядя уже стары. Иран умирал, но умирал изысканно. Мне вспомнился Омар Хайям:

День и ночь - шахматная доска,
Там судьба играет с человеком.
Его возвысив, объявит "шах" и "мат",
И на место поставит благополучно.

Увлекшись своими мыслями, я не заметил, что прочитал эти стихи вслух. Лицо шахзаде просияло.

- Значит, вы стали солдатом случайно. Почему же не говорите об этом? Вижу, вы человек образованный. Стали бы вы военным, если б вам пришлось самому избрать свою судьбу?

- Ваше высочество интересуетесь, каким бы стал мой выбор? Я выбрал бы четыре вещи: рубиновые губки, музыку, мудрые изречения и еще красное вино.

Это знаменитое стихотворение Дагиги, которое я вовремя догадался вставить, вернуло мне благосклонность собравшихся. Даже мулла с ввалившимися щеками доброжелательно улыбнулся мне.

В полночь распахнулись двери столовой, и мы проследовали туда. На коврах была расстелена огромная скатерть, уставленная большими кусками белого лаваша, множеством больших и мелких тарелок. В середине стоял большой медный поднос с пловом. По углам комнаты неподвижно стояли слуги с фонарями в руках. Мы расселись, мулла прочитал краткую молитву, после чего все приступили к трапезе.

Еда - это единственное занятие, при котором иранцу положено спешить.

Со мной рядом сидел Бахрам хан. Он ел мало.

- Тебе нравится Иран?
- Да, очень.
- Ты долго будешь здесь?
- Пока турки не возьмут Баку.
- Я завидую тебе, Али хан.

В его голосе прозвучало восхищение.

- Ты стрелял из пулемета, видел слезы врага. Иранский же меч заржал. Мы восхищаемся написанными тысячу лет назад стихами Фирдоуси, можем сразу отличить Дагиги от Рудаки. Но никто из нас не умеет ни строить автомобильных дорог, ни командовать полком.

Автомобильные дороги... Я вспомнил залитую лунным светом мардакянскую дорогу. Это хорошо, что в Азии не умеют строить автомобильных дорог. Иначе карабахский гнедой ни за что не догнал бы европейский автомобиль.

- Зачем вам нужны автомобильные дороги, Бахрам хан?

- Чтобы перевозить на грузовиках солдат, хоть министр и считает что нам солдаты ни к чему. Нет, нам нужны солдаты. Нам нужны пулеметы, школы, больницы, упорядоченная система налогов, новые законы и такие люди, как ты. Меньше всего нам нужны старые стихи с их нытьем. Есть новые песни и новые стихи. Ты слышал о поэте Ашрафе из Гилана? - Бахрам хан наклонился ко мне и стал читать:

Страдания и горе царствуют на родине.
Восстань иди за гробом Ирана.
Юность Ирана погибла в погребальной процессии.
Луна, поля, горы и долины залиты ее кровью.

- Если бы шахзаде услышал эти стихи, он назвал бы их "отвратительными строками" и заявил, что они оскорбляют его поэтический вкус

- Есть еще одно стихотворение. Его написал Мирза Ага хан, - увлеченно продолжал Бахрам хан. - Вот послушай:

Да хранит Аллах Иран от владычества неверных,
Да не войдет иранская невеста в дом русского жениха.
Да не украсят прекрасные иранские женщины
Собрание английских лордов.

- Неплохо, - сказал я и засмеялся. Иранская молодежь явно отличалась от старого поколения отсутствием поэтического вкуса. - Однако скажи мне, Бахрам хан, чего ты добиваешься?

Я спросил это и почувствовал, как Бахрам хан весь сжался, нервно заерзал, удобней устраиваясь на светло-красном ковре.

- Ты был когда-нибудь на Сипех-майдане? - начал он. - Там стоят сто пушек, их дула направлены во все стороны света: на север, на юг, на восток и на запад. Но пушки эти старые, ржавые. А ведь, кроме этих бесполезных, запылившихся пушек, доставшихся нам в наследство от прошлых поколений, у Ирана нет другой артиллерии. Ты знаешь, что Иран не имеет ни одного военного укрепления, что у нас нет военных кораблей, а вся наша армия состоит из русских казаков, английских оккупационных войск и четырехсот человек дворцовой стражи? Ты взгляни на своего дядю, посмотри на шахзаде, на всех остальных государственных мужей. Мутные глаза, дряблые руки! Они одряхлели и проржавели, как пушки на Сипех-майдане! Их время прошло, они должны уступить свое место. Наше будущее слишком долго находилось в усталых, одряхлевших руках всяких шахзаде и поэтов. Довольно! Иран напоминает протянутую за милостыней руку старого нищего. Я хочу превратить эту дряхлую ладонь в крепкий молодой кулак. Оставайся с нами, Али хан. Я слышал о тебе кое-что, знаю, как ты с пулеметом в руках защищал бакинскую крепость, знаю, что ты перегрыз горло врагу. В Иране надо будет защищать нечто большее, чем старую крепость, и в твоем распоряжении будет оружие помощнее пулемета. Это лучше, чем проводить дни в гареме или любоваться прелестями базара.

Я задумчиво молчал. Тегеран! Один из древнейших городов мира. Вавилоняне называли его Рога-Рей - город царей. Пыль древних преданий, дворцы с поблекшей, осыпавшейся позолотой. Покосившиеся колонны Алмас-сарайя, выцветшие узоры древних ковров и тихая гармония древних рубай - все это - прошлое Ирана, его настоящее, будущее встало перед моими глазами!

- Бахрам хан, - сказал я, наконец. - Предположим, ты добьешься своего, проложишь асфальтовые дороги, построишь военные укрепления, пошлешь самых худших поэтов учиться в современные школы. Не погубит ли все это дух Азии?

Он улыбнулся в ответ.

- Дух Азии? Мы построим на Топ-майдане большой дом. Соберем туда флаги с мечетей, рукописи поэтов, миниатюры, мальчиков, развращенных пороками нашей морали, - ведь все это тоже дух Азии. А на фасаде этого дома мы красивыми буквами напишем - "Музей". Его высочество шахзаде мы назначим директором музея, а твоего дядю Асада-ас-Салтане - охранником. Ну что, поможешь нам в строительстве такого музея?

- Мне надо подумать, Бахрам хан.

Обед окончился. Гости разбрелись на отдельные группы и тихо беседовали.

Я вышел на открытую террасу и с удовольствием вдохнул свежий воздух, напоенный ароматом роз. Где-то вдали за глиняными куполами базара, невидимый в ночной темноте стоял шамиранский дворец, и там, среди ковров и подушек ждала меня Нино. А может быть, она спит, чуть приоткрыв губки, и глаза ее покраснели от слез. Мне стало грустно. Я готов скупить все драгоценности базара и бросить их к ее ногам, лишь бы вновь увидеть эти глаза смеющимися.

Иран! Неужели я должен оставаться здесь среди евнухов и шахзаде, дервишей и шутов? Остаться, чтобы прокладывать асфальтовые дороги создавать армию? Втащить в Азию еще частицу Европы?

И вдруг я отчетливо осознал, что для меня нет на свете ничего роднее и дороже смеющихся глаз Нино. Когда эти глаза улыбались в последний раз? В Баку у крепости? Как давно это было!

Я почувствовал звериную тоску по Баку, его пыльным крепостным стенам, солнцу, заходящему за горизонт. Я явственно услышал, как у ворот Боз Гурда воют шакалы, задрав к луне морды. Ветер принес на бакинские пустоши песок степей. Песчаный берег покрыт пятнами нефти. У Девичьей башни громко расхваливают свой товар торговцы. Николаевская улица ведет к лицу святой Тамары. Во дворе лицея под деревьями стоит Нино с тетрадями под мышкой и восторженно смотрит на меня.

Но внезапно куда-то исчез аромат иранских роз. Я звал Родину, как дитя зовет свою мать, и понял вдруг, что этой Родины больше не существует. Я ощущал чистый, степной воздух Баку, слабый запах моря, запах песка и нефти. Я ни за что на свете не должен был покидать его. Этот город дарован мне Аллахом! Как собака к своей конуре, я прочной цепью привязан к его древней природе.

Я взглянул в небо. Звезды, далекие и крупные, как драгоценные камни в шахской короне. Никогда еще не ощущал я такого одиночества. Я принадлежу Баку, его старой крепости, у стен которой сияли улыбкой глаза Нино.

Мне на плечо легла рука Бахрам хана.

- Ты, кажется, задумался? Ну как, обдумал мое предложение? Хочешь строить здание нового Ирана?

- Бахрам хан, брат мой, я завидую тебе. Лишь потерявший Родину постигает ей цену. Я не могу строить новый Иран. Мой кинжал наточен о камни бакинской крепости.

- Меджнун, - промолвил он, грустно поглядев на меня.

Но Бахрам хан понял меня. Наверное, потому что мы были с ним одной крови.

Я вернулся в зал. Гости прощались с отбывающим шахзаде. Я увидел его худую руку, длинные пальцы с крашеными ногтями. Нет! Нет! Я приехал сюда не для того, чтобы охранять в величественном музее стихи Фирдоуси, любовные послания Хафиза, мудрые изречения Саади.

Кланяясь шахзаде, я взглянул в его глаза. В них была задумчивая печаль. Он знал о надвигающейся угрозе.

По дороге в Шамиран я думал о заржавевших пушках на площади, усталых глазах шахзаде и покорности Нино.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

С маленькими цветными флагами в руках я сидел перед расстеленной на диване картой. Краски на ней были яркими, и от них рябило в глазах. Причем названия городов, рек, гор были напечатаны тесно, налезали одно на другое, так что ничего невозможного было разобрать. Не меньше ошибок было и в лежавшей рядом газете. Приходилось постоянно сопоставлять и сравнивать названия, чтобы доискаться до истины.

Я воткнул зеленый флагок рядом с названием "Елизаветполь (Гянджа)", причем последние пять букв уже залезали на Зангулдагские горы. В газете сообщалось, что некий адвокат из Хоя - Фатали хан объявил Гянджу свободной Азербайджанской Республикой. Зеленые флаги восточней Гянджи обозначали территорию, занятую турецкими войсками, которые Энвер направил для освобождения нашей страны. Справа к Агдашу приближались полки Нури паши. Слева войска Мурсал паши заняли уже илисуйские равнины. В центре сражались азербайджанские добровольческие отряды. Кольцо турецких войск все тесней сжималось вокруг оккупированного русскими Баку. Стоит лишь чуть тронуть зеленые флаги, и они вытеснят красный, обозначающий Баку.

Яхъя Кули стоял у меня за спиной и внимательно следил за моими манипуляциями.

Судя по всему, эта игра с флагжками казалась ему заклинаниями могущественного колдуна. Во всяком случае, он был уверен, что, передвигая флагжки, я призываю на помошь сверхъестественные силы, которые должны спасти Баку из рук неверных.

Он очень не хотел мешать моим занятиям, но долг был для него превыше всего.

- Хан, вы знаете, что со мной произошло? Я хотел покрасить хной ногти Нино ханум. Купил самую дорогую хну, чтобы высохла сразу же, как намажешь. А Нино ханум вышиврнула миску и к тому же расцарапала мне лицо. Утром я подвел ее к окну, - монотонным, деловым тоном продолжал он свой доклад, осторожно взял ее за голову и попросил открыть рот. Ведь мой долг, хан, проверить, здоровы ли у нее зубы. Но ханум отпрыгнула в сторону и влепила мне пощечину. Не больно, конечно, однако... Хан, прости своего слугу, но я не решаюсь побрить волосы на ее теле. Это очень странная женщина. Она не носит амулет от сглаза, отказывается пить лекарства, полезные для беременных... Так что, если родится девочка, хан, вините в этом не меня, а Нино ханум. В нее вселился какой-то злой дух, стоит мне прикоснуться к ней, как она начинает дрожать. Я знаю одну старуху в мечети Абдул Азиза, она смыслит кое-что в изгнании духов. Думаю, ее стоило бы пригласить сюда. Посуди сам, хан, Нино ханум умывается ледяной водой, хотя от этого портится кожа. Зубы она чистит такой жесткой щеткой, что десны ее кровоточат, вместо того, чтобы, как все люди, мыть их указательным пальцем правой руки, предварительно окунув его в ароматную пасту. Честное слово, в нее вселился злой дух.

Подобные доклады мне приходилось выслушивать чуть ли не каждый день, поэтому я уже привык к ним и не обращал внимания. Яхья Кули чувствовал ответственность за моего будущего ребенка. Во время докладов глаза его сияли радостным чувством исполненного долга.

Нино вела с ним упорную, но безуспешную войну. Она швыряла в него подушками, прогуливалась по окружающей дом стене без чадры, выбрасывала в окно амулеты от сглаза и развесивала по стенам портреты своей грузинской родни. Яхья Кули с грустью и тревогой докладывал мне об этом.

По вечерам Нино удобней устраивалась на диване и начинала составлять план завтрашнего сражения. Она задумчиво потирала подбородок и советовалась со мной.

- Как ты думаешь, Али хан, что мне сделать завтра? Выплеснуть ему в лицо воду и бросить на него кошку? Нет, нет, я сделаю так. Каждое утро я буду делать гимнастику у фонтана и заставлю его делать ее вместе со мной. Он что-то слишком растолстел. Или еще лучше: я просто защекочу его до смерти. Я слышала, что от щекотки можно умереть, а он ужасно боится щекотки.

До глубокой ночи разрабатывала Нино планы мести, а утром встревоженный евнух докладывал мне:

- Али хан, Нино ханум стоит в бассейне и делает руками и ногами странные движения. Я боюсь за нее, хан. Она наклоняется вперед, потом откидывается назад, как будто у нее совсем нет костей. Может быть, она так молится неизвестному идолу? Она и от меня требует, чтобы я повторял эти движения. Но, хан, я - правоверный мусульманин и могу поклоняться одному лишь Аллаху.

Увольнять Яхью Кули не было смысла. На его место пришел бы другой. Дом без евнуха считался неполноценным. Кроме того, без Яхью Кули некому было бы заботиться о женщинах в доме, вести хозяйство, заниматься денежными вопросами. Если и есть человек, не имеющий страстей и не берущий взяток, то это - евнух.

Поэтому я молчал, целиком поглощенный окружающими Баку зелеными флагжками...

Евнух тихо кашлянул, чтобы привлечь мое внимание.

- Мне пригласить старуху из мечети Абдул Азиза или нет?

- Для чего, Яхья Кули?

- Чтобы изгнать злого духа из тела Нино ханум

Я вздохнул. Вряд ли старая колдунья из мечети Абдул Азиза справится с европейскими

демонами.

- В этом нет никакой необходимости, Яхъя Кули. Я сам умею изгонять духов. Когда надо будет, я все сделаю. Но сейчас вся моя сила зависит от этих маленьких флагжков.

В глазах евнуха появились страх и любопытство.

- Когда зеленые флагжи вытеснят красный, твоя родина будет свободной? Так, Али хан?

- Да, Яхъя Кули, это так.

- Почему же тогда ты прямо сейчас не сдвинешь зеленые флагжи?

- Я не могу сделать этого, Яхъя Кули, это не в моих силах.

Он с глубоким сочувствием взглянул на меня.

- Ты должен молить Аллаха, чтоб он дал тебе сил. На будущей неделе начинается мухаррем. Если ты в этот месяц обратишься к Аллаху, он непременно даст тебе сил.

Нино дома не было. В Тегеран приехали ее родители, и теперь она часами пропадала у них. Там, на квартире, которую снимал князь, она встречалась с другими европейцами. Я знал об этом, но не протестовал, потому что мне было жалко Нино.

Слуга стоял в ожидании моих приказаний. Я вспомнил, что в Тегеран ненадолго приехал из Мешхеда Сеид Мустафа. Мы редко встречались с ним, потому что Сеид проводил теперь свои дни в мечетях или вел глубокомысленные беседы с ободранными дервишами.

- Яхъя Кули, сходи к Сеиду Мустафе. Он живет при мечети Сипехлезар. Попроси его оказать мне честь и почтить своим присутствием.

Слуга ушел, и я снова остался один.

Я действительно был бессилен поставить зеленый флагжок в той точке на карте, которая обозначала Баку. На моей родине турецкие батальоны и объединившиеся с ними добровольческие отряды, поднявшие знамя нового Азербайджана, сражались с врагом. Я знал и об этом знамени, и о численности войск, и о местах сражений. В числе азербайджанских добровольцев был и Ильяс бек. Я тоже рвался в сражение, мечтал вдохнуть свежий ветер свободы. Но путь на фронт был для меня закрыт. Границы охранялись английскими и русскими войсками. Мост над Араксом, связывающий Иран с полем боя, был перекрыт колючей проволокой, пулеметами и войсками.

А Иран жил, подобно улитке, спрятавшись в раковине своего благоденствия. И ни один человек не мог проникнуть отсюда в тот, считающийся зараженным мир, где шли бои, свистели пули и где людям было не до поэзии. Напротив, из Баку в Иран хлынул поток беженцев.

Был среди них и по-детски суэтливый болтун Арслан ага. В Тегеране он проводил свои дни в чайхане, писал статьи, где победы турков сравнивал с победоносными походами Александра Македонского. Одна из его статей была запрещена, так как слишком пылкие восхваления Александра, разгромившего некогда персидскую армию, цензор счел оскорбительными для Ирана. После этого случая Арслан ага возомнил себя человеком, пострадавшим за свои убеждения.

Как-то он зашел и ко мне, стал во всех деталях живописать мой героизм при обороне Баку. Получалось, что легионы врагов проходили торжественным строем под дулом моего пулемета только для того, чтобы иметь счастье быть сраженными моими пулями. Сам он во время боев отсиживался в подвале какой-то типографии и писал патриотические воззвания, которые нигде не были распространены. Он прочитал их мне и принялся выспрашивать - какие чувства испытывает человек, встретившийся лицом к лицу с врагом.

Я набил ему рот сладостями и выставил вон. Он ушел, оставив новенькую, пахнущую типографской краской тетрадь, чтобы я записывал туда свои героические воспоминания.

Я задумчиво перелистал эту тетрадь, вспоминая грустное лицо Нино, думая о своей запутанной, непонятной жизни, и взялся за перо. Я, конечно, не собирался описывать ощущения героя, сражающегося с врагом. Я хотел описать нашу с Нино жизнь, убившую

радость в глазах моей жены, рассказать о пути, который привел нас в благоухающий розами сад шамиранского дворца.

Я стал приводить в порядок записи, которые вел еще в гимназии, постепенно втягивался в работу, и наша прошлая жизнь день за днем вставала перед моими глазами.

От работы меня оторвал Сеид Мустафа. Он наклонился, прижимаясь щекой к моему плечу.

- Я запутался в этой жизни, Сеид, - сказал я, - потерял нить. Путь на фронт закрыт. Нино больше не смеется, я же вместо крови проливаю чернила. Что мне делать, Сеид Мустафа?

Мой друг спокойно и внимательно посмотрел на меня. Одет он был в черный костюм, лицо его вытянулось, и вся худая фигура, казалось, согнулась под бременем некоей тайны.

- Одними руками ты ничего не добьешься, Али хан, - сказал он, садясь. - Но ведь человеку даны не только руки. Взгляни на мою одежду, и ты поймешь, что я хочу сказать. Над людьми властвует сила Всевышнего. Прикоснись к этой тайне, и ты обретешь силу.

- Я не понимаю тебя, Сеид. Мой дух измучен, я ищу выход во мраке, который окружает меня.

- Все оттого, что ты видишь лишь рабов божьих, но забываешь о Всевышнем, властвующим над этими рабами. Внук Пророка, преследуемый врагами веры, погиб в Кербалае в 680 году. Он был спасителем, знающим тайну. Его кровью окрасил Всевышний восходящее и заходящее солнце. Шиитской общиной руководили двенадцать имамов: первым из них был Гусейн, а последним Незримый Имам Сахиб-аз-Заман, скрывающийся и по сей день. Этот незримый имам проявляется во всех своих делах, но, несмотря на это, он остается невидимым. Я вижу его в восходящем солнце, в зерне, в бушующем море. Его голос слышится мне в пулеметной очереди, в стонах женщин, в вое ветра. И Всевышний говорит мне: будущее шиитов - печаль! Траур по Гусейну, погившему в Кербалайской пустыне, частица этого будущего. И ежегодно один месяц мы отаем этой печали, этому трауру. Это месяц мухаррем, в который несчастный оплакивает свое горе. На десятый день мухаррема шиит обретает уготованное ему Всевышним, ибо это день гибели мучеников. Муки, принятые младенцем Гусейном, должны принять на себя люди благочестивые. Взявший на себя хотя бы малую толику тех мук приобщается к частице божественного милосердия. Вот потому-то и бичуют себя цепями правоверные мусульмане. Лишь через эти муки заблудшим откроется сладостный путь к милосердию и свободе.

- Сеид, - раздраженно сказал я, - я спрашиваю тебя, как мне вернуть счастье в мой дом, потому что душа моя объята страхом. А ты мне пересказываешь написанное во всех учебниках. Так что же, мнеходить по мечетям и хлестать себя цепью? Я - человек верующий и исполняю все требования религии. Я так же, как и ты, верую в тайну Всевышнего, но я не верю, что путь к моему счастью лежит через скорбь по святому Гусейну.

- А я верю в это, Али хан. Ты спрашиваешь меня о пути, я указал его тебе. Другого пути я не знаю. Ильяс бек проливает кровь на гянджинском фронте. Ты туда попасть не можешь. А потому пролей свою кровь на десятый день мухаррема, пролей ее во имя Всевышнего, который требует от тебя этой жертвы. Но молчи, не говори, что эта священная жертва будет бессмысленной. Все имеет смысл в этом мире скорби. В мухаррем и ты, как и сражающийся в Гяндже Ильяс бек, вступишь в сражение за родину.

Я молчал.

Карета с зашторенными окнами въехала во двор. Ворота в сад гарема распахнулись, и тут Сеид Мустафа неожиданно поднялся и сказал, что очень спешит.

- Приходи завтра ко мне в мечеть Сипехлезар. Продолжим наш разговор там.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В гареме нашлись замечательные нарды с инкрустированной перламутром доской и шашками из слоновой кости. Я научил Нино играть в нарды, и с тех пор мы играли на туманы, серьги, поцелуй или имя будущего ребенка. Нино проигрывала, расплачивалась со

мной и снова бросала кости. Глаза ее азартно блестели, а пальцы прикасались к шашкам так, словно они были сделаны не из слоновой кости, а из драгоценных камней.

Мы играли с ней, лежа на диване. Выдав мне проигранные восемь туманов серебром, Нино вздохнула.

- Ты разоришь меня, Али хан.

С этими словами она захлопнула доску, вытянулась, положив голову мне на колени, и устремила задумчивый взгляд в потолок. Сегодня день сложился удачно, и Нино, вкушив сладость мести, теперь блаженствовала. А дело обстояло так.

С утра в доме поднялся переполох, за дверью послышались стоны, а потом в комнату, морщась от боли, вошел злейший враг Нино - Яхъя Кули. Одна щека его опухла.

- Зуб болит, - жалобно сказал он.

Глаза Нино зажглись торжеством победы. Она подвела слугу к окну, заставила его открыть рот и нахмурилась, озабоченно качая головой. Потом взяла сюровую нитку, завязала один конец на дуплистой зубе Яхъя Кули, а другой - привязала к дверной ручке.

- Вот так, - проговорила она и резко захлопнула дверь.

Яхъя Кули испустил истощный вопль, глядя на болтающийся на нитке вырванный зуб.

- Скажите ему, Али хан, что так бывает, когда человек моет зубы указательным пальцем правой руки.

Я слово в слово перевел все слуге. Яхъя Кули наклонился и поднял зуб.

Но жажда мести Нино еще не была удовлетворена полностью.

- Ты ему скажи, что он еще не вылечился. Пусть пойдет, ляжет в постель и шесть часов держит на зубе что-нибудь горячее. Кроме того, ему неделю нельзя есть сладкого.

Яхъя Кули с опущенной головой вышел из комнаты, довольный, что избавился от боли.

- Стыдись, Нино, - сказал я, - ты отняла у бедняги его последнюю радость.

- Так ему и надо, - злорадно сказала Нино и принесла нарды. Ей хоть как-то удалось компенсировать горечь испытанных унижений...

И вот теперь Нино лежала на диване, поглаживая ладошкой мне щеку.

- Али, когда же освободят Баку?

- Наверное, недели через две.

- Целых четырнадцать дней, - вздохнула она. - Целых четырнадцать дней. Я очень соскучилась по Баку и мечтаю, чтобы турки поскорее взяли его. Знаешь, все изменилось. Ты здесь прекрасно чувствуешь себя, а меня каждый день унижают.

- Унижают? Как?

- Они все обращаются со мной так, будто я очень ценная и хрупкая вещь. Какова моя ценность, я точно сказать не могу, но я не хрупкая и, тем более, не вещь. Ты помнишь Дагестан? Там все было совсем иначе. Нет, мне здесь не нравится. Если Баку не освободят в ближайшее время, давай уедем куда-нибудь в другое место. Я не знаю поэтов, которыми здесь гордятся, но знаю, что в день ашура люди здесь бичуют себя цепями и вонзают кинжалы себе в головы. Сегодня все европейцы уезжают из города, чтобы не быть свидетелями этого зрелища. Я ненавижу все это. Я ощущаю себя жертвой некоей злой силы, которая в любой момент может обрушиться на меня.

Ее нежное лицо было обращено ко мне. Взгляд был как никогда глубок и непостижим. Зрачки расширились.

- Ты боишься, Нино?

- Чего? - с искренним удивлением спросила она.

- Некоторые женщины боятся родов.

Лицо ее стало серьезным.

- Нет, я не боюсь. Я боюсь только мышей, крокодилов, экзаменов и евнухов. Но никак не родов. Тогда я и зимой должна была бы бояться насморка.

Я коснулся губами ее прохладных век. Нино встала, зачесала волосы назад.

- Я еду к родителям, Али хан.

Я знал, что на маленькой вилле, где живут Кипиани, полностью нарушаются все законы гарема, однако не мог запретить Нино встречаться с родителями. Сегодня князь принимал своих грузинских друзей и западных дипломатов. Нино будет пить там чай, есть английские сладости и говорить с голландским консулом о Рубенсе и проблемах женщин Востока.

Она уехала. Я смотрел, как карета с зашторенными окнами выехала со двора.

Оставшись один, я вновь стал размышлять о зеленых флагах на карте, пограничных пунктах, закрывших мне путь на родину.

В комнате царил полумрак. Мягкие диванные подушки хранили аромат духов Нино. Я лежал на ковре и, перебирая четки, смотрел на блестевшего на стене иранского льва со сверкающим мечом в лапе. Сознание собственного бессилия и слабости удручало меня. Мне было стыдно прятаться в тени иранского льва, когда мой народ проливает кровь в полях под Гянджой. Я тоже ощущал себя ценной, заботливо оберегаемой хрупкой вещью. Мне, Ширванширу, в будущем было предназначено получить пышный придворный титул и изысканным языком классиков говорить о своих нежных чувствах. Но ведь в этот самый миг мой народ проливает кровь на полях сражений. Безнадежность повергала меня в отчаяние. Со стены скалил зубы иранский лев. Пограничный мост на Араксе был закрыт, а здесь, на иранской земле, не было путей к душе Нино.

Я зло рванул четки, нитка порвалась, и желтые камешки рассыпались по полу.

Откуда-то издали донесся слабый звук горна. Он звучал страшно и зачаровывающе, как предостережение Всевышнего. Я подошел к окну. Пыльная улица плыла в летнем зное. Солнце висело прямо над шамиранским дворцом. Барабаны били все ближе.

- Шахсей!.. Вахсей!.. - вторили им тысячи голосов. - Шах, Гусейн!.. Вах, Гусейн!

На углу появилась толпа. Впереди разевались три огромных шитых золотом знамени. На одном из них было вышито имя Али - посланца Аллаха на земле. На втором знамени из черного бархата была изображена опускающаяся левая рука. Это была рука Фатьмы, дочери Пророка. На третьем же знамени было написано лишь одно слово - "Гусейн", имя внука Пророка, Жертвы и Спасителя.

Толпа медленно текла по улице. В первых рядах шли правоверные мусульмане в черных траурных одеяниях с обнаженными спинами. В руках они держали тяжелые цепи, которыми бичевали себя, "смывая" грехи. В ритм ударов барабана они опускали цепи на свои кровоточащие спины. Вслед за ними в полукруг шли широкоплечие мужчины. Они делали два шага вперед, потом отступали на шаг и снова - два шага вперед.

- Шахсей!.. Вахсей!.. - глохо вскрикивали они, и при каждом вскрике обрушивали могучие кулаки на волосатую грудь.

Следом шли сеиды - люди из рода Пророка. Их талии были перевязаны зелеными поясами. За сеидами в белых саванах шли жертвы мухаррема с обритыми головами и кинжалами в руках. На их лицах было написано суровое отчуждение, словно они были посланцами иного мира.

- Шахсей!.. Вахсей!..

Сверкая в воздухе, кинжалы опускались на бритые головы. Одежда была залита кровью. У одного закружилась голова, и товарищи вывели его из толпы. На губах его блуждала счастливая улыбка.

Я все еще стоял у окна, ощущая в себе неведомое дотоле чувство. Крики с улицы отзывались в моей душе неким предупреждением, наполняя ее жаждой самопожертвования. На пыльной улице были бисером рассыпаны капли крови. Звуки горна зачаровывали, звали к спасению. В них заключалась тайна Всевышнего, врата печали, открывающие путь к спасению.

Я сжал губы и крепко стиснул ручку окна. Передо мной проплыло знамя Гусейна, я увидел руку Фатьмы, и предметы стали терять свою реальность.

Вновь раздался грохот барабана, он отозвался в моей душе диким ревом. В то же

мгновение я превратился в частицу этой толпы. Я оказался в полукруге широкоплечих мужчин, и мои кулаки тяжелыми молотами обрушивались на обнаженную грудь. Потом я ощутил прохладу полутемной мечети, услышал стон Имама. Кто-то вручил мне тяжелую цепь, и я почувствовал обжигающую боль на спине. Текли часы. Передо мной возникла просторная площадь, и тот же дикий рев, слившийся с радостным "Шахсей!.. Вахсей!..", вырвался из моей груди. Вдруг откуда-то появился дервиш с изможденным лицом, выступающими под иссохшей кожей ребрами. Лица людей в толпе сияли верой. Люди пели. По площади провели коня с окровавленной попоной на спине. Это был конь младенца Гусейна. Дервиш кричал во все горло. Отшвырнув медную палку, он бросился под ноги коню. У меня кружилась голова. Молоты кулаков обрушивались на обнаженную грудь.

- Шахсей!.. Вахсей!.. - ревела в экстазе толпа.

Рядом со мной утащили парня в залитой кровью белой одежде. Хлынувшее издали море факелов подхватило и понесло меня за собой. Я обнаружил, что сижу во дворе какой-то мечети, окруженный рыдающими людьми в высоких круглых папахах. Кто-то запел марсийе13 по младенцу Гусейну. По голосу поющего чувствовалось, что его мучает боль.

Я поднялся. Толпа текла в обратную сторону. Ночь была прохладной. Мы подошли к зданию, где заседало правительство. Оно было убрано черными флагами. Многотысячная толпа с факелами напоминала реку, в которой отражаются звезды. На перекрестках стояли женщины в чадре. Мы прошли мимо консульства, охраняемого часовыми.

Повсюду на крышах домов толпились зеваки. По Топ-мейданы, мимо молящейся толпы, прошел караван верблюдов. Вновь в небо взметнулись крики, стоны, женщины повалились на землю, лунный свет освещал их обнажившиеся ноги. На троне, установленном на горбу верблюда, восседала семья Младенца. За ним на черном коне везли убийцу Младенца - халифа Езида. Град камней полетел в него. Он соскочил с коня и укрылся в выставочном зале Насреддин шаха, где завтра будет показана мистерия о Младенце.

Над алмазными воротами шахского дворца тоже развевались черные флаги. Часовые в траурных одеждах стояли, склонив головы. Шаха во дворце не было, он находился в своей летней резиденции в Багешахе. Толпа свернула на улицу Ала-ад-Довле, и я неожиданно остался один на внезапно потемневшей и обезлюдевшей Топ-мейданы. На меня равнодушно смотрели ржавые дула пушек.

Тело ныло от боли. Казалось, я был наказан тысячью ударами палок. Я коснулся бока и нашупал там сгусток запекшейся крови. У меня закружилась голова. Пересядя площадь, я без сил опустился в пустой фаэтон. Извозчик с пониманием и заботой посмотрел на меня и тоном знатока сказал:

- Найди немного голубиного помета, смешай его с растительным маслом и смажь раны. Очень помогает.

Я вытянулся на сидении и крикнул:

- В Шамиран, к дому Ширваншира!

Извозчик взмахнул кнутом. Фаэтон тряслось на разбитых дорогах, и извозчик время от времени оглядывался на меня.

- Кажется, вы очень набожный человек, - с восхищением проговорил он, в следующий раз помолитесь и за меня. У самого времени не хватает, приходится много работать. Мое имя Зохраб Юсиф.

Бессильно уронив руки на колени, Нино сидела на диване и плакала навзрыд. Нежные губы ее отчаянно дрожали, на лице обозначились горькие складки. Капли чистейших слез скатывались с ресниц и бежали по щекам. Ее хрупкое тело вздрагивало от рыданий. Она плакала молча, не произнося ни слова, не вытирая слез, лишь губы ее мелко дрожали, как осенние листья на ветру. Я стоял перед ней, полный желания разделить ее горе, взял в руки ее холодные, безжизненные и ставшие такими чужими ладошки, поцеловал в соленые от слез глаза. Она понимающие и задумчиво взглянула на меня.

- Нино, что с тобой, Нино?

Она вздрогнула, поднесла руку ко рту, а когда снова опустила, на ладони были видны следы зубов.

- Али хан, я ненавижу тебя! - с ужасом выкрикнула она.

- Ты больна, Нино?

- Нет, я тебя ненавижу!

Она прикусила нижнюю губу и стала похожей на обиженного ребенка.

- Да что же случилось?

- Я тебя ненавижу! - повторила она, с отвращением глядя на мою изодранную одежду, исполосованные плечи.

- Что я такого сделал?

- Наконец-то, ты показал мне свое истинное лицо, Али хан, - медленно, без выражения, словно погруженная в задумчивость, произнесла она. - Я была у родителей. Мы пили чай, и голландский консул пригласил нас к себе. Он живет на Топ-мейданы. Консул хотел, чтобы мы увидели варварские обычаи Востока. Мы стояли у окна, и вся толпа проходила перед нами. Я слышала звуки горна, видела эти обезумевшие лица. "Буйное помешательство", - сказал консул и закрыл окно, потому что с улицы пахло потом и грязью. И вдруг до нас донеслись дикие крики. Выглянув, мы увидели, как какой-то дервиш в лохмотьях бросился под ноги коню. А потом... потом консул протянул руку и удивленно сказал: "Это он?.." Консул не договорил. Я посмотрела, куда он показывал, и увидела в этой толпе человека, который бил себя кулаками в грудь, хлестал цепью. Этим человеком был ты, Али хан! Я готова была провалиться от стыда сквозь землю. Оказывается, я жена потерявшего рассудок фанатика. Я следила за каждым твоим движением и чувствовала, что консул с жалостью смотрит на меня. Потом мы, кажется, пили чай, ужинали - я уже ничего не помню. С трудом досидела до конца. Передо мной вдруг явственно раскрылась пропасть, разделяющая нас. Младенец Гусейн убил наше счастье, Али хан. Ты для меня навсегда останешься частью той дикой толпы, и никогда уже я не смогу взглянуть на тебя иными глазами.

Она умолкла.

Пытаясь обрести родину и покой во Всевышнем, я причинил Нино муку.

- Что же теперь будет, Нино?

- Не знаю. Мы больше не сможем быть счастливы. Я хочу уехать отсюда. Куда угодно, лишь бы не видеть того обезумевшего человека с Топ-мейданы, туда, где я смогу вновь посмотреть тебе в глаза. Отпусти меня, Али хан, разреши уехать.

- Куда, Нино?

- Ах, не знаю, - вздохнула она и коснулась ран на моем теле. - Почему ты сделал это?

- Ради тебя, Нино, но ты не поймешь этого.

- Нет! - безнадежно ответила она. - Я хочу уехать отсюда. Я устала, Али хан, Азия отвратительна.

- Ты любишь меня?

- Да, - неуверенно ответила она и уронила руки на колени.

Я поднял Нино на руки и отнес в спальню. Там раздел ее, уложил в постель. Она испуганно лепетала что-то невнятное.

- Нино, потерпи еще пару недель, потом мы уедем в Баку.

Она устало кивнула головой и закрыла глаза. Полусонная взяла мою руку и прижала ее к груди. Я долго сидел рядом с ней, ощущая биение ее сердца. Потом тоже разделся и лег рядом с ней. Тело её было теплым, она по-детски свернулась калачиком на левом боку, поджав колени и спрятав голову под одеяло.

Утром она вскочила рано, перепрыгнула через меня и убежала умываться. Она мылась долго, звонко плескала водой и не выпускала меня... Выйдя из ванны, Нино старалась не встречаться со мной взглядом. В руках ее была чашечка бальзама. С видом человека, ощущающего свою вину, она смазала мне спину бальзамом.

- Тебе следовало бы избить меня, Али хан, - ласково сказала она.

- Я не смог бы сделать этого, весь день я избивал себя и очень утомился.

Отложив бальзам, она взяла поданный слугой чай. Пила она торопливо, смущенно отвернувшись к окну. Потом вдруг внимательно взглянула мне прямо в глаза и проговорила:

- Все это не имеет значения, Али хан. Я все равно ненавижу тебя и буду ненавидеть, пока мы в Иране. С этим я ничего поделать не смогу.

Мы встали, вышли в сад, уселись у фонтана, мимо нас важно прошествовал павлин. Во двор мужской половины дворца с грохотом въехала карета отца. Вдруг Нино наклонила головку и застенчиво сказала:

- Однако я могла бы сыграть в народы с человеком, которого ненавижу.

Я принес народы, и мы, растерянные и смущенные, принялись за игру... Потом легли, свесившись над бассейном и глядя на свои отражения в воде. Нино опустила руку в прозрачную воду, и легкая рябь смыла наши отражения.

- Не переживай, Али хан. Я не ненавижу тебя. Я ненавижу эту чужую страну и чужих людей. Как только мы окажемся дома, все пройдет. Как только...

Она погрузила лицо в воду, несколько мгновений полежала так, потом подняла голову. Вода стекала по щекам и подбородку.

- У нас обязательно родится сын, но придется ждать еще семь месяцев.

Нино произнесла это твердо, и вид у нее при этом был очень гордый. Я вытер ей лицо и поцеловал в прохладные щеки. Нино засмеялась. Теперь наша судьба зависела от полков, которые по выжженным знаменем солнцем Азербайджана степям шли к окруженному нефтяными вышками, захваченному врагом древнему Баку.

Вдалеке снова послышался звук трубы святого Гусейна. Я поспешил увлечь Нино в дом и закрыл окна. Потом принес граммофон, поставил пластинку, и оглушительный бас запел арию из "Фауста". Это была самая громкая пластинка в доме. Нино испуганно обняла меня, а бас Мефистофеля заглушил слабые звуки горна и долетавшие до нас из далекой древности крики:

- Шахсей!.. Вахсей!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В первые дни иранской осени армия Энвера заняла Баку. Об этом говорили всюду - на базарах, в чайхане, в кабинетах министров. Последние русские защитники города, изодранные и голодные, появились в иранских и туркестанских портах. Они рассказывали о белом полумесяце, изгнавшем из древней крепости города красное знамя. Арслан ага заполонил тегеранские газеты статьями о легендарном взятии Баку турками. Мой дядя Асад-ас-Салтане, ненавидя турок и одновременно желая услужить англичанам, закрыл эти газеты. Отец был на приеме у премьер-министра, и тот после некоторых колебаний дал разрешение на восстановление судоходства между Баку и Ираном. Мы выехали в Энзели, и там пароход "Насреддин" принял на борт группу беженцев, желающих вернуться на освобожденную родину.

В бакинском порту стояли бравые солдаты в меховых шапках. Ильяс бек обнажил саблю, салютуя кораблю, турецкий майор произнес торжественную речь, стараясь слить мягкий турецкий говор с жестким азербайджанским.

Мы приехали в наш разоренный, разграбленный дом, и Нино целыми днями с удовольствием исполняла роль домохозяйки. Она яростно спорила со слесарями, ходила по мебельным магазинам и с серьезным видом измеряла нашу комнату. Ее тайные переговоры с архитектором завершились тем, что в один прекрасный день наш дом наполнился голосами рабочих, запахами краски, досок и штукатурки.

Нино же царствовала в этом переполохе и была счастлива осознанием своей ответственности.

Ей была предоставлена полная свобода в выборе мебели, обоев, в обстановке дома.

Вечерами она немного смущенно и в то же время, сияя от радости, докладывала:

- Али хан, не сердись на Нино. Вместо дивана я заказала кровать, настоящую кровать,

обои будут светлыми, а на пол мы постелим ковры. Детская будет покрашена в белый цвет. Здесь все будет не так, как в иранском гареме.

Нино обнимала меня и ласкалась щекой. Явно она испытывала угрызения совести.

Устлать пол коврами и в то же время обедать по-европейски за столом казалось мне мало совместимым, однако я не спорил, предоставив Нино полную свободу действий. В моем распоряжении оставались только крыша и открывающийся оттуда вид на степь. Впрочем, в планы Нино входила и перестройка крыши.

Дом был полон известью, пылью, криками. А я сидел с отцом на крыше и, как Нино, виновато наклонив голову, пытался достать нос кончиком языка. Отец насмешливо улыбался.

- Ничего не поделаешь, Али хан. Домашние хлопоты - дело женское. Нино достойно вела себя в Иране, хоть это было и трудно. Теперь твой черед. Не забывай того, что я говорил тебе - Баку теперь принадлежит Европе. Причем, это навсегда! Прохладный полумрак закрытых комнат, яркие ковры на стенах это для Ирана.

- А как же ты, отец?

- Я тоже принадлежу Ирану. Подожду, пока у тебя родится ребенок, взгляну на него и уеду в Иран. Буду жить в нашем шамиранском доме и ждать, когда и там появятся белые обои и кровать.

- Я должен оставаться здесь, отец.

Он понимающе кивнул мне.

- Знаю. Ты любишь этот город, а Нино - Европу. Мне же не нравятся ни новый флаг, ни новый шум города, ни царящий здесь дух безбожия.

Отец тихо опустил голову и стал похож на своего брата Асада-ас-Салтане.

- Я - постарел, Али хан. Мне нет дела до новшеств. А ты должен остаться здесь. Ты молод и храбр, ты нужен Азербайджану.

Я бродил по вечерним улицам города. На перекрестках дежурили турецкие патрули. Вид у них был суровый, а в глазах ни единой мысли.

Я разговаривал с офицерами, и они стали рассказывать мне о стамбульских мечетях, о летних вечерах в Татлысу. Над старым зданием губернской управы развевалось знамя нового правительства, в здании гимназии заседал парламент. Казалось, старый город вступил в новую полосу жизни. Премьер-министром стал адвокат Фатали хан. Брат Асадуллы - Мирза Асадулла получил портфель министра иностранных дел. Я был захвачен неведомым мне до сих пор сознанием государственной независимости и чувствовал, что люблю и новый государственный герб, мундиры, должности и законы. Впервые я ощущал себя хозяином собственной страны. Русские смущенно проходили мимо меня, и даже бывшие преподаватели почтительно здоровались со мной.

Вечерами в местном клубе пели народные песни, играли национальную музыку, и все могли сидеть, не снимая папах. Мы с Ильяс беком пригласили турецких офицеров, вернувшихся с фронта и вновь уходящих туда. Они рассказывали об окружении Багдада, о переходе через Синайскую пустыню. Им довелось повидать пески Ливии, размытые дороги Галиции, снежные выюги в горах Армении. Презрев требование Пророка, турецкие офицеры пили шампанское, говорили об Энвере и Турецкой империи, которая объединит всех, в ком течет тюркская кровь.

Я упивался их рассказами, потому что все вокруг казалось мне прекрасным и незабываемым сном. В день официального парада на улицах Баку играла музыка. Энвер паша ехал верхом впереди войск и салютовал новому знамени. Его грудь была вся в орденах.

Гордость и удовлетворение переполняли нас. Позабыв о непримиримой вражде между суннитами и шиитами, мы готовы были целовать руки паше и умереть во имя османского халифа.

Только Сеид Мустафа стоял в стороне, и его лицо пылало ненавистью. Среди множества звезд и полумесяцев на груди паши он разглядел лишь болгарский крест. Этот

символ чужой веры на груди мусульманина приводил Сеида в ярость.

После военного парада Ильяс бек, Сеид и я уселись на скамейке на бульваре. С осенних деревьев осыпались листья, а мои друзья обсуждали Конституцию нового правительства. После боев под Гянджой из разговоров с молодыми турецкими офицерами Ильяс бек пришел к твердому выводу, что только срочное проведение реформ европейского типа может спасти страну от новой русской агрессии.

- Если мы построим укрепления, - увлеченно говорил Ильяс бек, проведем в жизнь реформы и построим дороги, это не помешает нам остаться правоверными мусульманами.

Сеид нахмурился, глаза его были усталыми.

- Ильяс бек, - спокойно сказал он, - почему бы тебе ни сказать, что человек может даже пить вино, есть свинину, но при этом все равно останется правоверным мусульманином? Ведь европейцы давно доказали, что вино полезно для здоровья, а свинина очень питательна. Конечно, человек может остаться правоверным мусульманином, однако архангел, стоящий у райских врат, не захочет поверить в это.

Ильяс бек засмеялся.

- Между просвещением и свининой большая разница.

- Зато нет никакой разницы между употреблением свинины и пьянством.

Я внимательно слушал спор.

- Сеид, - спросил вдруг я, - а можно ли спать на кровати, есть с помощью вилки и ножа и оставаться при этом истинным мусульманином?

Сеид улыбнулся.

- Ты всегда будешь правоверным мусульманином. Я видел тебя во время мухаррема.

Я умолк.

- А это правда, что ты перестроил свой дом на европейский манер, с современной мебелью и светлыми обоями? - спросил Ильяс бек, поправляя офицерскую папаху на голове.

- Да, Ильяс бек, правда.

- Прекрасно, - с воодушевлением произнес он, - Баку теперь стал столицей. Сюда будут приезжать иностранные послы. Нам нужны будут дома, где мы сможем их принимать, нужны будут женщины, умеющие поддерживать беседу с женами дипломатов. У тебя, Али хан, есть такая жена и скоро будет подходящий дом. Ты должен поступить на службу в министерство иностранных дел.

Я засмеялся.

- Ильяс бек, ты так распоряжаешься моей женой, моим домом, мной самим, как будто мы лошади, которые должны выступать на международных соревнованиях. Неужели ты думаешь, что я заново перестраиваю свой дом во имя наших успехов на международной арене?

- Так должно быть, - твердо сказал Ильяс бек, и я вдруг понял, что он прав: все, что у нас есть, мы должны отдать во имя этого нового государства, которое собираемся строить на бедной, иссущенной знойным солнцем земле Азербайджана.

Когда я вернулся домой и заявил Нино, что не имею ничего против паркетного пола, европейских картин на стенах, она радостно засмеялась, и ее глазки засверкали, как некогда в лесу у родника Пехачпур.

В те дни я часто брал коня и скакал в степь. Сидел там на мягкому песке, наблюдая, как скатывается на запад ярко-красное солнце.

Мимо шли турецкие войска. Лица офицеров были почему-то печальны и озабочены. Происходящее в нашей стране заглушило далёкий грохот пушек мировой войны. Но там, на фронте, очень плохо складывались дела у союзников турок - болгар.

- Фронт прорван. Удержать его невозможно, - говорили турки и уже не пили шампанское.

До нас доходили очень скучные сведения. Но то, что мы узнавали, удручало до чрезвычайности. Сутулый сухой старик - министр военно-морского флота Великой

Османской империи Гусейн Рауф бей - поднялся в порту Мудрос на борт английского броненосца "Агамемнон", имея полномочия подписать договор о перемирии. Склонившись над столом, он поставил свою подпись под договором, и тогда слезы навернулись на глаза турок, властовавших в нашем городе.

В последний раз прозвучала на бакинских улицах песня о Туранской империи, но теперь она звучала, как погребальный плач. Командующий в лайковых перчатках проехал на коне перед строем солдат с замершими лицами, священное знамя Османского дома было спущено, барабаны пробили дробь, и командующий поднес руку ко лбу, оставляя нам память о стамбульских мечетях, великолепии дворцов на Босфоре, халифе и поясе Пророка.

Когда три дня спустя за Наргеном появились первые английские корабли с оккупационными частями, я стоял на берегу. У английского генерала были голубые глаза, тонкие усики и большие, сильные руки. Город наводнили новозеландцы, канадцы и австралийцы. Британский флаг развевался рядом с нашим, и тогда Фатали хан пригласил меня прийти к нему в министерство.

Он сидел в мягкем кресле, устремив на меня острый взгляд.

- Али хан, почему вы до сих пор не состоите на государственной службе?

Я и сам не знал этого. Глядя на разложенные у него на столе карты и ощущая угрызения совести, я ответил:

- Фатали хан, я всем сердцем люблю Родину и готов выполнить любой ваш приказ.

- Я слышал, у вас большие способности к иностранным языкам, сколько времени вам потребуется, чтобы выучить английский?

Я смущенно улыбнулся.

- Мне не надо учить английский, я его давно знаю.

Он откинул голову на спинку кресла, немного помолчал и вдруг спросил:

- А как живет Нино?

Я удивился тому, что премьер-министр вопреки всем правилам интересуется моей женой.

- Благодарю, ваше превосходительство, хорошо.

- Она тоже знает английский?

- Да.

Он снова умолк, покручивая густые усы.

- Фатали хан, - спокойно проговорил я, - я знаю, к чему вы клоните. Мой дом через неделю будет готов. У Нино в гардеробе достаточно платьев. Мы говорим на английском, а счет за шампанское я оплачу сам.

Премьер-министр засмеялся. На глазах его выступили слезы.

- Простите меня, Али хан. Я не хотел оскорбить вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. Наша страна бедна людьми, происходящими из древнего рода, имеющими жен-европеек, свой дом и говорящими на английском. У меня, например, не хватало средств выучить английский, не говоря уже о том, чтобы иметь жену-европейку и дом, поставленный на европейскую ногу.

Он выглядел усталым.

- С этого дня вы назначаетесь атташе западноевропейского отдела, сказал он, взяв ручку. - Ступайте к министру иностранных дел Асадулле. Он расскажет, в чем будут заключаться ваши обязанности. И... И... только не обижайтесь... не могли бы вы закончить ремонт вашего дома через пять дней? Мне очень неловко обращаться к вам с подобной просьбой.

- Слушаюсь, ваше превосходительство! - твердо ответил я и вышел из кабинета, унося в душе чувство, будто я намеренно обманул своего старого и верного друга.

Дома я застал Нино, перемазанную шпаклевкой и краской. Она стояла на стремянке и вбивала в стену гвоздь, на котором должна была висеть картина. Наверное, она очень удивилась бы, узнав, что, вбивая этот гвоздь, оказывает Родине важную услугу. Поэтому я не

стал говорить ей этого, а лишь поцеловал ее измазанные пальчики и одобрил предложение купить ледник для хранения иностранных вин.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

"Есть ли у вас тетя? - Нет, у меня нет тети, но мой слуга сломал правую ногу".

"Вам понравилось путешествие? - Да, путешествие мне понравилось, но по вечерам я предпочитаю есть только фрукты".

Упражнения в учебнике английского языка были ужасно глупыми. Нино захлопнула учебник.

- По-моему, мы достаточно знаем английский, чтобы выиграть сражение. Ты мне лучше скажи, тебе приходилось когда-нибудь пить виски?

- Нино! - в ужасе воскликнул я. - Ты говоришь прямо как в этом учебнике!

- Извини, Али хан, наверное, я не так понимаю служение Родине, поэтому болтаю глупости. А кто будет у нас сегодня? - с притворной покорностью спросила она.

Я стал перечислять ей имена английских дипломатов и офицеров, приглашенных на сегодня к нам. Нино слушала меня, гордо подняв головку. Она прекрасно знала, что ни один министр или генерал в Азербайджане не имеет того, что есть у ее мужа - интеллигентную жену, получившую западное воспитание, знающую английский, да еще к тому же и из княжеского рода.

- Я пробовала виски, - с отвращением на лице сказала она, - горькая, противная вещь. Его потому и смешивают с содовой.

Я обнял свою жену, и она радостно посмотрела на меня.

- Удивительная у нас жизнь, Али хан. То ты держал меня в гареме, а теперь я служу развитию культуры нашей Родины.

Мы спустились в гостиную. Отлично вымуштрованные слуги стояли у стен, по которым были развешаны пейзажи, изображения животных. По углам - мягкие кресла, на столе - цветы.

- Помнишь, Али хан, как я прислуживала тебе, нося в ауле воду?

- А что тебе нравится больше?

Раздался звонок в дверь. Губы Нино напряглись и нервно дрогнули, но это оказались всего лишь родители Нино и Ильяс бек, одетый в парадный мундир. Он медленно оглядел комнату и покачал головой.

- Мне тоже следует жениться, Али хан. Не знаешь, у Нино случайно нет двоюродной сестры?

Мы с Нино стояли в дверях и пожимали сильные руки англичан. Офицеры были невысокими и краснолицymi. Их голубоглазые женщины носили перчатки, вежливо смеялись, с любопытством оглядываясь по сторонам. Судя по всему, они ожидали, что им будут прислуживать евнухи, а полуобнаженные танцовщицы исполнят танец живота.

У Нино перехватило дыхание, когда какой-то молодой лейтенант наполнил рюмку виски и, не разбавляя его содовой, залпом выпил. В гостиной было шумно, вопросы сыпались потоком, и диалоги очень напоминали упражнения из учебника английского языка.

- Давно вы замужем, миссис Ширваншир?

- Скоро два года... Да, в свадебное путешествие мы поехали в Иран... Мой муж обожает лошадей... Нет, в поло он не играет... Вам нравится наш город?

- Да, я так рада, что увидела Баку.

- Ну что вы! Ведь мы не дикари! В Азербайджане давно уже нет многоженства. А про гаремы я только в романах читала.

Нино взглянула на меня, от еле сдерживаемой улыбки у нее подрагивал кончик носа. Какая-то майорша спросила, была ли Нино хоть раз в опере. Нино скромно потупила глазки и ответила:

- Да, была, и еще я умею читать и писать. - С этими словами она предложила посыпанной майорше сэндвич.

Молодые англичане - дипломаты, офицеры - расшаркивались перед Нино, их руки словно ненароком касались ее пальчиков, а взгляды блуждали по обнаженным плечам.

Я отвернулся. Мирза Асадулла стоял в углу, спокойно покуривая сигару. Свою жену он никогда и ни при каких условиях не вывел бы на обозрение стольких мужчин. Нино же была грузинкой, христианкой, а, следовательно, по мнению Асадуллы, создана для того, чтобы выставлять свои руки, плечи чужим взглядам.

Гнев и обида душили меня. Долетавшие до меня обрывки разговора казались мне неприличными и оскорбительными. Я опустил глаза, чтобы не видеть, как эти чужие мужчины обступили Нино в противоположном углу.

- Благодарю, - вдруг услышал я ее хриплый голос, - вы очень любезны.

Я взглянул на нее и увидел, как она вся залилась румянцем, а на лице ее написан ужас. Она подошла ко мне, взяла под руку, словно ища опоры, и тихо проговорила:

- Али хан, ты теперь понимаешь, что я испытывала в Тегеране, выдерживая натиск твоих тетушек и сестер. Что мне делать с этими мужчинами? Я не хочу, чтобы они так смотрели на меня.

Сказав это, Нино отошла к майорше, и я услышал ее голос:

- Вы непременно должны хоть раз побывать в нашем театре. Сейчас Шекспира переводят на азербайджанский язык. На следующей неделе должна быть премьера "Гамлета".

Я вытер пот со лба и вспомнил о суровых законах гостеприимства. "Если гость даже отрежет голову твоему сыну и явится с ней в твой дом, ты должен принять его, накормить и почтить, как гостя". Так гласит древняя заповедь. Правило мудрое, но до чего же трудно иногда выполнить его.

- У вас прекрасная супруга и замечательный дом, Али хан! - воскликнул один из лейтенантов, и муки мои возросли стократ.

Этот офицер, наверное, очень удивился бы, узнав, что не получил пощечины только из политических соображений. Подумать только, какой-то щенок позволяет себе громко, при всех обсуждать достоинства моей жены! Рука моя, державшая рюмку коньяка, дрожала, и несколько капель пролились на пол.

Я подошел к седоусому дипломату, сидящему в углу, и предложил ему сладостей. У него были желтые зубы и толстые, короткие пальцы.

- У вас истинно европейский дом, Али хан, - проговорил он на чистом персидском языке.

- Я живу по обычаям своей страны.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Есть большая разница между культурами Ирана и Азербайджана.

- Несомненно. Мы опередили Иран лет на сто. Следует учесть, что у нас хорошо развита промышленность и есть железные дороги. К сожалению, русские затормозили наше культурное развитие. У нас мало врачей и учителей. Я слышал, что наше правительство собирается отправить способных молодых людей в Европу, чтобы восстановить все утерянное за время российского господства.

Я предложил ему виски, старик отказался.

- Я двадцать лет прослужил консулом в Иране. Мучительно было видеть, как исчезает древняя культура, как современный Восток пытается подражать западной цивилизации, как они попирают традиции своих предков. Впрочем, возможно, вы правы. Образ жизни - это личное дело каждого. Как бы там ни было, я должен признать, что ваша страна вполне созрела, чтобы стать такой же независимой, как, к примеру, республики Центральной Америки. Мне кажется, наше правительство вскорости признает государственную независимость Азербайджана.

В противоположном углу зала Асадулла разговаривал с родителями Нино и Ильяс беком.

- О чем говорил старик? - спросил Асадулла, когда я подошел к нему.
- Он считает меня безумцем, но Англия скоро признает наш суверенитет.
- Мирза Асадулла облегченно вздохнул.
- Вы отнюдь не безумец, Али хан.
- Благодарю, господин министр, но, боюсь, я, в самом деле, безумец.

Он пожал мне руку, поклонился гостям и ушел. В дверях он задержался, чтобы поцеловать руку Нино, и я увидел, как Нино с таинственной улыбкой на губах что-то шепчет ему. Асадулла, соглашаясь, кивнул головой.

Гости разошлись в полночь. Гостиная пропиталась запахом виски и табачного дыма. Ощущая огромную усталость и облегчение, мы поднялись по лестнице, вошли в спальню, и тут нас с Нино охватило удивительное детское желание шалить. Нино зашвырнула куда-то в угол свои бальны туфельки, прыгнула на кровать, скрипя пружинами. Ее нижняя губка потянулась к кончику носа. В эту минуту моя жена была похожа на маленькую обезьянку. Она надула щеки и ткнула в них пальцами. Со звонким хлопком воздух вырвался из ее губ.

- Ну что, спаситель Отечества, ты доволен? - кричала Нино, подпрыгивая на кровати.

Она соскочила на пол, подбежала к зеркалу и с удивлением стала разглядывать себя.

- Нино ханум Ширваншир - азербайджанская Жанна д'Арк. Ну, майорша, здорово я провела тебя - ах, я в жизни не видела евнуха!

Она со смехом захлопала в ладоши.

На Нино было светлое, свободное в талии платье. С нежных мочек ушей свисали длинные серьги. В свете лампы тускло поблескивали жемчужины ожерелья. Руки были по-девичьи нежны и красивы. Черные волосы спадали до самой поясницы. Что-то новое появилось в красоте стоящей перед зеркалом Нино, и эта новизна казалась мне очаровательной.

Я приблизился к ней, европейская княжна с сияющими от счастья глазами поклонилась мне. Я обнял ее, и мне показалось, что эту женщину я обнимаю впервые. У нее была нежная и ароматная кожа, меж полуоткрытых губ сверкали жемчуга зубов.

Мы впервые сели на край нашей кровати. Я обнимал европейскую женщину, ее длинные пушистые ресницы щекотали мои щеки, глаза были полны восторга. Никогда еще я не испытывал подобного восторга. Я взял ее за подбородок и приподнял головку, любуясь мягкими чертами лица, влажными, полуоткрытыми губками, сверкающими из-под полуприкрытых век глазами.

Я погладил ее спину, и Нино бессильно обмякла в моих объятиях. Мы позабыли обо всем на свете - и о ее вечернем платье, и о европейской кровати - полуобнаженная Нино лежала передо мной на глиняном полу в дагестанском ауле. Я крепко сжимал ее плечи...

И вдруг оказалось, что мы с ней, одетые, лежим под великолепной европейской кроватью на светлом германском ковре. Нино была неподвижна, я ощущал лишь ее слабое дыхание, мысли мои снова смешались, и я перестал думать и о старом англичанине, и о молодых офицерах, и о будущем нашей республики.

Потом мы лежали друг подле друга и глядели в висящее над нами зеркало.

- Платье совсем измялось, - сказала вдруг Нино, и в ее голосе слышалось счастье.

Мы сели. Нино опустила голову мне на колени.

- Интересно, что сказала бы на это майорша? Она, наверное, спросила бы: разве Али хан не знает, для чего существует кровать?

Она поднялась.

- Не будет ли господин атташе любезен соблюсти дипломатический протокол, принятый во всем мире, раздеться и занять место на брачном ложе?

Полусонный, я, ворча, встал, разделся, швырнулся куда-то одежду и лег между двумя простынями рядом с Нино. Так мы и заснули.

Шли недели. Мы снова принимали гостей, они пили виски и хвалили наш дом.

Грузинское гостеприимство Нино не знало границ, она танцевала с молодыми лейтенантами, чинно беседовала со старыми чиновниками о подагре, рассказывала англичанам о царице Тамаре, и те были уверены, что великая царица царствовала и в Азербайджане.

Я проводил дни в своем просторном кабинете в министерстве, готовил проекты дипломатических нот, читал зарубежную корреспонденцию, а в свободные минуты любовался из окна видом на море.

Постоянно веселая и беззаботная Нино приходила ко мне. К моему удивлению, она подружилась с министром иностранных дел Асадуллой, ухаживала за ним, когда он приходил к нам, рассуждала с ним о нравах общества. Иногда же они сидели в углу и о чем-то таинственно шептались.

- Чего ты хочешь от Мирзы? - спросил я как-то.

Она улыбнулась.

- Я хочу стать первой женщиной - заведующей протокольным отделом министерства иностранных дел.

Мой стол был завален письмами, сообщениями, призывами. Создание нового государственного устройства шло полным ходом, и мне доставляло особое удовольствие вскрывать конверты с нашим новым государственным гербом.

Около полудня курьер принес мне стопку газет. Я раскрыл правительенную газету и на третьей странице обнаружил свое имя, напечатанное крупным шрифтом. Ниже следовал текст:

"Атташе министерства иностранных дел Али хан Ширваншир назначен на новый пост в парижском консульстве".

Далее шла статья, восхваляющая мои достоинства. По стилю статьи нетрудно было догадаться, что написал ее ни кто иной, как Арслан ага.

Я ринулся в кабинет министра, резко распахнул дверь.

- Мирза Асадулла, что это значит? - воскликнул я.

Он засмеялся.

- Это сюрприз для вас, друг мой! Я обещал это вашей супруге. Париж это лучшее место для вас с Нино.

Гнев душил меня. Я скомкал газету и, отшвырнув ее в угол, закричал:

- Нет такого закона, Мирза, который заставил бы меня на долгие годы покинуть Родину!

Мирза Асадулла был изумлен.

- Чего вы хотите, Али хан? Это самая почетная должность в министерстве иностранных дел. Вы достойны ее.

- Но я не хочу уезжать в Париж, и если меня будут принуждать к этому, подам в отставку. Я ненавижу чужой мир, ненавижу чужие улицы, чужих людей, чужие обычаи. Но вам, Мирза, никогда не понять этого.

Он спокойно кивнул.

- Что ж, если вы настаиваете, то можете оставаться здесь.

Я бросился домой, задыхаясь, взбежал по лестнице.

- Нино, - крикнул я, - я не могу допустить этого, не могу, пойми!

Нино побледнела, я увидел, как задрожали ее руки.

- Но почему, Али хан?

- Пойми меня правильно, Нино. Я люблю эту плоскую крышу над головой, люблю степь, люблю море. Я люблю этот город, старую крепость, мечети в узких улочках, я буду задыхаться без всего этого, как рыба, выброшенная на сушу.

Она на мгновение закрыла глаза, потом бессильно прошептала:

- Жаль...

Я сел, взял в ладони ее руки.

- В Париже я буду несчастен, как ты в Иране. В чужом окружении я буду тонуть, как в

водовороте. Вспомни шамиранский дворец, гарем. Ты не смогла вынести Азию, я не смогу выжить в Европе. Давай же останемся здесь, в Баку, ведь здесь так незаметно переплелись Европа и Азия. Не смогу я уехать в Париж. Там нет ни мечети, ни крепости, ни Сеида Мустафы. Мне необходимо дышать воздухом Азии, чтобы выносить эту орду иностранцев, нахлынувших в Баку. Ты возненавидела меня во время мухаррема, я буду ненавидеть тебя в Париже. Не сразу же, но после какого-нибудь карнавала или бала, куда ты потащишь меня, я начну ненавидеть этот чужой мир и тебя. Поэтому я должен оставаться здесь. Я здесь родился и здесь хочу умереть.

Нино молча слушала меня. Когда я кончил говорить, она наклонилась ко мне, погладила мои волосы:

- Прости свою Нино, Али хан. Я была дурой. Не знаю, почему мне показалось, что ты легко можешь привыкнуть ко всему, к любому месту. Мы остаемся. Не будем больше говорить о Париже.

И она нежно поцеловала меня.

- Наверное, нелегко быть женой такого человека, как я?

- Нет, Али хан, нет...

Она коснулась пальцами моих щек. Моя Нино была сильной женщиной. Я знал, что сейчас убил ее самую заветную мечту.

- Когда у нас родится ребенок, - сказал я, сажая ее к себе на колени, - мы поедем в Париж, Лондон, Берлин, Рим. Мы ведь еще не были в свадебном путешествии. Проведем лето там, где тебе больше понравится. И каждое лето мы будем ездить в Европу, ведь я - не тиран. Но мой дом должен быть на земле, которой я принадлежу. Потому что я - сын нашей степи, нашего города и солнца.

- Да, - согласилась Нино, - и к тому же ты - хороший сын, о Европе забыто. Но твой ребенок не должен быть сыном ни степи, ни песков. Пусть это будет дитя только Али и Нино. Да?

- Да, - сказал я, давая тем самым согласие быть отцом европейца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- У твоей матери были очень тяжелые роды, Али хан. Но ведь в то время не принято было приглашать к своим женам европейских врачей.

Мы сидели с отцом на крыше, и голос его звучал грустно:

- Когда у твоей матери усилились схватки, мы дали ей выпить толченые бирюзу и алмаз. Но это не очень помогло ей. Чтобы ты стал набожным и храбрым, мы повесили твою отрезанную пуповину на восточной стене между саблей и Кораном. Потом ты носил ее на шее, как талисман, и ни разу не заболел. А в три года ты сорвал этот амулет с шеи и выбросил, вот с тех пор и начались твои болезни. Сначала, чтобы отогнать их от тебя, мы ставили в твоей комнате вино, сладости, раскрасили петуха и пустили в твою комнату. Но ты продолжал болеть. Потом нашли какого-то знахаря, живущего в горах. Он привел с собой корову. Корову закололи, знахарь распорол ей брюхо, вытащил кишку, а тебя положил в брюхо. Через три часа тебя достали оттуда, ты был весь красным. Но все болезни, как рукой сняло.

Из дома доносились глухие, протяжные стоны. Я сидел неподвижно, и не слышал ничего, кроме этих стонов. Они становились все громче и всё отчаянней.

- Сейчас она проклинает тебя, - спокойно промолвил отец. - Все женщины во время родов проклинают своих мужей. В старину после родов закалывали баана, и женщина кропила его кровью постель мужа и ребенка, чтобы изгнать из дома злых духов, которых она призывала во время родов на голову мужа.

- Сколько это может продлиться, отец?

- Часов пять, шесть, может, десять. У Нино узкий таз.

Он умолк. Может быть, вспомнил мою маму, которая умерла при родах. Потом он неожиданно поднялся.

- Подойди сюда.

Мы разулись и опустились на колени на коврики для намаза. Сложили руки - правую поверх левой - и отец сказал:

- Сейчас мы можем помочь ей только этим, но молитва важней любого врача.

С этими словами отец поклонился и начал молиться по-арабски:

- Бисми-ллахи-еррахмани-рахим¹⁴.

Кланяясь на коврике, я повторял за ним слова молитвы:

- Альхамду-лиллахи-раби-л-алемин-ар-рахмани-рахим-малики-яумидин¹⁵.

Я закрыл лицо руками. Стоны Нино продолжали доноситься до, моего слуха, но теперь они уже не действовали на меня. Мои губы сами собой шептали аяты Корана:

- Ийяка-на-буду-вайяка-настайн¹⁶.

Ладони мои бессильно опустились на колени, и я в полнейшей прострации слушал шепот отца:

- Ихдинас сирата-лмустагим сирата-ллазина-анаммта-алаихим¹⁷.

Красные узоры на коврике сливались в одно целое. Я приник лицом к ковру:

- Гаира-лмагдуми-алаихим-вала-ззалвн¹⁸.

Мы лежали, распростервшись перед лицом Всевышнего, и повторяли на языке арабских бедуинов молитвы, которые некогда в Мекке Аллах вложил в уста Пророка.

Крики Нино стихли. Я сидел на ковре, перебирал четки и шептал про себя тридцать три имени Всевышнего.

Кто-то коснулся моего плеча. Я поднял голову, увидел чье-то улыбающееся лицо. Человек что-то говорил мне, но я не слышал его слов. Отец тоже смотрел на меня. Я встал и медленно спустился по ступенькам.

Занавески в комнате Нино были задернуты. Я подошел к кровати. Нино лежала бледная, вся в слезах. Она молча улыбнулась мне, а потом на чистом азербайджанском языке, на котором она почти не говорила, прошептала:

- Девочка, Али хан, очень красивая девочка. Я так счастлива.

Я сжал ее ледяные руки. Нино закрыла глаза.

- Не позволяйте ей спать, Али хан, она должна некоторое время бодрствовать.

Я коснулся пальцем пересохших губ Нино, она бессильно посмотрела на меня. Женщина в белом переднике протянула мне сверток, в котором лежала маленькая, сморщенная куколка. У нее были маленькие пальчики и большие бессмысленные глаза. Куколка плакала, широко раскрыв ротик.

- Ты только погляди, какая она красавица, - сказала Нино, играя ее пальчиками.

Я взял сверток. Куколка уже заснула, и ее сморщенное лицико было очень серьезным.

- Назовем ее Тамарой? - прошептала Нино.

Я согласился, потому что это имя носили и христианки, и мусульманки.

Кто-то вывел меня из комнаты. Взгляды всех были устремлены на меня. Мы с отцом вышли во двор.

- Возьмем коней и поскакем за город, - предложил отец. - Нино скоро уже сможет уснуть.

Мы вскочили на коней и галопом понеслись меж песчаных холмов. Отец что-то говорил, и до меня с трудом дошло, что он пытается утешить меня. Не знаю, почему он решил, что я нуждаюсь в утешении, я был чрезвычайно горд, что у меня родилась эта сонная, задумчивая девочка с бессмысленными глазами.

Снова потекли дни, одинаковые, как камешки на четках. Нино подносила Куколку к груди, тихо напевала ей по ночам грузинские песни и, глядя на это свое маленькое, сморщенное подобие, задумчиво качала головой. Со мной она обращалась пренебрежительно, даже жестоко, потому что я был мужчиной, существом, неспособным перепеленать ребенка.

Я проводил дни в министерстве. Иногда Нино вдруг звонила ко мне и сообщала об очередном чрезвычайно важном событии:

- Али хан, Куколка засмеялась и потянулась ручкой к солнцу.

- У нас очень умная Куколка, Али хан, я показала ей стеклянный шарик, и она долго разглядывала его.

- Послушай, Али хан, Куколка что-то рисует пальчиком у себя по животику. Она, наверное, будет очень талантливой.

В то время как наша Куколка рисовала что-то у себя на животике и играла со стеклянным шариком, большие дяди в далекой Европе играли с границами, армиями и государствами. Я перечитал лежащую у меня на столе информацию и посмотрел на карту, испещренную зыбкими границами сегодняшнего мира. Таинственные люди с труднопроизносимыми именами заседали в Версале и решали будущее Востока. Лишь прибывший из Анкары светловолосый генерал осмелился оказать победителям безнадежное сопротивление. Наша родина Азербайджан - была признана европейскими странами суверенным государством.

Когда Ильяс бек узнал, что английские оккупационные войска уходят из Азербайджана, его восторгам не было конца. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы остудить его пыл.

- Теперь мы совершенно свободны, - говорил Ильяс бек, - на нашей земле не осталось ни одного иностранного солдата.

Я подвел его к карте.

- Взгляни, Ильяс бек, Турция и Иран были нашим естественным укрытием, но сейчас они обессилили. Мы повисли в пустоте, и на нас надвигаются сто шестьдесят миллионов русских, жаждущих нашей нефти. Пока здесь были англичане, ни один русский - будь он белым или красным - не осмелился бы перейти нашу границу. Но как только англичане уйдут, здесь останемся только мы с тобой, да еще пара полков, которые мы сможем собрать.

Ильяс бек беззаботно замотал головой.

- Ну, о чем ты говоришь! У нас есть дипломаты, чтобы заключить с русскими мирные договоры. Перед армией стоят другие задачи. - Он указал на наши южные границы. - Армия должна отправиться вот сюда, на границу с Арменией. Там вспыхнул бунт. Уже есть приказ министра обороны генерала Мехмандара.

Англичане ушли из города. Празднично украшенными улицами ушли и наши войска, направляясь к границе с Арменией, а на границе с Россией, в Яламе остались только пограничники и несколько чиновников. Мы в министерстве готовили проекты договоров как с красными, так и с белыми, а мой отец уезжал в Иран.

Мы с Нино прощались с ним в порту. Отец грустно смотрел на нас и не спрашивал, собираемся ли мы ехать за ним.

- Что ты будешь делать в Иране?

- Может быть, женюсь, - рассеянно отвечал он, целуя нас. - Я буду навещать вас. Не переживайте, если это государство погибнет, у меня есть несколько имений в Мазандаране.

Отец взошел по трапу, потом долго стоял на палубе, глядя на нас, на крепость, на величественную Девичью башню, на город, на степ...

В Баку было зноено, занавески на окнах в министерстве были полуопущены.

Прибыли послы из России. У них были неприятные, хитрые лица. Они равнодушно и торопливо подписали уйму документов, договоров, статей, примечаний, поправок и уехали.

Улицы тонули в песке и пыли. Ветер играл обрывками бумаг. Мои тестя и теща уехали на лето в Грузию.

А границу в Яламе по-прежнему охраняли несколько пограничников.

- Асадулла, - сказал я министру, - в Яламе по ту сторону границы стоят тридцать тысяч красных.

- Наше дело - заключить договоры, - зло сказал он. - Остальное в руках Аллаха.

Я вышел на улицу. У входа в парламент стояли часовые, их начищенные штыки ярко блестели под солнцем. В самом парламенте яростно спорили депутаты от различных партий. Русские рабочие грозили начать новую забастовку, если не будут разрешены поставки нефти в Россию.

Люди собирались в чайханах, читали газеты, играли в нарды. Дети возились в раскаленной пыли. Казалось, небо низвергало на нас потоки пламени.

- Вставайте к молитве! Вставайте к молитве! Лучше молиться, чем спать - доносилось с минарета.

Я не спал, а просто лежал с закрытыми глазами. Мысли все время возвращались к тридцати тысячам солдат, стоявших на границе в Яламе.

- Очень жарко, Нино, - сказал я, - наша Куколка еще не привыкла к такой жаре. Ты ведь тоже любишь деревья, тень, воду. Поехала бы на лето к родителям в Грузию.

- Нет, - серьезно отвечала Нино, - я не хочу уезжать.

Я не стал настаивать, а Нино сидела задумчивая и хмурая.

- Мы должны уехать все вместе, Али хан, в городе очень жарко. Ведь у тебя есть в Гяндже имение, там сад, виноградник, давай уедем туда. Ведь там твоя родина, и Куколка наша будет в прохладе.

Против этого нечего было возразить. Мы собирались и уехали. Наш вагон украшал новый герб Азербайджана.

От железнодорожной станции в Гянджу вела широкая, пыльная дорога. Пересохшая река разделяла мусульманские и христианские кварталы города. Я показал Нино могилу моего прадеда Ибрагима, погибшего сто лет назад от русской пули.

Мы приехали в имение.

Ленивые, разомлевшие от жары буйволы лежали в воде. Пахло молоком, виноград созрел, и его ягоды стали крупными, как глаза буйволов. Головы крестьян были выбриты на макушке, а спереди волосы разделены пробором. В глубине сада стоял небольшой домик с деревянной верандой.

Куколка заулыбалась, увидев лошадей, собак, кур.

Мы навели в доме порядок и зажили там. Я на несколько недель позабыл о министерстве, договорах и Яламе.

Мы лежали на лужайке. Нино жевала горькую травинку, и ее загоревшее под солнцем лицо было спокойно и безмятежно, как небо над Гянджой.

- Али хан, эта Куколка моя. В следующий раз будет мальчик, и ты возьмешь его себе.

И она стала обстоятельно планировать будущее Куколки. В это будущее входили теннис, Оксфорд, французский и английский языки... Короче, весь европейский набор...

Я молчал, потому что Куколка была еще очень мала, а под Яламой стояли тридцать тысяч красных. Мы веселились на лужайке и обедали, расстелив ковры, под деревьями. Неподалеку от лежащих буйволов Нино купалась. Проходившие мимо крестьяне в маленьких круглых папахах, кланялись своему хану и приносили нам полные корзины персиков, яблок и винограда. Мы не читали газет, не получали писем, мир ограничился пределами нашего имения, и мы были почти так же счастливы, как в Дагестане.

В один из жарких летних вечеров мы сидели в комнате. Издали послышался стук копыт. Я вышел на террасу и в человеке в черной черкеске узнал Ильяс бека. Он соскочил с коня. Я радостно протянул ему руки, но он не ответил на мое приветствие. В свете лампы лицо его было бледным, щеки ввалились.

- Русские заняли Баку, - проговорил он.

Я кивнул, словно давно знал это.

- Как это случилось, Ильяс бек? - спросила стоявшая у меня за спиной Нино.

- Ночью из Яламы пришли эшелоны с русскими солдатами. Они окружили город, и парламент сдался. Все министры, не успевшие бежать, арестованы, парламент распущен. Русские рабочие перешли на сторону своих земляков. В Баку у нас не оказалось ни одного

солдата. Все находились на границе с Арменией. Я собираюсь организовать добровольческий партизанский отряд.

Я оглянулся. Нино ушла в комнату, слуги впряженли коней в карету. Нино собирала вещи и о чем-то говорила по-грузински с Куколкой. Потом мы ехали полем. Ильяс бек - верхом рядом с нами.

Вдали были видны огни Гянджи. На мгновение прошлое и настоящее слились в моем сознании. Я увидел бледного, серьезного Ильяс бека с кинжалом на поясе на мардакянской бахче, спокойную и гордую Нино.

В Гянджу мы приехали глубокой ночью. На улицах было беспокойно, людно. На мосту, разделяющем армянские и азербайджанские кварталы, стояли солдаты с оружием наизготовку.

На балконе правительенного здания в свете факелов развевался флаг Азербайджанской Демократической Республики.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Усталые солдаты отдыхали во дворе самой большой в Гяндже мечети. Где-то у реки строчил пулемет.

Я сидел, прислонившись к стене, слушал этот отвратительный треск и думал о том, что Азербайджанская Республика доживает свои последние дни. Передо мной была миска супа, на коленях лежала тетрадь, куда я торопливо записывал происходящее.

Что произошло за это время? Что происходило в эти восемь дней с тех пор, как мы с Нино остановились в маленьком номере гянджинской гостиницы?

- Сумасшедший, ты совсем потерял голову, - говорил Ильяс бек.

Было три часа ночи. В соседней комнате спала Нино.

- Сумасшедший, - повторил он и принял расхаживать по комнате.

Я сидел за столом, и мне было совершенно безразлично, что думает Ильяс бек.

- Я остаюсь здесь, - снова сказал я. - Придут добровольческие отряды, и мы будем сражаться. Я не собираюсь бежать со своей Родины.

Ильяс бек остановился передо мной, грустно и зло взглянул на меня.

- Али хан, мы вместе учились в гимназии и на больших переменах вместе дрались с русскими. Я был рядом с тобой, когда ты догонял машину Нахааряна. Я отвозил Нино домой, и я стоял рядом с тобой у ворот Цицианишвили. Но теперь ты должен уехать. Ради Нино, ради себя и ради нашей Родины, которой ты еще будешь нужен.

- Если ты остаешься здесь, Ильяс бек, то остаюсь и я.

- Я остаюсь потому, что я - одинок, потому что я умею командовать солдатами, и у меня есть опыт уличных боев. Уезжай в Иран, Али хан.

- Я не могу уехать ни в Иран, ни в Европу.

Я подошел к окну. Во дворе горели факелы, доносился лязг металла.

- Али хан, наша республика не продержится и восьми дней.

Я безразлично кивнул. Под окном прошли люди с оружием в руках. Из соседней комнаты послышался шум, я оглянулся и увидел стоявшую в дверях Нино.

- Через два часа последний поезд на Тифлис, - сказал я жене.

- Да, Али хан, мы едем.

- Нет, едешь ты с Куколкой. Я приеду позже. Пока мне надо остаться здесь. А ты должна уехать. Сейчас все совсем иначе, чем было в Баку. Ситуация совершенно другая, ты не можешь оставаться здесь, Нино, теперь у тебя есть ребенок.

Я говорил что-то еще. Отсветы факелов играли на стене, блики падали на лицо Ильяс бека, стоявшего в углу, опустив голову.

Нино уже окончательно проснулась. Она тихо подошла к окну, выглянула на улицу, потом обернулась к Ильяс беку. Ильяс бек отвернулся. Нино вышла на середину комнаты, склонила голову набок.

- А как же Куколка? - спросила она. - У нас ребенок, ты не хочешь ехать с нами?

- Я не могу ехать, Нино.

- Твой прадед погиб на гянджинском мосту. Я помню это еще из экзаменов по истории.

И вдруг, застонав, как раненый зверь, Нино опустилась на пол. Глаза ее были сухими, тело била крупная дрожь. Ильяс бек выбежал из комнаты.

- Я приеду к вам, Нино. Очень скоро, всего через восемь дней.

Нино продолжала стонать. Люди за окном пели гимн гибнущей республики.

Вдруг Нино замолчала. Она долго смотрела на меня, потом поднялась. Я взял чемодан, запеленатую Куколку, и мы тихо спустились по ступенькам гостиницы. Ильяс бек ждал нас в машине. Через толпу мы с трудом проехали к вокзалу.

- Потерпи три-четыре дня, Нино, - сказал Ильяс бек, - всего три-четыре дня, и Али хан будет с вами...

Нино спокойно кивнула.

- Знаю. Мы поживем сначала в Тифлисе, а потом уедем в Париж. У нас будет домик с садом, и вторым родится мальчик.

- Да, Нино, все будет именно так...

Я старался говорить спокойно и уверенно. Глядя вдаль, Нино стиснула мне руку.

Медленно скользя по извивающимся, как змеи, рельсам, из темноты выполз похожий на зловещее чудовище поезд.

Нино торопливо поцеловала меня.

- Всего хорошего, Али хан. Через три дня встретимся.

- Конечно, Нино, а потом уедем в Париж.

Она улыбнулась, я не мог шевельнуться, словно мои сапоги приросли к перрону. Ильяс бек проводил Нино в вагон. Она выглянула из окна, похожая на испуганную, потерявшую гнездо маленькую птичку. Поезд тронулся. Нино махнула мне рукой.

Ильяс бек на ходу спрыгнул с подножки вагона.

Мы возвращались в город, и я думал о доживающей последние дни республике.

Светало. Город был подобен арсеналу. В Гянджу подтянулись крестьяне, привозя с собой припрятанные пулеметы, боеприпасы. С армянской стороны изредка доносились выстрелы. Та часть города уже принадлежала России.

В Гяндже появился человек с густыми бровями, орлиным носом и глубоко запавшими глазами. Это был шахзаде Мансур Мирза Гаджар. Никто не знал, кто он и откуда приехал. Он происходил из рода Гаджаров, и на его папахе сиял серебряный иранский лев. Человек этот, считавший себя потомком Ага Мухаммеда, взял командование на себя.

Батальоны русских приближались к Гяндже, город был полон беженцами из Баку. Они рассказывали о расстреле министров, аресте депутатов парламента, трупах, выброшенных в море с привязанными к ногам ядрами.

- Мечеть Тезе Пир превращена в клуб, русские избили Сеида Мустафу, собравшегося молиться на крепостной стене. Они связали ему руки и сунули в рот кусок свинины. Ему удалось бежать в Мешхед к дяде. А его отца русские расстреляли.

Все это рассказывал мне Арслан ага, наблюдавший, как я раздаю оружие.

- Али хан, я тоже хочу воевать.

- Ты? Ах, ты перемазанный чернилами поросенок, ты тоже хочешь воевать?

- Я не поросенок, Али хан. И я, как все вы, люблю свою родину. Мой отец убежал в Тифлис. Дай мне винтовку.

Лицо его было серьезным, он смотрел на меня, взволнованно хлопая глазами.

Я дал ему винтовку и включил в свою команду, позиции которой были у моста. Улицы по ту сторону моста уже были заняты русскими.

В знойный полдень мы сошлись в рукопашной. Перед моими глазами мелькали широкоскульные, плоские лица, треугольные штыки. Дикая ярость обуяла меня.

- Вперед! - кричал кто-то.

Воздух был пропитан запахами пота и крови. Я взмахнул прикладом и почувствовал,

как пуля царапнула мне плечо. Со всей силой я опустил приклад на чью-то голову. Череп раскололся, мозг брызнул наружу, смешиваясь с пылью, я выхватил кинжал и бросился на нового противника. Когда тот упал, я краем глаза заметил, как Арслан ага вонзает кинжал в глаз своего противника.

Издали послышались сигналы трубы. Мы залегли на углу и принялись беспорядочно обстреливать армянские кварталы. Ночью мы переползли по мосту обратно в нашу часть города. Обмотанный пулеметными лентами Ильяс бек сидел на мосту и чистил пулемет.

Мы устроились во дворе мечети. В ночном небе светили звезды, Ильяс бек рассказывал, как в детстве он купался в море, попал в водоворот и чуть не утонул. Потом мы похлебали супа, съели несколько персиков. Арслан ага тоже был с нами, ему в бою выбили зубы, и разбитая десна кровоточила.

- Я боюсь, Али хан, я страшный трус.

- Тогда оставь оружие, пройди полем к Пуле и плыви в Грузию.

- Я не могу сделать этого, я хочу драться, я, хоть и трус, но родину люблю не меньше остальных.

Я ничего не ответил.

Начинался очередной рассвет. Издали доносилась артиллерийская канонада. На минарете мечети стояли шахзаде Гаджар и Ильяс бек. В руках Ильяс бека был бинокль. Над минаретом развевался флаг. Издали слышались звуки трубы. Кто-то затянул песню о турецком государстве.

- Я кое-что слышал, - послышался чей-то голос неподалеку от меня. Лицо говорившего было бледным, как у покойника, глаза задумчивы. - В Иране появился некто по имени Рза. Он командует армией, и они побеждают. И Кямал в Анкаре тоже собрал армию. Мы деремся не зря. Нам на помощь идут двадцать пять тысяч человек.

- Не двадцать пять тысяч, - сказал я, - а двести пятьдесят миллионов, весь мусульманский мир спешит помочь нам. Но одному Аллаху известно, успеют ли они.

Я поднялся и пошел к мосту. Лег за пулемет, и лента, как четки, заскользила меж моих пальцев. Арслан ага подавал мне ленту. Он был бледен, но улыбался. Со стороны русских началось какое-то движение, мой пулемет строчил без передышки. С той стороны заиграли призыв к атаке. Из глубины армянских кварталов послышался марш Буденного.

Я поднял голову. Передо мной лежала широкая, пересохшая река. Русские, пригибаясь, перебегали площадь, стреляя на ходу. Пули со свистом вонзались в опоры моста. Я отвечал им плотным огнем. Русские падали, как игрушечные солдатики, но взамен убитых появлялись все новые и новые. Их были тысячи, и мой одинокий пулемет был бессилен на гянджинском мосту.

Арслан ага по-детски вскрикнул и застонал. Я бросил взгляд в его сторону. Он лежал, распростервшись, и струйка крови стекала из уголка его раскрытых губ. Я снова стиснул гашетку пулемета, поливая русских огнем. Труба опять заиграла атаку.

Моя папаха улетела в реку - то ли пуля снесла ее, то ли порыв ветра.

Я рванул гимнастерку на груди. Теперь между мной и противником было только тело Арслана ага. Значит, можно быть трусом, но умереть за родину, как герой.

Трубы на том берегу заиграли отбой. Мой пулемет смолк. Взмокший от пота, голодный, я сидел на мосту и ждал, когда меня сменят. Пришла смена. Они подняли тело Арслана ага и положили его перед пулеметом, как прикрытие. Я вернулся в город.

* * *

И вот я сижу во дворе мечети, помешивая ложкой свой суп. У входа в мечеть стоит шахзаде Мансур, рядом Ильяс бек с картой. Я нечеловечески устал. Через несколько часов надо снова идти к мосту, и я знаю, что Азербайджанская Республика продержится всего еще несколько дней...

Довольно. Хочется спать. Я буду спать, пока труба вновь не призовет меня к мосту, где сто лет назад за свободу своего народа отдал жизнь мой прадед Ибрагим хан Ширваншир.

"Али хан Ширваншир погиб в 5 часов 15 минут на гянджинском мосту. Его тело упало в пересохшую реку, пронзенное восемью пулями. В его кармане найдена тетрадь. Если на то будет воля Аллаха, я доставлю эту тетрадь его жене. На рассвете, незадолго до наступления русских, мы похоронили его во дворе мечети. Наша республика погибла, как погиб Али хан Ширваншир.

Ротмистр Ильяс бек, сын Зейнала ага из поселка Бинагады".

1 Грамматические категории латинского языка.

2 Здесь обыгрываются омонимические сочетания "гара бах" - "взгляни на снег" и "гара баг" - "великий сад"

3 Здесь: телохранитель.

4 Рамазан - девятый месяц по лунному календарю.

5 В христианской мифологии - пророк Илья.

6 Герой поэмы Фирдоуси "Шахнамэ".

1 Ашура - десятый день месяца мухаррам (первого месяца мусульманского лунного календаря), день смерти имама Гусейна в Кербала.

7 Баб (1819-1850) - глава мусульманской секты, расстрелянный при Насреддин шахе за стремление осуществить общественно-политические реформы.

8 Баб - ворота. В данном случае имеется в виду и Баб - руководитель и идеолог движения.

9 Головной убор духовных лиц.

10 Челекен - полуостров на восточном побережье Каспия.

11 Туман - денежная единица в Иране.

12 Персонажи поэмы Фирдоуси "Шахнаме".

13 Заупокойная молитва, плач.

14 Во имя Аллаха милостивого и милосердного.

15 Слава Аллаху, Господу миров, милостивому, милосердному, держащему в своем распоряжении день суда.

16 Тебе поклоняемся, и у тебя просим помощи.

17 Веди нас путем прямым, путем тех, которых ты облагодетельствовал.

18 Не тех, которые под гнетом, не тех, которые блуждают.